ROSA LUXEMBURG

GEGEN DEN REFORMISMUS

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПРОТИВ РЕФОРМИЗМА

ЧАСТЬ II

ГОСИЗДАТ РСФСР
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
МОСКВА 1930

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ[1]

Падение кабинета Бриссона и, в особенности, порядок дня палаты депутатов, послуживший причиной его падения, показали в яркой недвусмысленной форме, в чем заключается кардинальный вопрос, вокруг которого вертится общественная жизнь современной Франции: это — борьба буржуазной власти, т. е. республики, с военной властью. Это явление — борьба между буржуазной республикой и ее собственной армией, огромная роль, которую военная власть в последнее время играет во Франции, — должно, собственно говоря, показаться на первый взгляд странным. Было бы ошибкой считать нынешнюю кампанию высших начальников армии против республики непосредственным монархистским заговором. Само собою разумеется, что монархизм старается использовать кризис в своих интересах, и при первом благоприятном повороте он может очень легко появиться на сцене и при известных обстоятельствах даже одержать победу. Однако главную роль в современном кризисе играет не монархизм, а армия, военная власть, как таковая, которая ведет отчаянную борьбу с республикой. Речь идет о самом существовании, о кровных интересах высшей военной власти, а монархизм выступает лишь как ее естественный союзник в борьбе против республиканской гражданской власти. Армия играет теперь самостоятельную роль во Франции, и это имеет огромное историческое, мы сказали бы, симптоматическое значение.

Не в первый раз приходится в истории наблюдать такое явление, когда военная власть, этот орган, созданный для охраны и обслуживания всего общественного организма, начинает вести за его счет самостоятельное существование и обращается против своего собственного общества. Такое зрелище представляет нам древний Рим последних столетий, когда преторианское войско стало властителем государства, возводило императоров на престол и низвергало их, опустошало и грабило свою страну, как вражескую. Ту

[1] Sächsische Arbeiterzeitung от 29 октября 1898 г.

же картину мы видим в прежней Польше уже в XVII веке, когда армия хозяйничала в стране хуже турок, вела на свой риск внешнюю политику и стала пугалом гражданской власти и всего общества. И каждый раз это явление служит верным, безошибочным признаком разложения данного общества. Всякий общественный организм функционирует нормально лишь до тех пор, пока различные его органы правильно выполняют свои функции и субординируются своему целому. Но когда общество начинает разрушаться, то это выражается прежде всего в том, что отдельные его органы и, в первую очередь, орган внешней обороны — армия вырождается в самодовлеющую власть и вместо того, чтобы служить обществу, обращается против него и ускоряет его разложение. Но так как фактическая армия, как таковая, не имеет особых своих интересов, обусловленных материальным строением общества, то такое самостоятельное выпячивание интересов армии означает не что иное, как коррупцию, личный режим, расцвет самых низменных частных интересов в армии.

Это же явление мы видим и в современной Франции. Дело Дрейфуса получило такое огромное значение лишь потому, что послужило гнойником, выявившим политическое и моральное гниение, которое охватило французскую армию. И если именно во Франции коррупция армии зашла так далеко, как ни в одной другой капиталистической стране, то это является, между прочим, результатом республиканской формы правления во Франции, которая, с одной стороны, проводит в самой чистой форме отделение гражданской власти от военной, а с другой — в качестве адэкватной политической формы развития буржуазного общества ускоряет также разложение этого общества. И современная буржуазная Франция стоит совершенно беспомощно против дерзко подымающей голову военной власти. Аграрии, точно так же как и высшие финансовые круги, всегда и с давних пор настроенные монархически, видят в милитаристском засилии прямую поддержку для своих антиреспубликанских планов. А широкая масса буржуазии, партия республиканских плутократов, так тесно связана с армией тысячью нитей — семейными узами, общею коррупцией и, прежде всего, страхом перед пролетариатом,—что не может решительно выступить против нависшей угрозы военной диктатуры, ибо тем самым нанесла бы раны самой себе.

Такое положение приводит периодически к власти мелкобуржуазную радикальную партию. Будучи сама ублюдком, каким-то промежуточным образованием между буржуазией и пролетариатом, она призвана, с одной стороны, разложением буржуазии, с другой — бессилием пролетариата к роли спасителя буржуазной республики, гибнущей от собственной своей несостоятельности. Осложнения, связанные с Панамским каналом, привели к власти кабинет Буржуа, дело Дрейфуса — кабинет Бриссона.

Но именно промежуточный характер мелкобуржуазного радикализма, навязывающий ему периодически роль спасителя республики, лишает его, с другой стороны, возможности быть на высоте этой роли. Для буржуазии он, со своей программой социальной реформы, слишком радикален, слишком мало буржуазен, пролетариат же для него слишком революционен. Поэтому, когда доходит до дела, буржуазия всегда предает радикальное правительство, а радикалы предают пролетариат. По той же причине радикальная партия не может иметь в парламенте прочного большинства; она держится на поверхности только благодаря случайному большинству и парламентским уловкам. Но внутреннее чувство собственного бессилия имеет последствием то расслабленное, неуверенное, трусливое поведение радикальных правительств, которым они систематически в короткий срок сами себя губят. Современный мелкобуржуазный радикализм все еще совершенно тот же, каким был за полвека, когда Маркс его изображал в своем «Восемнадцатом брюмера»: он начинает свою работу с шумной увертюры, чтобы при первом подходящем случае найти повод к собственному поражению и исчезнуть со сцены. Кабинет Буржуа ухватился за лишенный значения и силы вотум недоверия сената, чтобы повернуться спиной к парламенту и бежать с поля сражения. Бриссон, доверивший наиболее важный и опасный пост — военное министерство — одному генералу, вместо того чтобы занять его самому, пал вследствие предательства этого генерала.

Радикализм не может спасти буржуазную республику, как не может ее спасти и оппортунистическая буржуазия.

При данном положении, на долю французского пролетариата, как сейчас и во всех почти капиталистических странах, выпадает задача принять на себя защиту буржуазных исторических достижений от самой буржуазии. Буржуазная республика, которая не имеет для пролетариата даже самых жалких социальных реформ, которая угощает борющихся рабочих пулями, которая бешено преследует его профессиональные организации, продажная, прогнившая буржуазная республика имеет в настоящее время единственного верного и надежного стража в лице пролетариата. В палате депутатов одна только социалистическая фракция, по крайней мере в лучшей своей части, несмотря на все предательства, шатания и промахи радикальной партии, каждый раз до последнего момента оказывает ей неизменную поддержку. Но сама социалистическая фракция слишком слаба, чтобы надолго обеспечить правительству

существование, а с другой стороны, при наличной своей силе она недостаточно сомкнута и едина, чтобы располагать надлежащим влиянием на политическое положение страны.—Франция оказалась в безвыходном тупике; и так как данная полная противоречий ситуация не может найти разрешения в рамках буржуазной республики, то должна искать выхода в периодических кризисах и калейдоскопической смене правительств. Республика имеет теперь труп в собственном доме — дело Дрейфуса, и, не будучи в состоянии собственными силами его удалить, она рискует задохнуться от миазмов его разложения.

Социальная и политическая жизнь Англии внушила Эдуарду Бернштейну убеждение в прочности и несокрушимости буржуазного общества, в предстоящем ему еще длительном периоде развития. Из английских условий он сделал вывод, что буржуазное общество еще слишком сильно, внутренне здорово и жизнеспособно, чтобы рабочий класс был в состоянии в близкое время поколебать его основы. Современная Франция представляет картину, которая ведет к диаметрально противоположным выводам. Во Франции господство буржуазии находится уже в таком состоянии разложения, что оно сейчас уже составляет угрозу для нормального существования общества и повергает социальную жизнь в хронический кризис. Франция — страна, где буржуазное общество разрушается не слишком медленно, а слишком быстро, где социальный распад буржуазии опережает развитие пролетариата, а не наоборот. Мы не видим во Франции политически зрелого рабочего класса, который при наличии сильного и несокрушимого буржуазного строя был бы в состоянии взять в свои руки управление политической жизнью, а, наоборот, совершенно расшатанное общество, кормило которого ждет крепкой и уверенной руки, между тем как рабочий класс численно далеко еще не организован и не настолько самостоятелен, чтобы овладеть положением. Шаблонизирование в вопросах общего буржуазного развития оказывается в корне ложным. Если Англия может импонировать прочностью своих буржуазных институций, то Франция должна внушать ужас своим преждевременным разложением буржуазии.

Но из современного положения Франции можно извлечь еще другой урок. Именно в этой гибнущей стране, для существования которой буржуазный строй уже сейчас стал угрозой, которая уже сейчас носится как судно без руля в порочном круге разложения, крупная промышленность прогрессировала гораздо меньше, чем в других крупных западно-европейских странах, и наиболее еще сильны мелкое ремесло и средние слои. Если расшифровать социальные судьбы Франции только на основании ее промышленной статистики, то пришлось бы заключить, что Франция находится еще в первоначальной стадии своего буржуазного развития, что ей предстоит еще колоссальный путь здорового, прочного подъема. Но факты опрокидывают такое заключение и доказывают, что судить об общих путях развития общества на основании нескольких сухих цифр, это значит — заниматься мертвым доктринерством, которое никогда не бывает в состоянии охватить совокупную общественную жизнь во всей ее сложности и многогранности. Именно на примере современной Франции мы видим, что на темп буржуазного развития, на ряду с чисто экономическими факторами и совместно с ними, воздействуют факторы политические, исторические, и в такой степени, что могут свести на-нет самую хитроумную теорию о сроках жизнеспособности капиталистического строя.

И, наконец, еще третий урок. Было бы смешно утверждать, что пролетариат во Франции—если бы он был к тому подготовлен — мог бы использовать современное положение для устранения буржуазного строя, не считаясь с ситуацией в других странах. Но не подлежит никакому сомнению, что в текущем кризисе он мог бы сыграть несравненно более значительную роль и выдвинуться в классовой борьбе на лучшие позиции, чем это теперь фактически имеет место. И если что виною в том, что французский рабочий класс, благодаря своей разрозненности, отсутствию единства, нерешительности, оказался не совсем на высоте положения, то это — недостаток принципиальной ясности, социалистической подготовки, теоретического и тактического опыта. Во Франции, как и везде, в нас самих, прежде всего, должны быть созданы предпосылки для успешного воздействия на ситуацию, порожденную экономическим и политическим развитием, а для этого нужна, в первую голову, принципиальная ясность.

ТАКТИЧЕСКИЙ ВОПРОС [1]

Вступление Мильерана в министерство Вальдека-Руссо должно навести не только французских, но и других социалистов на ряд размышлений тактически-принципиального характера. Активное участие социалистов в буржуазном правительстве есть во всяком случае явление, лежащее за пределами обычных форм деятельности социалистов. Имеем ли мы здесь дело со столь же законной и целесообразной формой служения делу пролетариата, каковой является, например, деятельность в парламенте, в муниципалитете? Или это долж-

[1] Leipziger Volkszeitung от 6 июля 1899 г.

но рассматриваться, наоборот, как разрыв с тактикой и принципами социализма? Или, наконец, участие социалистов в буржуазном правительстве должно быть признано в исключительных случаях, при наличии определенных предпосылок, допустимым и необходимым, при других — вредным и недопустимым?

С точки зрения того оппортунистического понимания социализма, которое в последнее время стало проповедываться в нашей партии в теории Эдуарда Бернштейна, т. е. с точки зрения введения социализма по кусочкам в буржуазный строй, вступление социалистических элементов в правительство должно казаться столь же желательным, сколько и естественным. Если социализм можно вообще протащить в буржуазное общество контрабандным путем и постепенно, маленькими дозами; если, с другой стороны, капиталистическое государство само постепенно превращается в социалистическое, тогда прогрессивно возрастающее привлечение социалистов в буржуазные правительства является даже естественным результатом прогрессивного развития буржуазного государства, в полном соответствии с мнимым приближающимся переходом их в социалистическое большинство в законодательных органах. Если это явление соответствует оппортунистической теории, то не менее соответствует оно и оппортунистической практике. Так как основной целью ее является достижение какими бы то ни было средствами ближайших обязательных успехов, то вступление социалистов в правительство должно иметь в глазах «практического политика» значение неоценимого успеха. Каких только улучшений, смягчений и социальных штопок всякого рода не сможет провести социалистический министр!

Иначе стоит вопрос, если исходить из той точки зрения, что вводить социализм можно лишь после крушения капиталистического строя и что деятельность социалистов в настоящее время должна сводиться лишь к субъективной и объективной подготовке этого момента путем классовой борьбы. Несомненно, социал-демократия, чтобы влиять практически, должна занимать все доступные ей в современном государстве позиции, должна всюду продвигаться. Но необходимая предпосылка при этом та, чтобы на этих позициях можно было вести классовую борьбу, борьбу с буржуазией и государством.

В этом отношении, однако, между законодательными органами и правительством буржуазного государства есть одно существенное отличие. В парламентах рабочие представители, если они не в состоянии добиться осуществления тех или иных своих требований, могут все же отстаивать их, по крайней мере, тем, что продолжают оставаться в оппозиции. В правительстве же, задача которого состоит в том, чтобы

проводить в жизнь законы, т. е. действовать, нет места для принципиальной оппозиции; все члены его должны вместе непрерывно работать и должны иметь, — даже если правительство, как это с некоторого времени имеет место во Франции, является коалиционным, составленным из представителей разных партий, — принципиально-общую почву под ногами, дающую им возможность действовать, т. е. почву существующего строя, короче говоря, почву буржуазного государства. Крайний представитель буржуазного радикализма может, в общем и целом, работать в правительстве бок-о-бок с самым отсталым консерватором. Принципиальный же противник существующего строя, наоборот, стоит перед альтернативой: или на каждом шагу составлять оппозицию буржуазному большинству в правительстве, т. е. фактически не быть активным членом в правительстве — явно невозможное положение, которое должно привести или к удалению социалиста из правительства, или, в конечном счете, к тому, чтобы он делал то же, что и они, т. е. выполнял изо дня в день работу, необходимую для поддержания и дальнейшего функционирования государственной машины в любой отрасли правительственной деятельности, т. е. чтобы фактически *не был социалистом*, — по крайней мере, не был им в пределах выполнения правительственных функций.

Социал-демократия, правда, имеет в своей программе много требований, которые — по крайней мере, говоря отвлеченно — могут быть приняты буржуазным правительством, как и буржуазным парламентом. Поэтому на первый взгляд может показаться, что социалист может и в правительстве, как в парламенте, служить делу пролетариата, стремясь провести в жизнь соответствующие его интересам возможные и достижимые социальные реформы. Но и в данном случае опять оказывается то, что тактикой оппортунистов обычно игнорируется, а именно, что в процессе социал-демократической борьбы дело сводится в первую очередь не к вопросу о цели, а к вопросу о средствах осуществления. Когда представители социал-демократии в законодательных органах пытаются проводить социальные реформы, то они имеют полную возможность вести одновременно борьбу против буржуазного законодательства и буржуазного правительства вообще, — что, между прочим, наглядно выражается в отклонении бюджета, — и придавать своей борьбе даже за буржуазные реформы принципиально социалистический характер, характер пролетарской классовой борьбы. Наоборот, социал-демократ, который *те же самые* социальные реформы проводит как член правительства, т. е. одновременно стремится к поддержанию буржуазного государства в целом, сводит свой социализм, в лучшем случае, к буржуазной демократии

или к буржуазной рабочей политике. Почему-то, в то время как проникновение социал-демократов в народное представительство способствует усилению классовой борьбы, т. е. помогает делу пролетариата, вступление их в правительство может иметь результатом лишь деморализацию и смуту в рядах социал-демократии. Представители пролетариата лишь при одном условии могут вступать в буржуазное правительство, не изменяя своему долгу, а именно, если они вступают в такое правительство с целью овладеть им и превратить его в правительство господствующего рабочего класса.

Нет сомнения, что в процессе развития или, вернее, упадка капиталистического общества могут наступать моменты, когда окончательное овладение властью для представителей пролетариата еще невозможно, но участие их в буржуазном правительстве оказывается необходимым; это бывает тогда, когда на карту поставлена свобода страны или демократические завоевания, вроде республики, а буржуазное правительство настолько уже скомпрометировано и дезорганизовано, что не в состоянии без поддержки представителей пролетариата вести за собой народ. В подобном случае представители трудового народа, само собой разумеется, не должны отказываться от защиты общего дела в угоду абстрактным принципам. Но и в этом последнем случае участие социал-демократов в правительстве должно носить такую форму, которая не вводила бы ни буржуазию, ни народ, в малейшее заблуждение относительно преходящего характера и исключительной цели их тактики. Другими словами, вступление социалистов в правительство и в этом случае не должно знаменовать солидарность их с его деятельностью и существованием в целом. Весьма сомнительно, чтобы в такой именно обстановке происходило дело во Франции, где социалистические партии с самого начала, даже не думая об участии в правительстве, изъявляли готовность поддержать любое честное республиканское правительство, в то время как вступление Мильерана в министерство, происшедшее, во всяком случае, без согласия на то его коллег, скорее отпугнуло их от такой поддержки. Во всяком случае, нам важно было здесь не решать специальный вопрос в связи с кабинетом Вальдека-Руссо, а вывести из наших основных принципов общую линию поведения. С этой точки зрения, вступление социалистов в буржуазное правительство нам кажется экспериментом, который может окончиться лишь во вред классовой борьбе.

Социал-демократии по существу предначертана в буржуазном строе роль оппозиционной партии; в качестве же правящей она может выступить лишь на развалинах буржуазного государства.

ЕДИНСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ВО ФРАНЦИИ [1]

I

Разрозненность в социалистическом движении имеет всегда роковые последствия, единство для него всегда необходимо— этот неизменный социал-демократический тезис мог бы придать совершившемуся только что делу объединения французских товарищей окраску случайного события, которое с таким же успехом могло или должно было бы произойти на десять или пятнадцать лет раньше. Но стоит только остановиться на внутренних условиях французского рабочего движения и, особенно, на его развитии, чтобы убедиться, что и в вопросе единства всякий шаблон ведет к ложным заключениям.

Когда в конце 70 годов французское рабочее движение опять начало оправляться от сокрушительного удара, нанесенного ему падением Коммуны, оно представляло пеструю мешанину разнородных элементов. Прудонистские поборники кооперации, утописты старой школы (как Малон, основатель «интегрального социализма»), анархисты, узкие приверженцы профессионального движения, опекаемые буржуазными радикалами, бланкисты, коллективисты, наконец, бывшие борцы Коммуны, склоняющиеся к чистому радикализму,—эта пестрая смесь всех школ и программ, с сильным преобладанием идеи кооперативной самопомощи, была, так сказать, той первичной тканью, из которой должны были развиться позднейшие социалистические организации. Это могло совершиться, естественно, лишь в процессе диференцирования и постепенного удаления инородных (мешающих) элементов. В 1879 г., на Марсельском конгрессе, по вопросу о социалистической конечной цели, происходит отделение социалистов от приверженцев кооперации.

Вопрос о парламентской выборной программе приводит к разрыву, с одной стороны, между социалистами и анархистами, с другой—между коллективистами и поссибилистами. Бланкисты, поссибилисты, коллективисты — это три основных группы, возникшие в процессе диференциации, из них последняя, гэдистская рабочая партия, по своей программе и тактике была наиболее родственна германской социал-демократии.

Если в интересах выяснения и отграничения классовой точки зрения эти группировки были естественной исходной точкой современного французского рабочего движения, то в последующей стадии они стали существенной поме-

[1] Leipziger Volkszeitung от 18, 19 и 20 декабря 1899 г.

хой его развития. При этом особенно важно то обстоятельство, что в 70-х и 80-х годах французскому пролетариату незачем было предпринимать борьбу общеполитического характера: социалистические партии нашли готовыми основные политические свободы: избирательное право, право коалиций, свободу печати. Репрессии правительства в 80-х годах ограничивались по необходимости полицейскими и судебными преследованиями отдельных агитаторов и организаций, и против них можно было реагировать, даже не объединяясь для общей борьбы.

Так же мало и парламентская борьба могла создать объединяющую связь. Первые социалистические депутаты 80-х годов застали в палате депутатов господство мелкобуржуазного радикализма, в момент высшего его расцвета, и при своей малочисленности не могли развить сколько-нибудь заметной деятельности.

В качестве третьего фактора сюда присоединяется равнодушие к теоретическим спорным вопросам, свойственное французскому темпераменту, который менее склонен к умозрению, чем к осязательной деятельности. Но на практике различия между партиями, в общем и целом, становились с течением времени все менее существенными.

Прежние кооператоры были ассимилированы бланкистами и научились у них политической борьбе. Сами бланкисты приспособились к условиям третьей республики и перешли, в конце концов, всецело на социал-демократическую точку зрения, которую по временам проводили даже решительнее, чем гэдисты[1]. Аллеманисты (ответвление поссибилистов), хотя теоретически и в организационных вопросах склонялись к анархизму, фактически принимали участие в парламентской работе наравне с другими политическими партиями. В профсоюзной работе гэдисты состязались с аллеманистами. И если гэдисты — наиболее сильная и влиятельная партия — имели на своей стороне преимущество научной марксистской теории, то, с другой стороны, их аграрная программа и выборные компромиссы показывали, что и они, подобно прочим партиям, умели в определенных случаях ставить актуальные успехи выше абстрактного принципа.

Таким образом, отсутствие во Франции социалистического единства вплоть до 90-х годов давало себя чувствовать гораздо меньше, чем можно было бы ожидать теоретически и, в особенности, с точки зрения немецких условий. Соответственно этому мы не видим, чтобы и до самого недавнего времени какая-нибудь из старых партий сделала

[1] Так, например, при дебатах о таможенных пошлинах группа Вайяна внесла в парламент предложение о полной отмене пошлин, тогда как гэдисты требовали использования таможенных доходов в интересах рабочего класса.

серьезную попытку к объединению. Тогда как в Германии лассальянцы и эйзенахцы все время были на ножах, в чем проявлялась ненормальность раскола,—во Франции отдельные группы, несмотря на взаимные трения, относились друг к другу вполне терпимо. Эти условия ясно выразились в заявлении Гэда на объединительном конгрессе, что право на существование отдельных организаций оправдывается наличием разделения труда между ними. Разрозненность приобрела своего рода право гражданства. В этом и заключался для новейшего периода опасный момент ситуации.

Было ясно, что проблема объединения достигла мертвой точки. И если бы не присоединились внешние влияния, то изнутри старые партийные организации не могли бы в предвидимое время провести объединение. Более того! Перемирие между отдельными организациями, из которых каждая, не заботясь о других, преследовала свои задачи, было без сомнения большим преимуществом на ранних стадиях французского рабочего движения. Однако, начиная с известного момента, оно должно было бы повести, не только в вопросе об объединении, но и в самой агитации, к застою, к топтанию в круге определенных форм борьбы.

Но тянувшееся десятилетиями спокойное развитие социализма в лоне отдельных организаций само сделало необходимым на известной ступени, в связи с внешними привходящими моментами, переход к новым формам борьбы, которые оказались отдельным организациям, как таковым, не по плечу.

Пока социалистическая работа исчерпывалась принципиальной пропагандой в стране и с парламентской трибуны, организацией профсоюзов и муниципальным социализмом, отдельные организации могли удовлетворять потребностям движения. Но их несостоятельность должна была обнаружиться, как только французский пролетариат был поставлен перед крупными задачами классовой борьбы в точном смысле этого слова, т. е. политической борьбы рабочих масс, организованных для единого действия. Это и произошло в 90-х годах.

Если обладание важнейшими политическими правами не могло сплотить пролетариат ко всеобщему наступлению против буржуазной республики, то зато наступившее вскоре разложение господствующей буржуазии возложило на рабочий класс историческую миссию защиты республики против буржуазии. Панамский скандал, буланжистская авантюра, дело Дрейфуса были вехами буржуазного разложения Франции от конца 80-х до конца 90-х годов.

Речь шла о том, чтобы спасти республику, демократию, современное государство от погружения в варварство, дабы

получить возможность претворить его в социалистическое общество. Перед пролетариатом предстала великая историческая задача, великая всеобъемлющая классовая борьба, и разрозненность социалистов оказалась впервые серьезной помехой социалистическому развитию во Франции.

II

Хронический внутренний кризис, переживаемый третьей республикой с конца 80-х годов, поставил перед французским социализмом новую важную задачу: уберечь современное государство от преждевременного разложения, сохранить его жизнеспособным, способным к развитию[1]. Но уже первый из кризисов, буланжистский, показал, чего нехватало старым партийным отношениям для преодоления этой задачи: способности органически связывать социалистическую конечную цель с практической повседневной политикой.

Этот порок сказался в деле Буланже и привел к расколу в социалистическом лагере. Одни, как-то: Эрнест Рош, Гранже, Брейлье, пожертвовали конечной целью повседневной политики и последовали за «ревизионистским» генералом в его разношерстную компанию, состоявшую из клерикалов, бонапартистов, радикалов, или поддерживали, как Бруссе, Аллеман, Жоффрен, противный лагерь разных Ферри, Констанов и всяких иных представителей оппортунистической буржуазии. Другие, гэдисты и бланкисты, желая блюсти классовую точку зрения, пожертвовали, напротив, повседневной политикой социалистической конечной цели и провозгласили лозунг: «Ни Буланже, ни Констан, а социальная республика!», т. е. политической распре в буржуазном лагере они противопоставили политическое невмешательство рабочего класса. Таким образом, первый крупный кризис республики еще не повел к сплочению социалистических сил, а, наоборот, к еще большему раздроблению, не к самостоятельной политике пролетариата, а к его подчинению буржуазным партиям или к политическому воздержанию.

Правда, ответственность за руководство оппозицией в начале 90-х годов падала еще не на пролетариат, а на радикальную мелкую буржуазию. Радикализм разыгрывал еще роль призванного спасителя демократии, представителя «народа» и его интересов. Но именно буланжистский кризис и стоил жизни радикализму. Кабинет Буржуа, пятью годами позднее, был последней пробой его жизнеспособности; с банкротством этого министерства, весною 1896 г., пал и радикализм. Политическая роль мелкой буржуазии во Франции была сыграна, наступила очередь для рабочего класса. Верная опора мелкой буржуазии во всех революционных движениях прошлого, от февральской революции вплоть до кабинета Буржуа, пролетариат должен был теперь взять дело демократии в собственные руки.

Первый боевой опыт не заставил себя ждать: это было дело Дрейфуса. Но здесь недопустимость социалистического разброда дала себя почувствовать еще острее, чем десять лет назад. Крупные задачи, выпадающие на долю пролетариата, никак не могут быть начаты и проведены единодушно и энергично несколькими разрозненными организациями с различной тактикой и различным влиянием. Мало того, эти отдельные партии обнаруживают даже прямую враждебность по отношению к крупным политическим движениям масс.

Дело в том, что буланжистский кризис послужил для них наглядным уроком. Он показал, что при известных обстоятельствах организации не могут совладать с массами, что, наоборот, массы их перерастают и отворачиваются от социализма и организации. Отсюда получилось у старых партий естественное, инстинктивное недоверие ко всякому самопроизвольному политическому движению масс, как к врагу, который грозит смыть в водовороте повседневной борьбы самые ценные достижения: классовую точку зрения, конечные цели и даже самые организации.

Отсюда логически вытекает и отрицательное отношение трех руководящих групп к активному участию в дрейфусовской кампании. «Ni l'un, ni l'autre» — ни те, ни другие! Этим лозунгом, унаследованным от буланжистского кризиса, старые партии хотели и на этот раз провозгласить политическое воздержание пролетариата.

Но крушение радикализма оставило на долю рабочего класса не только крупные задачи, но и многочисленные свежие силы, которые одни только и были в состоянии, при данном положении, взять на себя инициативу политических действий пролетариата. Одаренные публицистическими, ораторскими, парламентскими талантами, притом не связанные ни твердыми теоретическими взглядами, ни традициями собственного прошлого, независимые социалисты (жоресисты) с самого начала оказались способными осознать задачи текущей политики. Отважно врезываясь в гущу политической жизни, они провозгласили практический лозунг: «против милитаризма!» и увлекли за собой социалистические массы. Таким путем в дрейфусовском кризисе рабочий класс

[1] Эта формулировка задач пролетариата, конечно, в корне неверна и совершенно противоречит как изложенной в данной связи концепции Р. Л., так и общей ее концепции. Задача может заключаться единственно лишь в том, чтобы использовать скоротечное разложение буржуазного государства как повод для энергичного продвижения пролетариата.

впервые сыграл самостоятельную активную роль в повседневной политической борьбе.

Но с возникшим при таких условиях массовым движением были неразрывно связаны серьезные опасности. Под руководством независимых социалистов классовый характер движения не мог быть охранен в достаточной степени. Там и сям, под волнами повседневной политики, исчезла ясная пограничная черта между враждебным национализму пролетариатом и ревизионистским лагерем буржуазии, между борьбой против милитаризма и борьбой за спасение и сохранение милитаризма. Наконец, сильнее всего естественные границы классовой борьбы были стерты делом Мильерана.

Если старые партии были неспособны претворить социалистическую конечную цель в практические лозунги текущей политики, то независимцы оказались не в состоянии сохранить в текущей политике печать социалистической конечной цели. Но если ошибки независимцев служили разительным доказательством того, что массовое движение пролетариата требует руководства со стороны организованной и принципиально выдержанной силы, то, с другой стороны, линия поведения старых партий доказала, что ни одна из них сама по себе не чувствовала себя на высоте задачи.

Таким образом, дрейфусовский кризис поставил французский социализм перед альтернативою: либо отказ от массового участия в великих повседневных боях современного государства, т. е. от подлинной классовой борьбы, либо отказ от раздробленности. Для отдельных организаций смысл этой альтернативы был еще следующий: либо все более терять влияние на массы в пользу независимцев и тем самым выпускать из рук социалистические повода движения, либо слиться с независимцами в более высокую форму единства. Последнее было осуществлено конгрессом в гимназии Жапи[1].

Современное слияние рабочих партий во Франции является таким образом логическим результатом социального и политического развития Франции за последнее десятилетие. Разложение буржуазной республики и одновременное крушение мелкобуржуазного радикализма вызвали на политическую сцену пролетариат как единственного стража республики и демократии. Он призван защитить великие национальные интересы современности, но при этом отливать их, в интересах социалистического будущего, в формы пролетарской классовой борьбы.

[1] Но это объединение было недолговечно.

Эта двоякая задача рабочего класса поставила впервые практически проблему социалистического единства. Отдельные организации в своей разобщенности были неспособны осознать великие национальные задачи, но без социалистической организации за политическими массовыми движениями пролетариата не мог быть сохранен характер классовой борьбы. Это противоречие должно было разрешиться социалистическим объединением.

В этом историческом обосновании современного объединения заключаются и его гарантии для будущего. Как бы сильно ни проявлялось сопротивление разнородных элементов внутри молодой объединенной партии, социалистическое единство стало уже исторической необходимостью как для французской республики, так и для французского пролетариата.

III

Естественной тенденцией социалистического объединения во Франции должно быть единство, слияние всех отдельных групп в общую партию. Лишь после того, как это слияние вполне осуществится, будет выполнена подлинная задача объединения. Но единство должно вытекать из него как естественный продукт. Внезапное упразднение старых партийных организаций разрушило бы теперь дело объединения, а не ускорило бы его. Лишь постепенно разнородные элементы должны быть воспитаны и подготовлены к общей основной концепции и одинаковой тактике.

Осуществить это может с течением времени лишь сама политическая борьба. Как практические задачи сделали необходимым и осуществили объединение, так и в дальнейшем будущем они все больше будут органически спаивать механически связанные части. Общая концепция родится из общих действий, как единственный их результат.

С другой стороны, для того чтобы стали возможны общие действия, необходимо было установление известных условий, как то: соглашение в парламенте, общий исполнительный орган, периодические совещания всех групп, контроль над печатью и над парламентской фракцией. Это было, при данных условиях, единственной задачей объединительного конгресса, которую он блистательно выполнил. Дальнейшее укрепление и развитие общих органов за счет отдельных организаций есть вопрос политических отношений во Франции.

С социал-демократической точки зрения, дело французского объединительного конгресса является событием исключительного исторического значения.

Прежде всего, объединение всех социалистических групп для общих действий есть само по себе специфически социал-

демократический успех. Как рассчитанная на весь международный пролетариат программа во всем своем объеме не может быть осуществлена единичным национальным рабочим классом, так еще гораздо менее она может быть претворена в дело единичной группой внутри пролетариата данной страны.

С точки зрения анархистского или утопического понимания социализма, усматривающего в *пропаганде* конечной цели главное средство для своего осуществления, между единичной группой и всем классом пролетариата в совокупности имеется лишь количественное различие. *Социал-демократическая* борьба, являющаяся, прежде всего, *политической классовой борьбой* в целях демократизации буржуазного государства, может вестись рабочим классом, как таковая, лишь во всей его совокупности.

И, напротив, политическая классовая борьба в широком объеме, которая стала теперь возможной во Франции благодаря объединению, является наилучшей школой для воспитания в рабочих массах *социал-демократического мировоззрения*. Принципы социал-демократии так же мало могут быть усвоены из одних только брошюр и лекций, как, например, плавание — в классной комнате. Только в открытом море политической жизни, только в широкой борьбе с современным государством, в приспособлении ко всей многогранности живой действительности пролетариат может получить выучку в социал-демократическом направлении. И в это русло толкает его сама жизнь с непреодолимой силой.

Поэтому мы нисколько не опасаемся за чистоту социал-демократических принципов, несмотря на скопление столь разнородных элементов, которые были представлены на конгрессе в гимназии Жапи. С какими бы предрассудками и пестрыми теориями ни вступили отдельные группы в общую акцию, сама борьба рано или поздно спаяет их в однородную *социал-демократическую партию*. История поступает и здесь материалистически, способствуя вылуплению научного понимания социализма лишь из *реальной* классовой борьбы пролетариата, как ее духовного отображения.

Социалистическое объединение во Франции составляет, наконец, важную главу в общем историческом процессе образования социал-демократии.

Движущую пружину социалистического развития образует с самого начала проблема органического слияния практической повседневной работы с идеалом будущего, движения с социалистическою конечною целью. Благодаря развитию буржуазного общества и росту самого рабочего класса отношение между обоими этими элементами находится постоянно в переменном состоянии и должно периодически вновь приводиться в равновесие. Непрерывный ряд конкретных разрешений этой проблемы образует, собственно говоря, существо развития социализма вообще и социал-демократии в частности.

Окончательное разрешение взаимоотношения между конечной целью и движением, между социалистическим будущим и буржуазным настоящим будет достигнуто только тогда, когда конечная цель вполне покроется движением, т. е. когда социалистическое будущее станет настоящим. Но тогда завершатся и классовая борьба, и социал-демократическое развитие.

В Германии мы только что, путем горячей дискуссии, отразили на некоторое время попытку нарушить равновесие между конечной целью и движением за счет первой. Во Франции объединением крайних элементов восстановлено теперь равновесие по всей линии.

Французское объединение является, со всех точек зрения, новым шагом как к международному сплочению пролетариата, так и к сокрушению международного капитализма.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ [1]

ВВЕДЕНИЕ

Дело Мильерана составляет первый внутренний вопрос социалистического движения одной страны, который приковал к себе всеобщее международное внимание и стал предметом обсуждения на международном социалистическом конгрессе. К сожалению, Парижский конгресс понял свою задачу скорее теоретически, чем практически, и, дав общий теоретический ответ на 9-й вопрос порядка дня, не выявил дополнительно своего отношения специально к конкретному случаю Мильерана. Каждая более или менее удачно сформулированная резолюция общего характера дает простор для различного понимания и толкования. Таким образом, непосредственно вслед за конгрессом Жорес во Франции и Бернштейн в Германии поспешили истолковать постановления Парижского конгресса в благоприятном для Мильерана смысле; напоследок и Фольмар в декабрьской книжке Sozialistische Monatshefte начал оспаривать компетенцию Каутского в толковании составленной Каутским же резолюции, изображая ее, как победу Мильерана. Поскольку Фольмар восторженно отзывается о министерском портфеле Мильерана и о грядущих пышных плодах этого события для социализма, заявляя при этом со вздохом, что германской

[1] Neue Zeit, 1900/1901.

социал-демократии, к сожалению, далеко еще до успехов французского социализма, этому удивляться не приходится. Мы никогда не сомневались, что в наших рядах тоже существуют прекрасные Елены, всегда готовые, в подобных случаях, поддаться на соблазн, стоит только Парису кинуть на них благосклонный взгляд, и мы можем сказать, как сказал когда-то мудрый Ицка, когда его спросили, могла ли бы произойти такая штука, как французская Панама, у него на родине—в Галиции: «Люди, наверное, найдутся,—только, вот, канала нет». Статья Фольмара, таким образом, не говорит нам в этом отношении ничего нового. И в своих доводах по существу дела в пользу Мильерана он передает лишь хорошо знакомую, часто повторяемую Жоресом и другими во Франции аргументацию. В дальнейшем мы будем иметь случай заняться взглядами Жореса, высказанными в ряде статей, и этим самым уже осветить и позицию Фольмара. Статья его требует опровержения специально в той части, где, помимо изложения собственных взглядов автора, в ней делается попытка информировать немцев о фактах, имеющих место во Франции, а французов — о мнении немцев,— и то и другое в одинаковой степени превратно.

Для правильной оценки дела Мильерана кардинальное значение имеют два вопроса: во-первых, принял ли Мильеран министерский пост с согласия или без согласия французских социалистов, и, во-вторых, каково было действительное мнение международного конгресса в целом и германской социал-демократии в частности по поводу вступления Мильерана в министерство, мнение, выразившееся в принятии предложенной Каутским резолюции?

Германской публике преподносят прежде всего «информацию», будто Каутский из-за недостатка предусмотрительности сильно согрешил против правды, изобразив в своей статье на страницах Neue Zeit № 2[1] вступление Мильерана в буржуазное правительство как шаг, сделанный самочинно без ведома социалистической партии. Фольмар, который не такой ветрогон, как Каутский, «весьма детально навел справки» в Париже и «из хорошо осведомленного источника» получил «точные сведения» об истории вступления Мильерана в министерство, которую он и излагает с чувством большого удовлетворения.

Мильеран в этом изображении рисуется бравым молодцом, который тотчас же по получении приглашения Вальдека-Руссо созвал заседание социалистической фракции палаты и обратился к товарищам с просьбой дать ему директивы, а товарищи не только дали ему свое согласие на вступление в правительство, но гэдисты и бланкисты, в частности

[1] Neue Zeit, 1900/1901, т. I.

же Вайян и Самба, благословили его, так сказать, со слезами радости на этот подвиг.

Если дело обстоит так, как изображает Фольмар, то совсем в ином свете рисуется, правда, не вопрос об участии социалистов в буржуазном правительстве вообще, но вопрос о поведении Мильерана, с одной стороны, внутрипартийная борьба французских социалистов — с другой. Если Мильеран — законный представитель социалистической партии, которая несет за него ответственность, то резкая оппозиция французской рабочей партии и фракции Вайяна становится совсем непонятной, и они воистину являются нарушителями социалистического единства, какими усердно изображает их Фольмар.

К счастью, международной социал-демократии вовсе не приходится переставлять вверх ногами все, что говорилось и писалось по поводу Мильерана, так как Фольмар — бывает это, как известно, и с самыми осторожными людьми — просто пал жертвой французского шутника, поверив басне, придуманной — несомненно, без дурного умысла — его «хорошо осведомленным источником». Нижеприводимое письмо Вайяна от 4 декабря прошлого года, опубликовать которое мы уполномочены, рисует дело совершенно определенно. Вайян пишет:

«...Я уже много раз имел случай публично излагать, как было дело. За два дня до образования министерства, на одном из заседаний социалистической фракции палаты, Мильеран рассказал в качестве эпизода, ставшего уже достоянием прошлого, что после падения кабинета Дюпюи ему предлагали вступить в состав министерства, и он на свою личную ответственность, совершенно оставляя в стороне партию, принимал участие в переговорах. Я тогда же заявил, что принимаю к сведению заявление Мильерана и что если бы подобные переговоры, паче чаяния, повторились и привели бы к определенным результатам, то я потребовал бы от фракции и партии декларации, которая сняла бы с партии ответственность за подобный личный акт, так как партия ни в коем случае не может участвовать в образовании центральной буржуазной власти — министерства. Мильеран выразил знаком свое согласие, и большинство из нас направилось на пленарное заседание палаты. Никто из нас тогда не думал сомневаться в правдивости слов Мильерана о том, что переговоры о министерстве были «достоянием исторического прошлого».

Вот почему я был поражен на следующий день, услышав от одного друга, считавшего себя хорошо осведомленным, что кабинет Вальдека-Руссо сконструировался и имеет в своем составе, на ряду с Галифэ, и Мильерана. Я отказывался этому верить и тотчас послал Мильерану письмо по городской почте, прося его немедленно опровергнуть слух, который я считал клеветой, и прибавив, что если бы он соответствовал истине, то сказанное мною на заседании фракции было бы к данному случаю неприменимо. Этим я хотел сказать, что ввиду присутствия в министерстве Галифэ нельзя было бы ограничиться простым заявлением, что Мильеран, вступая в министерство, не представлял и ничем не обязывал партию, но нужно было бы всеми силами протестовать против акта, который делал социалиста коллегой палача Коммуны.

Поэтому, когда на следующий день, одновременно с газетами, содержавшими известие об образовании кабинета Вальдек — Мильеран — Галифэ,

я получил по городской почте ответ от Мильерана, в котором он извещал, что получил письмо мое по возвращении из первого заседания совета министров, что дело сделано, что он убежден, что исполнил свой долг, а будущее решит, кто прав, то я поспешил к депутатам своей партии (партия социалистов-революционеров) и другим сочувствующим депутатам и в тот же вечер в газетах появился наш протест, который мы подкрепили еще тем, что отделились от социалистической фракции палаты и образовали собственную социалистически-революционную группу.

Перечитывая ваше письмо, я вижу, что наши интимные враги, на основании слов одного депутата, обвиняют меня и Самба в том, что мы отклонили внесенную во фракцию резолюцию по делу Мильерана. Вышеизложенного мною достаточно для опровержения этой версии, которую я уже раз слышал и которая тем не менее неверна. Это или заблуждение, или неправда (une contre-verité)».

Итак, дело совершенно ясно. Никакого заседания социалистической фракции палаты Мильеран не созывал, возможности своего вступления в министерство на ее обсуждение не ставил и согласия на это вступление не получал. Наоборот, на основании его слов фракция никак не могла заключить, что речь идет о случае, имеющем актуальное значение, а отношение к этим туманным намекам Мильерана со стороны Вайяна и прочих делало несомненным, что войти в правительство он мог лишь вопреки желанию представителей старых партийных организаций.

Все это, если бы он занялся собиранием фактов столь же добросовестно, как он это рекомендует Каутскому, Фольмар мог бы узнать несколько месяцев тому назад на страницах напечатанного и, насколько нам известно, и по сей день не вызвавшего возражений и опровержений «Ежегодника социалистически-революционной партии», 1899/1900 год, Париж, Рю де-Тер-Нев, 45, стр. 39—53; это освободило бы его от труда распространять под видом поучений ложные сведения.

Уже не на основании «достоверных источников», но с помощью своих собственных тонких наблюдений и построений, Фольмар вносит поправки в толкование Каутским внесенной последним и принятой международным конгрессом резолюции. По его словам, громадное большинство Парижского конгресса, голосуя за эту резолюцию, высказалось, вопреки мнению Каутского, не против, а скорее за Мильерана. Следует ряд искусно подобранных сопоставлений и противопоставлений отдельных взглядов партийных вождей, выраженных ими в словах и жестах на конгрессе и вне его.

Так, например, представитель Бельгии, Вандервельде, защищавший резолюцию Каутского в качестве докладчика, высказался категорически против участия Мильерана в министерстве. Но глубокий знаток людей Фольмар знает, что на самом деле слова Вандервельде не могли быть истолкованы буквально, ибо как докладчик он вынужден был быть любезен с обеими сторонами. То обстоятельство, что

Вандервельде еще год тому назад (на страницах Petite République, в номере от 21 сентября 1899 г.) высказал по поводу Мильерана тот же взгляд, улетучилось из памяти Фольмара, и он об этом, разумеется, умалчивает. Но если бы Вандервельде и действительно отрицательно относился к поступку Мильерана, то ведь говоривший после него Ансель безоговорочно высказался в пользу министра, а раз уж один бельгиец за Мильерана, а другой против, то очевидно, что большинство бельгийцев за Мильерана.

Но Фольмар знает мнение делегаций, даже не выслушав ни одного делегата. Так, например, англичане вовсе не высказывались по вопросу о Мильеране, но Фольмару известно, что и они, вероятно, за, а не против: если бы это было не так, то они бы не хлопали Жоресу больше, чем Гэду и Вайяну, а это Фольмар прекрасно подметил в шуме и гаме Парижского конгресса. Чего только не приметит проницательный человек!

Что касается немецкой делегации, то для Фольмара «нет никакого сомнения», что она «в подавляющем большинстве» разделяет восторженное отношение Фольмара к Мильерану. А если не сомневается Фольмар, то незачем сомневаться и читателю. Этим решается вопрос.

А что одобрительное отношение немецкой делегации к вступлению Мильерана в министерство соответствует взгляду самой партии, доказывается, по словам Фольмара, «многими в одобрительном же духе написанными статьями», появившимися в партийной печати, где обсуждаются «отдельные поступки Мильерана» и вовсе не уделяется места вопросу о вступлении его в министерство.

Итальянцы тоже не избегли общей участи служить лишним подтверждением точки зрения Фольмара. Ведь Коста констатировал против мнения Ферри, что большинство итальянской делегации поддерживало резолюцию Каутского. А раз итальянцы голосовали за резолюцию Каутского, то может ли кто-либо сомневаться, что они понимали ее в духе Фольмара, а не Каутского?

Фольмар сумел превратить в сторонника Мильерана даже его самого ожесточенного врага — Ферри. Раскрывая смысл голосования, имевшего место на Парижском конгрессе, Фольмар обнаруживает, что Ферри два месяца спустя «еще раз передумал этот вопрос» и высказался в Мантуе одобрительно по поводу участия социалистов в министерстве [1].

[1] Мы вынуждены восстановить истину и по этому вопросу. В письме от 12 декабря прошлого года, переданном нам Каутским, Энрико Ферри пишет: «Теперь, как и прежде, я против. В Мантуе я только сказал, что если новая королевская монархия действительно желает вступить на путь реформ (как это неоднократно говорят наши политики после поку-

Итак, принятие резолюции Каутского Парижским конгрессом превращается в блестящую международную манифестацию в пользу Мильерана.

К сожалению, из всей этой тонко продуманной цепи доказательств явствует только одно, а именно, что и мы в Германии уже созрели для принятия портфеля, поскольку у нас нет недостатка в адвокатских талантах. Рассуждая просто по-человечески, для выяснения подлинного мнения большинства международного Парижского конгресса, достаточно нижеприводимого факта.

В резолюции Каутского говорится:

«...Во всяком случае, такой опасный эксперимент (вступление социалистов в министерство) может быть полезным лишь в том случае, если ему дана санкция сплоченной партийной организацией, и министр-социалист является и остается уполномоченным своей партии. Там, где министр-социалист делается независимым от своей партии, где он перестает быть ее уполномоченным, вступление в министерство из средства усиления пролетариата превращается в средство его ослабления, и вместо того, чтобы способствовать завоеванию политической власти, его только отсрочивает».

То обстоятельство, что Мильеран принял министерский пост вовсе не в качестве уполномоченного французской социалистической партии, явствует не только из факта отсутствия такой объединенной партии во Франции, но и из отсутствия у него уполномочий на это со стороны как отдельных организаций, так и фракции палаты. Международный конгресс во всяком случае не подозревал об интересных тайнах «хорошо осведомленного источника», с которыми познакомили Фольмара в Париже. Как раз наоборот, все социал-демократы без исключения считали вступление Мильерана в правительство самочинным, индивидуальным актом. Даже защитник Мильерана, Жорес, только подтверждает этот взгляд, неоднократно приводя этот самочинный шаг Мильерана в качестве аргумента в пользу объединения партий.

Итак, большинство конгресса, принимая резолюцию Каутского, этим самым, хотя и не упоминая имени Мильерана, заявило, что считает его вхождение в министерство фактом,

---

шения на короля и после того, как обструкционная кампания показала им бессилие реакционного законодательства), то ей придется включить в состав правительства людей, которые действительно способны провести реформы, а не старых реакционеров типа Соннино, которые говорят о реформах только для того, чтобы попасть в правительство.

А так как крайняя левая состоит из социалистов, республиканцев и радикалов, то я сказал, что в правительство можно ввести радикалов (лидер которых, депутат Сачили, открыто высказался за монархию). Что же касается участия в министерстве итальянской монархии социалистов и республиканцев, то я, наоборот, всегда говорил, что таковое невозможно и абсурдно. Я это повторил еще недавно в речи, произнесенной мною в палате по поводу новой королевской программы (3 декабря). Итак, я ничуть не изменил своего взгляда со времени Парижского конгресса».

ослабляющим французский пролетариат и отсрочивающим момент завоевания политической власти французским рабочим классом. Иначе истолковать этого нельзя.

Если поэтому Фольмар задним числом толкует голосование в благоприятном для Мильерана смысле, то это не что иное, как новый образчик старой практики, по которой человек сам подписывается под резолюцией, означающей поражение его взглядов, чтобы затем перетолковывать ее как свою победу.

Что касается специально германской партии — это чрезвычайно важно установить ради наших французских товарищей — то, согласно опубликованной в Petite République международной анкете, все старые активные вожди ее за исключением Фольмара, т. е. Либкнехт, Бебель, Зингер, Каутский высказались п р о т и в вхождения Мильерана в министерство. Кто в конечном счете выражает мнение германской социал-демократии,—Фольмар или вышепоименованная четверка, это легко установит сам Фольмар, если он вспомнит те случаи, когда Фольмар противопоставлял свою тактику тактике Либкнехта, Бебеля, Зингера и Каутского.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ

В оправдание вступления Мильерана в министерство Жоресом и его приверженцами приводятся три соображения: необходимость обороны республики, возможность проведения социальных реформ в интересах рабочего класса и, наконец, общий принцип, по которому развитие капиталистического общества в социалистическое должно пройти через переходную стадию, в которой политическая власть находится одновременно в руках буржуазии и пролетариата, внешним выражением чего служит участие социалистов в правительстве.

Хронологически в первую очередь была выдвинута оборона республики.

«Республика в опасности!» Поэтому было необходимо, чтобы социалист стал буржуазным министром торговли. Республика в опасности! Поэтому социалист должен был оставаться в министерстве и после расстрела бастующих рабочих на острове Мартинике и в Шалоне. Республика в опасности! Вследствие этого нужно было отклонить анкету, касающуюся этой бойни, отвергнуть парламентское расследование колониальных зверств, принять закон об амнистии. Все деяния и попустительства правительства, все голосования и позиции социалистов оправдывались необходимостью защиты поставленной под угрозой республики. Пришло время, отвлекшись от внешнего водоворота злободневной борьбы и ее лозунгов, подвергнуть анализу положение и

ближе рассмотреть вопрос: как обстояло дело с этой опасностью и этой защитой?

В Северо-Американских Соединенных Штатах, вопреки самой ожесточенной внутренней классовой и партийной борьбе, ничего не слыхать об опасности, грозящей существованию республиканской формы государственного управления. Это и понятно, так как Соединенные Штаты завоевали республиканский строй одновременно с независимостью и в качестве свободной страны никогда не знали монархической формы правления. Во Франции, наоборот, опасения за судьбу республики тем естественнее, что она уже дважды провозглашалась в результате борьбы и дважды, по истечении небольшого периода, упразднялась монархией. Это прошлое бросает тень на настоящее, заслоняя от взоров промежуток исторического развития, отделяющий одно от другого.

Хотя оба наполеоновских государственных переворота — 18 брюмера[1] и 2 декабря[2] — связаны были с внешними моментами, но они нисколько не свалились с неба. Как первая, так и вторая империя были в первую очередь непосредственным результатом, предшествовавшим р е в о л ю ц и и кульминационным пунктом отлива революционного вала, и в том и в другом случае — продуктом двух мощных классов буржуазного общества: крупной буржуазии и крестьянства.

В первом случае мы имеем дело с буржуазией, которая стремилась задержать бурный поток революции, покатившийся дальше поставленной ей цели: создания правового буржуазного государства, и угрожавший самым основам его существования; буржуазия хотела вернуть этот поток к исходному пункту и здесь его подавить. На ряду с этим, мы видим крестьянство, получившее личную свободу и земельную собственность, боящееся всякого дальнейшего новшества так же, как и возврата старого режима, и желающее обеспечить свои завоевания при помощи правительства, равно враждебного революции и легитимной монархии. На другой стороне мы видим рабочий класс, который в эпоху своего краткого господства разбил мелкую буржуазию и погнал ее в объятия реакции, одновременно с этим доказав, что он, с своей стороны, не имеет еще самостоятельной, могущей быть проведенной в жизнь, программы действия, класс, совершенно истощивший себя в революционных битвах. И, наконец, перед лицом всего этого коалиция феодально-реакционной Европы, отодвинувшая на задний план внутреннюю борьбу и противоречия и выдвинувшая необходимость создания сильной централизованной власти против внешнего мира.

[1] 18 брюмера = 9 ноября 1799 г., государственный переворот Наполеона Бонапарта.

[2] 2 декабря 1851 г., государственный переворот Наполеона III.

Во втором случае во главе стоит буржуазия, которая, подобно крупным помещикам, испуганная революционным натиском пролетариата и мелкой буржуазии, сначала при помощи последней ниспровергает в июньской бойне пролетариат, чтобы затем разделаться с мелкой буржуазией, постепенно усиливает исполнительную власть за счет народного представительства и, наконец, сама протягивает голову в петлю — тем решительнее, что, будучи монархически настроена, она может выставить против монархии Бонапарта, собственно говоря, лишь то, что эта последняя не возглавляется орлеанистами или Бурбонами. На ряду с этим, мы видим крестьянство, которое со времени первой империи было предано наполеоновской традиции и видело во второй империи средство внести сильной солдатской рукой успокоение в ненавистный бунтующий городской элемент, от которого оно не ждало для себя ничего хорошего.

Итак, вопреки противоположному ходу революции, схема государственного переворота в обоих случаях была одинакова. Здесь, как и там, с одной стороны, мы видим экономические и политические интересы крупных, связанных с монархией, общественных классов; с другой стороны — истинно республиканский элемент, — рабочий класс, заранее обреченный на недееспособность. Наконец, в этих обоих случаях монархия имеет готовую основу в лице облеченного в процессе контрреволюции всеми атрибутами всемогущества военачальника и правителя — пожизненного консула или выдвинутого плебисцитом президента. Итак, то, что каждый раз выявлялось в результате государственного переворота, созревало, как плод контрреволюции, еще в недрах республики, переворот не создавал нового положения вещей, а лишь закреплял уже существующее и давал ему определенное имя.

В корне отлично сложились обстоятельства во Франции в период дрейфусовского кризиса. Кто в выпадах непокорных генералов или националистов видел предвестников третьей империи по прообразу двух первых, тот не учитывал социального развития Франции в три последние десятилетия. За это время в самых недрах французского общества произошел крупный сдвиг, общий результат которого в общем и целом был таков: республика, в двух первых случаях, задушенная раньше, чем она успела стряхнуть с себя революционный шлак, здесь впервые получила возможность просуществовать достаточно долго, чтобы начать нормальную жизнь и доказать буржуазному обществу, что она умеет приспособиться к его интересам еще лучше, чем любая монархия в мире.

Буржуазный класс в целом в третьей республике впервые достиг безраздельной политической власти, которая и

остается в его руках, начиная с конца 70-х годов—в форме непрерывно следующих одно за другим оппортунистических министерств и парламентских большинств. Колониальная политика, французский милитаризм и связанный с ним колоссальный государственный долг показывают, что республика может соперничать с любой монархией в деле прибыльных для буржуазии предприятий. Наконец, Панама и дело южных железных дорог доказали, что парламент и республиканское правительство могут стать не менее удобным орудием капиталистической прибыли, чем политический аппарат королевского Орлеанского дома.

Для мелкой буржуазии третья республика оказалась классической почвой-кормилицей в том смысле, что она создала, системой государственных займов и непрерывно растущим бюрократизмом, огромную армию рантье и государственных чиновников, всем существованием своим связанных с ненарушимостью республики.

Но и своему старому заклятому врагу, землевладению как мелкому, так еще в большей степени крупному, республиканский рог изобилия насыпал золотых даров.

Если уже во время государственного переворота Наполеона III крестьянство в некоторой своей части было уже достаточно политически развито, чтобы в целом ряде жестоко подавленных восстаний заявить свою оппозицию монархии, то теперь оно имело много случаев еще в большей мере пересмотреть свой взгляд на республику. В последние два десятилетия был проведен целый ряд важных мероприятий, совпадающих больше всего как раз с интересами зажиточного крестьянства, старой опорой бонапартизма. Сокращение земельных податей с одного только 1897 г. составляет 25 млн. франков и, несмотря на значительное увеличение чистой доходности земли, налоги на землю с 1851 г. уменьшились в абсолютных величинах приблизительно на одну шестую. Система покровительственных пошлин, распространяющихся специально на скот и хлеб, рассчитана в первую очередь на обогащение земельных собственников. К этому присоединяется еще затрата сотен миллионов франков в целях амелиорации (технических улучшений), на устройство проселочных дорог, затем удешевление фрахта на продукты сельского хозяйства, сахарные премии и т. д.

И ко всему этому полный застой в области реальных социальных реформ и перенесение центра тяжести государственных доходов на косвенные налоги — в период с 1869 г. по 1897 г. таможенные доходы возросли на 183%, доход с табачной монополии на 49%, с напитков — на 84%, и это при почти полном застое в росте населения. Все это доказывает, что третья республика представляет для имущих классов наглядные материальные преимущества, за которые тягчайшим образом расплачивается единственный неимущий класс — пролетариат.

К вышеприведенному остается добавить, что республика эта не только во внутренней, но и во внешней политике блестяще доказала свою приспособляемость, заключив союз с царской империей и превратив главу европейской реакции, своего старого врага, в благосклонного покровителя и союзника.

Последние три десятилетия, таким образом, прошли для страны не даром. Третья республика развернула свое социальное содержание и превратила Францию из страшного призрака революционных переворотов в нормальную форму существования буржуазного общества.

В настоящее время за республику стоит большинство буржуазии, «сытые» широкие круги мелкой буржуазии; она обезоружила своего былого главного врага — крестьянство, заслужив его доверие и оказавшись для него любящей матерью. Даже тот класс, для которого она была суровой мачехой, и который, вопреки всему этому, остается ей попрежнему верен, рабочий класс, находится совсем в ином положении, чем в период первого и второго государственных переворотов. Вышколенный политически, организованный и просвещенный, хотя и расколотый на фракции, социалистический пролетариат Франции, партия которого при последних выборах в палату собрала миллион голосов, представляет собой крепкий и внушительный оплот республики.

Совершенно ясно, что в такой обстановке монархизму уготована совсем иная роль, чем та, которую он играл когда-то. В период дрейфусовской кампании националистический лагерь, на который, под влиянием боевых лозунгов злободневной политики, мы привыкли смотреть, как на главный штаб государственного переворота, точно так же, как мы без дальнейших околичностей смотрели на каждого реакционера, вроде Мелина, Барту или Рибо, как на монархиста,— при ближайшем и более спокойном анализе оказался далеко не однородным и внутренне спаянным политическим целым. Наоборот, лагерь этот представлял собой скорее мешанину многообразных элементов с самыми разнородными стремлениями и интересами.

В центре мы видим скомпрометированный военный состав, генеральный штаб с его свитой; и хотя боязнь, что республиканские и гражданские власти могут призвать их к ответу, естественно, заставляет их отвергать эту власть, но по существу они вовсе не заинтересованы в восстановлении монархии. Наоборот, только третья республика путем всевозможных реформ, привилегий и безумного культа шовинизма сделала из армии идола, которым та никогда раньше не была. Как раз дело Дрейфуса наинагляднейшим образом

показало, что высший военный командный состав республики вел райское, с его точки зрения, существование. Можно смело утверждать, что произвол и чванство военных, выросшие под покровом оппортунистической республики, не так уж легко распустились бы при монархическом режиме. Серьезно тосковать по суровой монархической узде военные поэтому не могли. Их антиреспубликанское поведение было естественной формой самообороны мошенников, застигнутых и разоблаченных республикой.

Затем мы видим духовенство, которое по отношению к республике с самого начала находится настороже, только и выжидая случая ее задушить, которое, несомненно, оказывает громадное влияние на общественное мнение, но само по себе не дееспособно и может лишь действовать через других, т. е. быть режиссером и суфлером, но не актером.

В третью очередь мы видим во Франции, этой стране мелкого ремесла и еврейского финансового капитала, сильно развитое антисемитское мещанство, податливое на агитацию против дрейфусистов, как и на всякое реакционное течение, представляющее собою благодарную почву для демагогии националистов, но отнюдь не склонное приветствовать цезаристский переворот и фактически его не приветствовавшее.

Находим мы здесь, наконец, и подлинных монархистов,— представителей крестьянства в самых отсталых районах Франции, аристократов, ходом вещей вынужденных в период успокоения стать в большинстве на сторону третьей республики («монархические республиканцы»), открыто заключить с нею мир, или, по крайней мере, покориться молчаливо существующему положению, но затем, в период смуты и кризиса, всплывших на политическую поверхность, и, наконец, свиту их роялистских клиентов из лагеря журналистов и литераторов.

Что эти сами по себе слабые и бессильные элементы тотчас же вместе с попами сгруппировались вокруг прижатых к стене генералов, подталкивая их в качестве тарана вперед и используя кризис в собственных интересах, и что, на ряду с мятежным поведением скомпрометированного генерального штаба, эта группировка должна была придавать всему лагерю цезаристский характер,—все это понятно само собой. Но эти привнесенные извне монархические тенденции не встретили нигде опорного пункта. Не только в общественных классах не было серьезного движения в этом направлении, не было и внешнего центра, в виде хоть сколько-нибудь серьезного претендента на трон. Один из них, подполковник русской армии, прозябал где-то в губернском городе царской империи и законный титул свой относил даже не ко временам Аустерлица и Иены, а Седана и Меца. Другой

был шатающимся за границей ничтожеством, вся свита коего состояла из пары сотен заплесневевших лиц мужского и женского пола, и вся «агитация» их исчерпывалась устройством раз в год банкета, где они в традиционных речах высказывали надежды на «ход развития».

При такой обстановке объединенное выступление этих элементов неминуемо должно было исчерпаться бредом национального шовинизма, антисемитской травлей и превосходящим все ранее виданное прославлением армии. Для серьезного политического акта, для низложения республики нехватало в сущности всего: внутренней спайки, организации, программы действия, а в первую голову — общего внутреннего развития общественных условий, которое дало бы вызреть в своем чреве, как это бывало раньше, монархии, как готовому плоду, и произвести его на свет в процессе государственного переворота. Дело Дрейфуса могло поднять на ноги вышеназванные элементы, подготовить почву для монархической агитации, создать благоприятный момент для государственного переворота, но оно не могло заменить положительных движущих сил переворота, которых не было налицо. Монархизм был отчасти внешней окраской, но не содержанием кризиса.

В основе последнего лежали совсем иные причины. Третья республика выкристаллизовалась в законченную форму политического господства буржуазии, одновременно развернув таящиеся в ней внутренние противоречия. Одним из ее основных противоречий было противоречие между опирающейся на власть буржуазного парламента республикой и крупной, рассчитанной на потребности колониальной и мировой политики, постоянной армией. В сильной монархии такая армия низводится на степень послушного орудия в руках исполнительной власти; в парламентской же республике с ее вечной сменой центрального правительства из штатских, с выборным главой государства, пост которого доступен любой «штатской сволочи», от бывшего кожевенного подмастерья до красноречивого адвоката, армия, с ее ярко выраженным кастовым духом, естественно стремится превратиться в независимую, лишь слабо связанную с государственным организмом, силу.

То самое социальное развитие Франции, которое довело культ своекорыстных интересов буржуазии до того, что она распалась на отдельные группы, лишенные чувства ответственности за целое и превратившие парламент и правительство в орудие своих домогательств, это самое развитие, с другой стороны, превратило обособившуюся армию из орудия государственного интереса в самодовлеющую группу, преследующую собственные цели и выгоды, невзирая на республику, вопреки республике и против нее.

Противоречие между парламентской республикой и постоянной армией может найти свое разрешение лишь в растворении этой армии в гражданском обществе, в организации гражданского общества в виде армии, в преобразовании вооруженной силы из орудия завоевания и колониального господства в орудие национальной обороны,— словом, в замене постоянной армии милицией. Поскольку это не проведено в жизнь, внутреннее противоречие сказывается в периодических кризисах, в столкновениях республики с собственной армией, причем выходят на свет наглядные результаты обособления армии: ее коррупция и упадок дисциплины. Дело Вильсона, Панамская и Южно-железнодорожная история нашли свое завершение в деле Дрейфуса.

В основе восстания высшего командного состава лежало, таким образом, стремление отвоевать себе независимость в отношении республиканской гражданской власти, а отнюдь не желание отдать эту независимость целиком в руки монархии.

Вышеобрисованное положение естественно породило опереточный характер мнимо-монархического выступления. Свирепый чернильный бой на страницах печати, оглушительный шум антисемитских хулиганов, скопища и восторженный рев перед редакциями националистских и звон разбиваемых стекол в редакциях дрейфусистских газет, нападения на ни в чем неповинных прохожих, противосанитарное забаррикадирование Герена на улице Шаброль, наконец, попытка золотой молодежи избить президента во время скачек, и все же среди этой насыщенной электричеством, возбуждающе действующей на нервы, атмосферы ни единого серьезного политического акта для осуществления государственного переворота! Кульминационным пунктом брожения был тот великий исторический момент, когда экзальтированный шут Дерулед схватил за узду лошадь возвращавшегося со своей свитой в казармы генерала Роже и указал ему в величественной позе на дворец президента, не имея ни малейшего понятия о том, что делать Роже в Елисейском дворце, и что собственно может выйти из всей этой авантюры. Плут в военном мундире оказался умнее глупца в штатском платье, и удар саблей по пальцам Деруледа был ответом на «красивый жест» главы антисемитов. Так закончилась единственная попытка произвести монархический государственный переворот.

Из вышеизложенного явствует, что конъюнктура была в корне иной, чем это казалось с первого взгляда. Здесь, как и всегда, судьба республики зависела не от отдельных спасителей, хотя бы и сидящих на министерских креслах, но от внутреннего соотношения экономических и политических сил в стране. Весьма понятно, что в водовороте злободневной борьбы, когда анализ социального фона явлений весьма труден, а для участников событий почти невозможен, когда события и факты, естественно, принимают в их глазах преувеличенные размеры, опасность государственного переворота во Франции могла казаться серьезной и крупной. И, разумеется, энергичное выступление республиканцев в парламенте, а еще в большей степени за пределами его, было абсолютно необходимо для того, чтобы обуздать националистскую чернь и господ из генерального штаба. Но ныне, когда кризис уже миновал, представлять повседневную борьбу так, как ее представляли тогда, и серьезно превозносить министерство Вальдека-Руссо и в частности Мильерана «спасителями» французской республики — это не что иное, как опыт вульгарного историзма, который, как вульгарная политическая экономия, изображает события так, как они происходят на поверхности политической жизни, как дело министров и других «главных действующих лиц» истории, вместо того, чтобы рисовать их в их подлинной внутренней связи. К спасению Мильераном республики можно относиться столь же серьезно, как к монархической опасности, грозившей ей со стороны Деруледа и Герена.

*

Действительно, если бы оборона республики зависела от кабинета Вальдека-Руссо, то республики давно бы уже не существовало. Оперетте монархического переворота соответствовала оперетта республиканской обороны.

Редко приходилось правительству становиться у руля в более серьезный момент, и редко возлагали на правительство более серьезные надежды. Если монархическая опасность была скорее призраком, чем действительностью, то не менее этой воображаемой опасности республике грозила опасность проявить бессилие в партизанской войне с анархическими элементами: мятежными генералами и раздувавшими восстание попами, и этим самым сделать неизбежным повторение подобных кризисов в будущем.

На Францию были устремлены взоры всего цивилизованного мира. Предстояло доказать свою жизнеспособность в качестве правильно действующего государственного организма. Предстояло показать, что у буржуазной Франции самой хватит сил изолировать и нейтрализовать дезорганизаторские элементы, которые она же производит.

Необходимые к этому меры подсказывались самой обстановкой. Если армия выросла в самостоятельный организм и стала направлять оружие против республики, то надо было подрезать ее самостоятельность и, путем упразднения военных судов и сокращения срока военной службы, сбли-

зить ее с гражданским обществом. Если духовенство поддерживало контрреволюционные тенденции военщины и строило козни против республики, то надо было его парализовать путем роспуска конгрегаций (католических организаций), конфискации их имущества и отделения школы от церкви и церкви от государства.

И в первую очередь, если деморализация в армии и скандальный случай судебного убийства с его обстановкой лжи, подлога, клятвопреступления и иных преступлений роняли внутренний и внешний престиж Франции, то надо было образцово покарать виновных, оправдать невинно приговоренного, пролить свет на все это дело и этим опять поднять авторитет республиканского правосудия и внушить к нему уважение.

Вот уже 19 месяцев, как министерство стоит у кормила. Оно вдвое превзошло средний срок жизни французского правительства — роковые 9 месяцев. Где его дела, что оно дало?

Кто хочет представить себе яркий пример противоречия между целью и средствами, между задачей и выполнением, между предварительной рекламой и последующим театральным представлением, тот найдет его в контрасте между теми ожиданиями, которые связывались с Вальдеком-Руссо, и тем, что он осуществил.

От всей реформы военной юстиции получилось лишь обещание военного министра ввести в военное судопроизводство «смягчающие обстоятельства». От всей «демократизации» армии — приказ о газетах, которые может читать офицерство. Социалист Пастр предлагает в заседании палаты 27 декабря прошлого года ввести двухлетний срок военной службы; генерал Андрэ отвечает, что он, радикальный министр обороны республики, не может определить своего отношения к этой проведенной уже в полуабсолютистской Германии реформе. Социалист Дежант в том же заседании требует устранения попов из военных школ, замены духовного персонала военных госпиталей светским, прекращения расходования денег на религиозные обряды в армии, а министр республиканской обороны, который должен был бы стремиться сделать армию светской, отвечает резким отказом и прославлением военного духовенства — при бурном одобрении со стороны националистов. Социалисты разоблачают в палате (февраль 1900 г.) целый ряд ярких случаев злоупотреблений в армии: правительство отклоняет предложение организовать парламентское расследование. Радикал Винье д'Октон делает в палате (заседание 7 декабря 1900 г.) ужасающие разоблачения, касающиеся режима, установленного французской военщиной в колониях на Мадагаскаре и в Индо-Китае, — правительство отклоняет парламентскую

анкету, как «опасную и нецелесообразную». И после всего этого военный министр поднимается на трибуну, чтобы рассказать палате депутатов о геройской защите им... французского офицера, подвергшегося бойкоту со стороны коллег за то, что он женился на разведенной женщине.

Дальше идет титаническая борьба с драконом — духовенством. Красной нитью проходит она через французскую историю последнего столетия. В период одной только третьей республики было внесено 33 антиклерикальных законопроекта. Все прежние мероприятия оказывались бессильны, потому что они наносили удар не церкви в целом, а лишь одной неотделимой от целого части — духовным орденам — и то не полным запрещением, а лишь подчинением государству в порядке разрешительной системы. Вопреки всем законодательным актам, количественный состав конгрегаций в эпоху третьей республики увеличился на 200 тыс. человек, а состояние их утроилось. И вот «правительство обороны республики» наносит удар: проект Вальдека-Руссо, по примеру прежних, направлен исключительно и единственно против незарегистрированных орденов; для сокращения их создается законодательная норма, которая ставит монашеские ордена на одну доску с общественными организациями и применение которой в борьбе с попами предоставляется доброй, а в борьбе с социалистами злой воле грядущих министров. Республика попрежнему остается при своих зарегистрированных орденах, с имуществом, доходящим почти до 400 млн. франков, при белом духовенстве, пользующемся государственной субсидией, 87 епископах, 87 духовных семинариях, 42 тыс. попов и церковном бюджете в 40 млн. франков. Главная сила духовенства заключается в его влиянии на школу: конгрегационные школы отравляют в настоящее время до 2 млн. детей, воспитывая из них врагов республики. Правительство собирается с духом и лишает права преподавания... незарегистрированные ордена. Но ведь почти все религиозное обучение находится в руках зарегистрированных орденов, и радикальная реформа спасает от кропила лишь 15 тыс. детей из общего числа 2 млн. Капитуляция правительства перед церковью сопровождается славословием Вальдека-Руссо по адресу папы, и запечатлевается предложенным националистами вотумом доверия.

Кульминационным пунктом защиты республики министерством является изданный в декабре прошлого года закон об амнистии. В течение двух лет снедала Францию жажда истины, света и справедливости. В течение двух лет тяготело на ее совести злодеяние неискупленного судебного преступления. Общество задыхалось в зачумленной атмосфере лжи, клятвопреступления и подлога.

Наконец, пришло правительство обороны республики. Весь мир затаил дыхание. «Великому солнцу справедливости» суждено было взойти.

И оно взошло. 19 декабря правительство ставит в палате на голосование законопроект, гарантирующий безнаказанность всем преступлениям, отказывающий в справедливом удовлетворении всем жертвам, прекращающий все начатые процессы. Те, кто вчера еще были объявлены опаснейшими врагами республики, сегодня вновь любовно принимаются в ее лоно в качестве блудных сынов. Во имя защиты республики объявляется всеобщая амнистия тем, кто на нее посягал, во имя реабилитации республиканского суда отказано в реабилитации всем жертвам судебного преступления.

Мелкобуржуазный радикализм остался верен самому себе. Радикал Леон Буржуа, призванный в 1893 г. кабинетом Рибо ликвидировать Панамский скандал, велел, ввиду объявления республики в опасности, прекратить судебное преследование всех членов парламента, обвинявшихся по этому делу, и предать забвению всю историю. Вальдек-Руссо, главный поборник права по делу Дрейфуса, стремясь воздвигнуть барьер монархической опасности, обрекает на крах свое дело. Схема остается старой:

«Оглушительная увертюра, возвещающая начало борьбы, переходит в тихое ворчание, как только борьба начинается; актеры перестают серьезно считаться с самими собой, и все действие лопается, как воздушный шар, прокалываемый иголкой» (Маркс,— 18-е брюмера).

И для того-то, чтобы проводить такие до смешного ничтожные меры, не только с точки зрения социалистов, или хотя бы наполовину жизнеспособных радикалов, но даже по сравнению с республиканскими мероприятиями оппортунистов 80-х годов, — Гамбетты, Жюля Ферри, Констана, Тирара — необходима была поддержка рабочего класса, в форме участия социалиста в правительстве?

Оппортунист Гамбетта со своими умеренными республиканцами потребовал в 1879 г. отстранения всех монархистов от государственной службы и прогнал этим требованием Мак Магона с президентского кресла; в 1880 г. те же «честные» республиканцы предприняли изгнание иезуитов, ввели бесплатное обязательное школьное обучение. Оппортунист Жюль Ферри прогнал в 1883 г. своей судебной реформой 600 судей-монархистов и нанес жестокий удар попам путем издания закона о разводе. Оппортунисты Констан и Тирар, чтобы вырвать почву у буланжизма, свели срок отбывания воинской повинности с 5 лет до 3, а для того, чтобы р а д и к а л ь н о е министерство Вальдека-Руссо отставало от этих наискромнейших республиканских мероприятий, чтобы оно, после ряда показных маневров, в течение 19 месяцев не предпринимало н и ч е г о, ровнехонько ничего,—ни малейшей реорганизации военного суда, ни малейшего сокращения срока отбывания воинской повинности, ни единого решительного шага против монархистов в армии, суде и в органах исполнительной власти, ни одного коренного мероприятия против духовенства; для того, чтобы оно, застыв в позе, изображающей бесстрашие, непреклонность и незыблемость,— классической позе мещанина на высоте его политического позора,—после ряда уверток, в конце концов заявило, что республика н е в состоянии разделаться с бандой военных мошенников и что необходимо их просто оставить в покое — для этого-то потребовалось сотрудничество социалистов в министерстве?

Утверждали, будто без Мильерана нельзя было образовать кабинета Вальдека-Руссо и ставилась вообще под вопрос возможность составления министерства. Поскольку нам известно, во Франции нет недостатка в людях, жаждущих министерских портфелей, и если Вальдек-Руссо нашел в рядах бунтующей армии двух пригодных для военного министерства генералов, то, несомненно, в рядах собственной партии он нашел бы полдюжину министров торговли. Ознакомившись с деятельностью кабинета, смело можно утверждать: Вальдек-Руссо мог спокойно взять себе в сотрудники любого радикала—от этого ни на один волос не пострадала бы его шутовская оборона республики. Радикалы до сих пор умели основательно компрометировать себя и без посторонней помощи.

Мы видели, что монархическая опасность, которую принимали всерьез в период дрейфусовского кризиса, была скорее фантомом, чем реальностью. Только этим объясняется, что «оборона» Вальдеком—Мильераном республики еще не сделала ее жертвой государственного переворота. Те, кто ныне, как и два года тому назад, попрежнему убежденно говорят о монархической опасности, в оправдание поступка Мильерана, ведут опасную игру. Чем серьезнее подойти к положению, тем более жалкой покажется деятельность министерства, тем сомнительнее роль социалистов в этом министерстве.

Если монархическая опасность, как мы это старались доказать, была незначительна, то широко начатая и потерпевшая фиаско спасительная деятельность правительства была с м е ш н ы м п у с т я к о м. Если же, наоборот, опасность была крупной и серьезной, тогда мнимая деятельность кабинета есть п р е д а т е л ь с т в о в отношении республики и доверяющих ему партий.

И в том и в другом случае рабочий класс фактом участия Мильерана в министерстве берет на себя не «крупную долю ответственности», на что так гордо претендуют Жорес и его друзья, а часть ярко-выраженной «республиканской» несостоятельности мелкобуржуазного радикализма.

ТАКТИКА ЖОРЕСА И РАДИКАЛИЗМ

Несоответствие между надеждами, возлагавшимися на кабинет Вальдека-Руссо в деле защиты республики, и его фактическими достижениями, поставило перед следующей альтернативой ту фракцию французских социалистов, которая поддерживала вступление Мильерана в кабинет: она должна была или признаться в своем разочаровании, констатировать нецелесообразность участия Мильерана в правительстве и потребовать его выхода из него, или делать вид, будто она довольна политикой кабинета, считает ее осуществлением своих чаяний и сообразно этому понижать свои требования и чаяния в соответствии с постепенно сокращающейся до нуля деятельностью правительства. Жорес и его друзья пошли последним путем.

Пока министерство вращалось вокруг да около основного вопроса, оставаясь на стадии одних разговоров — а стадия эта длилась уже 18 месяцев — характер его политики и отношение к ней социалистов могли еще казаться невыясненными. Первый решительный шаг — закон об амнистии — тотчас же выяснил положение.

Именно для жоресистов исход дела Дрейфуса должен был иметь решающее значение. В течение целых двух лет на эту карту была поставлена вся их тактика. В этот период осью всей их политики была борьба вокруг дела Дрейфуса, «одна из величайших битв столетия и человеческой истории вообще» (Жорес в Petite République от 12 августа 1899 г.), наидостойнейшая задача пролетариата, пренебречь которой значило бы совершить «наихудшее отречение, нанести наихудшее уничтожение великому классовому делу пролетариата» (Petite République, от 15 июля 1899 г.). «Всю правду! Полный свет!» Такова была цель социалистической кампании. Ничто не могло остановить Жореса и его друзей на полдороге,—ни препятствия и маневры националистов, ни протесты другой, руководимой Гэдом и Вайяном, фракции социалистов. «Мы будем бороться и дальше,— с благородной гордостью восклицает Жорес,— а если реннские судьи, одураченные отвратительными маневрами реакции, еще раз приговорят невинного, чтобы спасти преступных вождей армии, то мы завтра опять, вопреки всем отлученным от (социалистической) церкви, вопреки мнимым ссылкам на фальсификацию, сужение и извращение классовой борьбы,

восстанем вновь, чтобы, невзирая на грозящие нам опасности, воскликнуть, обращаясь к генералам и судьям: «Вы — палачи и преступники!» (Petite République от 15 июля 1899 г.).

Во время процесса в Ренне Жорес, весь сияя уверенностью в победе, восклицает: «Что бы там ни было, а правосудие восторжествует! Близок час освобождения для мученика, близок час кары для преступников» (Petite République от 13 августа 1899 г.).

Еще в ноябре прошлого года, незадолго до издания закона об амнистии, он заявляет в Лилле: «Что касается меня, то я хотел бы итти дальше, я бы продолжал, пока ядовитая бестия не была бы вынуждена выплюнуть весь свой яд. Да, нужно было предать суду всех, виновных в подлоге, всех лжецов, всех палачей, всех предателей; их надо было преследовать вплоть до восстановления последней крупицы истины, вплоть до самого конца, пока они не окажутся вынужденными пред лицом всего мира признать свое преступление и позор своего преступления» («Два метода», Лилль, 1900 г., стр. 5).

И Жорес был прав. Дело Дрейфуса подняло на ноги во Франции все дремавшие силы реакции. Старый заклятый враг пролетариата, милитаризм, сбросил с себя маску; надо было направить в его грудь все копья. Впервые рабочий класс был призван дать крупное политическое сражение. Жорес и его друзья повели его в борьбу и этим открыли новую страницу в истории французского социализма.

Когда поэтому в палату был внесен закон об амнистии, то социалисты правого крыла оказались внезапно перед Рубиконом. Было ясно, что правительство, которое было призвано прежде всего ликвидировать дело Дрейфуса, вместо того, чтобы пролить полный свет, помочь торжеству «всей правды» и поставить на колени военных мошенников, скорее старается загасить свет, затушевать истину и самому пасть на колени перед мошенниками. С точки зрения Жореса и его друзей, это было предательство, измена чаяниям, которые они возлагали на правительство. Министерство оказалось непригодным орудием социалистической политики и защиты республики: орудие поворачивалось против своего хозяина. Если бы фракция Жореса оставалась верна той позиции, которую она занимала в кампании Дрейфуса, и своей задаче защиты республики, то она должна была бы тотчас же повернуть копье и всеми силами стараться провалить закон об амнистии. Правительство открыло, наконец, свои карты — надо помешать игре.

Но голосование внесенного законопроекта об амнистии превратилось в голосование, решающее судьбу министерства. Так как националисты были против амнистии, и кабинет поставил вопрос о доверии, то могло легко создаться боль-

шинство против внесенного законопроекта, что означало бы падение министерства.

Жорес и его друзья стали, таким образом, перед альтернативой: отказаться либо от осуществления того, что составляло цель двухлетней дрейфусовской кампании, либо от кабинета Вальдека-Руссо; либо от «полного света», либо от министерства; либо от защиты республики, либо от Мильерана. Колебание весов длилось лишь несколько мгновений. Чаша Вальдека — Мильерана оказалась тяжелее чаши Дрейфуса; ультиматум министерства сделал то, чего не мог сделать манифест об отлучении: Жорес и его группа, во имя спасения правительства, отказались от кампании в пользу Дрейфуса и высказались за амнистию.

Жребий был брошен. Принятием закона об амнистии правое социалистическое крыло сделало критерием своего поведения не собственные политические интересы, а необходимость сохранения у власти существующего правительства. Голосование закона об амнистии было Ватерлоо его дрейфусовской кампании; Жорес в один миг свел на-нет все сделанное им в течение двух лет.

После этого отречения от своей основной политической задачи жоресистская тактика с чрезвычайной легкостью и скоростью проделала дальнейшее развитие.

Сначала, во имя спасения правительства, жоресисты неохотно и с внутренними угрызениями совести отказались от самого дорогого, от того, что было целью исполинской двухлетней борьбы: «от всей правды и полного света». Но, чтобы оправдать свое цепляние за правительство, потерпевшее политическое фиаско, нужно было отрицать это фиаско правительства. Таким образом, ближайшим шагом было оправдание правительственной капитуляции.

Оно замяло дело Дрейфуса, вместо того, чтобы довести его до конца. Но это было необходимо, «чтобы положить конец нецелесообразным и скучным процессам и избежать пресыщения общественного мнения, которое скоро оказалось бы неспособно воспринимать истину» (Жорес, Petite République от 18 декабря 1900 г.).

А ведь два года тому назад «вся честная, достойно мыслящая Франция» призывалась к присяге: «клянусь, что Дрейфус невинен, что невинный будет реабилитирован, что преступник будет покаран» (Жорес, Petite République от 9 августа 1899 г.).

Сегодня же «все эти судебные процедуры» были бы только «смешны». «Они только утомили бы страну, не внеся никакой ясности, и повредили бы делу, которому мы хотим служить». «Действительное служение делу Дрейфуса» сегодня состоит «в республиканской работе в целом» (Жорес, Petite République от 18 декабря 1900 г.).

Еще один шаг, и былые герои дрейфусовской кампании кажутся уже навязчивыми призраками, с которыми надобно разделаться как можно скорее.

Золя, «великий поборник справедливости», «гордость Франции и всего человечества», человек громового: «Я обвиняю», протестует против амнистии; он, как и прежде, требует «всей правды и полного света», он вновь обвиняет. Что за слепота! Разве он не видит, восклицает Жорес, что «света уже достаточно», чтобы насквозь видеть всех духов? Пусть Золя утешается за свою несостоявшуюся защитительную речь перед судом тем, что прославляет «великий судья — все человечество», и оставит нас в покое со своим вечным: «Я обвиняю». «Только не надо больше жалоб, не надо пустых «повторений». (Petite République от 24 декабря 1900 г.). Главное дело — «республиканская работа в целом».

Геройский, мужественный Пикар, «честь и украшение французской армии», «чистый рыцарь истинной справедливости», отклоняет, как оскорбление, даруемое ему одновременно с объявлением амнистии право вернуться в ряды армии — что за дерзость! Разве правительство, обещая вернуть его в армию, не дает ему «самого блестящего удовлетворения»? Конечно, Пикару хочется судебного установления истины, но пусть наш друг Пикар не забывает, что истина — дело не только его, полковника Пикара, но и «всего человечества», что для человечества в целом дело Пикара играет лишь крохотную роль. «На самом деле в нашем стремлении к справедливости мы не можем сосредоточиться на индивидуальных случаях» (Жеро-Ришар, Petite République от 30 декабря 1900 г.). «Республиканская работа в целом» — вот главное.

Дрейфус, эта «частица человеческого страдания в его самой мучительной форме», это «воплощение самого человечества на вершине бедствий и отчаяния» (Жорес, Petite République от 10 августа 1898 г.), Дрейфус отчаянно борется против амнистии, лишающей его последней надежды на реабилитацию — что за ненасытность! Разве недостаточно страдают его палачи? Эстергази, «голодный и в лохмотьях», шляется по лондонским улицам. Буадеффр «вынужден был бежать из генерального штаба», Гонз выбит из строя и, «уничтоженный, бродит вокруг», де-Пельё «умер в немилости», Анри вынужден был перерезать себе глотку, дю-Пати де Клам стоит «вне службы»,— чего же хотят еще? Разве угрызения совести преступников еще недостаточная для них кара? Если Дрейфус недоволен этими ударами судьбы и упорно настаивает на том, чтобы их покарал человеческий суд — терпение, «когда-нибудь кара постигнет негодяев». (Жорес, Petite République от 5 января 1901 г.). Придет когда-нибудь!

А теперь Дрейфус должен понять, что в мире существуют более серьезные вопросы, чем его «бесполезные и утомительные процессы». «Из дела Дрейфуса мы хотим извлечь нечто лучшее, чем это возбуждение умов и эти акты мести» (Жеро-Ришар, Petite République от 15 декабря 1900 г.). Главное — «республиканская работа в целом».

Еще один шаг, и сама критика правительственной политики, в жертву которой была принесена дрейфусовская кампания, кажется уже фривольной игрой с правительством «обороны республики».

В собственном лагере Жореса громче и громче звучат голоса, высказывающие трезвое суждение по поводу деятельности кабинета в области «демократизации армии» и «отделения республики от церкви» — какое легкомыслие! Как опасно «систематически и с лихорадочным нетерпением (это после 18 месяцев!—*Р. Л.*) чернить первые завоевания, достигнутые общими усилиями!» «К чему обескураживать пролетариат?» (Жорес, Petite République от 5 января 1901 г.). Внесенное правительством предложение, касающееся конгрегаций,—капитуляция перед церковью? Это могут утверждать лишь «дилетанты и виртуозы». На самом же деле это — «величайшая битва между церковью и буржуазным обществом, которая когда-либо была дана со времени законов о светском характере школы» (Жорес, Petite République от 12 января 1901 г.).

И вообще, если правительство претерпевает одно фиаско за другим, разве в утешение не остается «уверенность в грядущей победе»? (Petite République от 5 января). Дело ведь не в отдельных законах; главное — «республиканская работа в целом».

Но что же такое, после всех этих перестановок, «республиканская работа в целом»? Это уже не ликвидация дела Дрейфуса, не реорганизация армии, не подчинение церкви. Как только министерству грозит падение, жоресисты готовы сдать все свои позиции; достаточно правительству поставить в той или иной форме вопрос о доверии, и Жорес и его друзья покорно сгибаются под его ярмо. Раньше стремились спасти республику, организовав защиту ее в лице правительства, теперь стремятся спасти правительство, отказываясь от защиты республики. «Республиканская работа в целом» — это сегодня собирание всех республиканских сил для сохранения у власти министерства Вальдека — Мильерана.

*

Отношение группы Жореса к политике нынешнего правительства, с одной стороны, конечно, резко противоречит поведению ее в деле Дрейфуса; но, с другой стороны, оно преемственно вытекает из первого. Это — тот же принцип

объединения с буржуазной демократией, который два года тому назад лег в основу безудержной борьбы социалистов за конечное разрешение дела Дрейфуса, а сегодня, когда буржуазная демократия пренебрегает своей задачей, побуждает их в свою очередь ликвидировать дело и отказаться от основательной реформы армии и взаимоотношений между республикой и церковью.

Это доказывает, что в тактике Жореса не самостоятельные политические стремления социалистической партии являются постоянным элементом, а объединение с радикалами — переменным, а наоборот,—союз с буржуазной демократией образует постоянный прочный элемент, а те или иные политические стремления — случайный. Уже в кампании за Дрейфуса крыло Жореса не сумело соблюсти границу между буржуазным и пролетарским лагерем. Если для друзей Дрейфуса в лагере буржуазии дело шло исключительно об устранении больных наростов милитаризма, коррупции в армии, о ее оздоровлении, то борьба социалистов должна была быть направлена против корня зла, против самого существования постоянной армии. Если для радикалов центром агитации было оправдание Дрейфуса и наказание виновных в одном лишь конкретном случае, то для социалистов дело Дрейфуса должно было бы быть лишь исходным пунктом для агитации в пользу замены постоянного войска милицией. Лишь в этом последнем случае дело Дрейфуса и достойные удивления жертвы Жореса и его друзей оказали бы социализму в агитационном отношении ту громадную услугу, которую они могли оказать. Фактически же агитация, исходившая из социалистического лагеря, в общем и целом, если отвлечься от отдельных выступлений, глубже захватывавших дело, оставалась в тех же рамках, как и агитация буржуазных ревизионистов. Уже на этой стадии социалисты, значительно превзошедшие буржуазный лагерь по упорству, силе и блеску своей кампании, не шли в политическом отношении дальше его и были не руководящей, а лишь сопутствующей частью радикалов. С момента же вступления Мильерана в радикальное министерство они целиком стали на почву своих буржуазных союзников.

Отличие политики социалистов от политики буржуазных партий заключается в том, что социалисты, в качестве противников существующего порядка в целом, в буржуазном парламенте принципиально образуют оппозицию. Крупнейшая задача парламентской деятельности социалистов, прояснение сознания пролетариата, находит свое разрешение, в первую очередь, в систематической критике господствующей политики. Принципиальная оппозиция любой партии меньшинства, и в частности социалистов, вместе с тем не только не делает невозможным достижение практических,

осязательных результатов, непосредственных реформ прогрессивного характера, но, напротив, является единственным средством добиться практических результатов.

Не имея возможности получить для своей политики непосредственную санкцию парламентского большинства, социалисты вынуждены постоянной борьбой вырывать уступки у буржуазного большинства. Этого достигают они через посредство оппозиционной критики трояким путем: созданием опасной конкуренции буржуазным партиям своими дальше идущими требованиями и подталкиванием этих партий путем оказания на них давления со стороны массы избирателей; затем, разоблачением правительства перед лицом всей страны и оказанием на него давления при помощи общественного мнения; и, наконец, сплочением вокруг себя во все возрастающей степени народных масс своей критикой внутри и вне палаты и приобретением, таким образом, внушительной силы, с которой вынуждены считаться правительство и буржуазия.

Со вступлением Мильерана в правительство группирующиеся вокруг Жореса французские социалисты закрыли себе все три пути.

В первую очередь стала для них невозможной решительная критика правительственной политики: если бы они захотели бичевать ее слабость, ее половинчатость, ее трусость, то удары посыпались бы на их собственную спину, потому что, если деятельность республиканского правительства есть фиаско, то тотчас же возникает вопрос, какую роль играет в этом правительстве социалист? Таким образом, чтобы не скомпрометировать участия Мильерана в министерстве, Жорес и его друзья оказываются вынужденными замалчивать все то, что могло бы открыть рабочему классу глаза на недостатки господствующей политики. Фактически со времени образования кабинета Вальдека — Мильерана со страниц органа право-социалистического крыла «Petite République» исчезла какая бы то ни была критика правительственной деятельности, и всякая попытка таковой пресекается Жоресом тотчас же, как «нервность», «пессимизм», «преувеличение». Итак, первым следствием участия социалиста в министерстве явился отказ от основной задачи, которую преследует социал-демократия в своей деятельности вообще и в парламентской деятельности в частности: задачи политического просвещения и воспитания масс.

Затем, даже и там, где они занимаются критикой правительственной деятельности, приверженцы Мильерана лишают эту критику какого бы то ни было практического значения. Их поведение по вопросу об амнистии показало, что когда дело идет об удержании правительства у власти, то

нет жертвы, которая показалась бы им чрезмерно крупной, и что они заранее и во всех случаях решили поддерживать правительство своими голосами, как только оно, ставя вопрос о доверии, приставит им пистолет к голове. Таким путем они с головой выдали себя правительству.

Правда, в парламентски управляемой стране социалисты не столь свободны в своем поведении, как, например, в германском рейхстаге, где они во всякое время могут совершенно недвусмысленно выразить свое оппозиционное отношение к правительству в виде вотума недоверия ему. Наоборот, французские социалисты, по соображениям «наименьшего зла», зачастую вынуждены своим голосованием уберечь буржуазное правительство от падения. Но, с другой стороны, как раз при парламентском режиме социалисты в своем вотуме имеют острое оружие, которое они могут держать в качестве дамоклова меча над головой правительства и которое сообщает силу их критике и их требованиям. Поставив себя в зависимость от правительства, благодаря участию Мильерана в министерстве, Жорес и его друзья этим самым сделали правительство независимым от себя, а отказавшись от возможности толкать на уступки кабинет под угрозой министерского кризиса, они, наоборот, превратили министерский кризис в дамоклов меч для самих себя, так как кабинет с его помощью может в любое время вынудить их к уступкам.

Блестящим примером положения закованного Прометея, в которое поставила себя группа Жореса, служит нынешнее обсуждение закона об ассоциациях. Правда, друг Жореса, Вивиани, в блестящей речи в палате «разнес» вдребезги внесенный правительством законопроект о конгрегациях, противопоставив ему правильное разрешение вопроса. Но когда на следующий день после этой речи Жорес, на ряду с чрезмерными похвалами ей, сам подсказывает правительству ответ, путем которого оно должно отвергнуть эту критику[1], когда он еще до открытия прений, до какой бы то ни было попытки внести улучшения в правительственный проект, бросает социалистам и радикалам лозунг обеспечить во что бы то ни стало принятие правительственного проекта, то этим самым он уничтожает весь политический эффект демонстративного выступления Вивиани.

Участие Мильерана в министерстве превращает — таково второе следствие этого факта — социалистическую критику

[1] Правительству, конечно, будет очень легко ответить, что если оно и отстает от республиканской программы, если оно в первую очередь поражает только конгрегации, то оно это делает в первую очередь из желания отвратить крупнейшие опасности. Его задача — поставить свободу в такое положение, чтобы она сама могла себя защищать (Petite République от 17 января 1901 г.).

его друзей в палате в пустую демонстрацию, в рисование «широких горизонтов» социализма без какого бы то ни было влияния на практическую политику правительства.

Наконец, и подталкивание социалистами буржуазных партий, при таком положении вещей, оказывается в конечном счете лишь прекрасной мечтой.

Чтобы обеспечить дальнейшее существование правительства, сторонникам Мильерана приходится поддерживать теснейшую связь с другими группами левой. Так как при этом дело сводится не к достижению каждый раз политического эффекта, а к верности объединенной левой в отношении кабинета, то приходится подчеркивать не разделяющие их от буржуазных групп моменты, а, наоборот, общие моменты. Группа Жореса целиком исчезает в общей лево-«республиканской» каше, сохранение которой в ее теперешнем виде и является руководящей идеей Жореса.

Служа Мильерану, его друзья-социалисты играют в настоящее время роль буржуазных радикалов.

Даже, наоборот, в нынешнем республиканском большинстве радикалы являются дальше всего идущей оппозицией, а социалисты правого крыла образуют самый умеренный правительственный элемент.

Когда 7 декабря прошлого года в палате обсуждался вопрос о парламентском расследовании колониальных зверств, то этого требовали, выступая чрезвычайно резко, радикалы д'Октон и Пельтан, в то время как два депутата правого крыла социалистов голосовали против расследования. Против того, чтобы замять дело Дрейфуса путем амнистии, выступал опять-таки радикал Вазей, в то время как социалисты напоследок голосовали против него. И, наконец, не кто иной, как радикал-социалист Пельтан, обратился 29 декабря со страниц «Dépêche de Toulouse» со следующим нравоучением к социалистам:

«Любопытно выяснить, существует ли правительство для того, чтобы служить идеям поддерживающей его партии, или для того, чтобы вести партию к измене ее идеям. О, люди, стоящие у кормила правления, нас не балуют. За исключением двух или трех министров, все управляют приблизительно так же, как мог бы управлять и кабинет какого-нибудь Мелина. А партии, которые в собственных интересах должны были бы предостерегать министерство и выпрямлять его, ползают перед ним на брюхе. Я тоже принадлежу к числу тех, кто считает нужным, чтобы партия коллективистов (социалистов—*Р.Л.*) не изолировала себя своей тактикой в процессе последовательной борьбы, но чтобы один из ее членов был у власти. Да, я считаю эту идею превосходной. Но зачем? А затем, чтобы больше усилить и обеспечить прогрессивную политику кабинета, а не затем, чтобы попустительствовать наихудшим его упущениям, давая ему заложника, одного имени которого достаточно, чтобы направить на ложный путь голоса социалистов. Ныне Вальдек-Руссо является не союзником, как мы бы того хотели, а руководителем совести прогрессивных партий, и он ведет их, как нам кажется, слишком далеко в сторону: достаточно ему лишь вытащить из кармана пугало министерского кризиса, чтобы призвать их к повиновению. Обратите внимание: политика страны во многом потеряет, если из нас и вас сделают новую категорию унтер-оппортунистов».

Социалисты, старающиеся удержать мелкобуржуазных демократов от оппозиционного поведения, и буржуазные демократы, уличающие социалистов в ползании на брюхе перед правительством и в измене собственным идеям,—таково глубочайшее унижение, когда-либо постигавшее социалистов и одновременно конечный результат участия социалистов в правительстве.

Таким образом, тактика Жореса, добивавшаяся практических результатов путем отказа от политики оппозиции, оказалась самой непрактичной в мире.

Вместо того, чтобы усилить влияние социалистов на правительство и на буржуазный парламент, она сделала социалистов безвольным орудием правительства и пассивным придатком радикального мещанства. Вместо того, чтобы дать новый толчок прогрессивной политике палаты, эта тактика, устранив оппозицию социалистов, тем самым свела на-нет единственную движущую силу, способную диктовать парламенту и правительству решительную и смелую политику.

В этом ее величайшая ошибка. Провал дела обороны республики, которого ожидали от Вальдека—Мильерана, есть не случайное явление, а логический результат, с одной стороны, проявившейся и раньше немощи радикалов в палате, с другой—бессилия, на которое, вдобавок, обрекали себя социалисты своим участием в радикальном правительстве.

*

Если для всякого беспристрастного наблюдателя жалкая деятельность правительства Вальдека-Руссо означает печальный конец его «республиканской» миссии, то для Жореса, несмотря на все слабые стороны, которых он под давлением критики, исходящей из его собственных рядов, не мог совершенно отрицать, она все же является благим началом великой эры демократического возрождения Франции на основе прочного союза социалистов и мелкобуржуазных демократов.

«Именно поэтому,—пишет Жорес,—образование хотя бы робкого большинства левой для сильной поддержки еще колеблющегося слабого правительства левых в моих глазах является фактом величайшей важности. По моему мнению, это—бесформенный, но необходимый рудимент законодательного и административного организма, который в ближайшее время направит наше общество на путь осуществления величайшего, являющегося целью наших стремлений, равенства» (Petite République, от 8 января 1901 г.).

Широкая перспектива грядущей эпохи совместного пребывания у политического руля социалистического пролетариата и радикального мещанства,—вот ради чего Жорес считает необходимым сохранить у власти кабинет Вальдека — Мильерана, хотя бы путем отказа от непосредственных политических целей,—сохранить союз с буржуазной левой, хотя бы путем отказа от самостоятельной социалистической оппозиции. Но Жорес с его широко задуманной конструкцией забыл, что мелкобуржуазный радикализм, который он хочет вести к политической власти путем оказания ему поддержки со стороны социалистов, уже давно потерпел крушение, как раз благодаря тактике, имевшей роковое сходство с современной тактикой Жореса.

Республиканская программа лежала в основе политической роли французской мелкой буржуазии со времен Великой революции. Поскольку крупная буржуазия окопалась за монархией, мелкая буржуазия могла выступать в качестве вождя народных масс, так как и противоречие между пролетариатом и буржуазией в значительной степени носило форму противоречия между республикой и монархией и создавало крепкий стержень для мелкобуржуазной оппозиции.

В процессе развития третьей республики соотношение сил изменилось. С превращением массы буржуазии из врага республики в ее поборника, с осуществлением основных требований мелкобуржуазной программы: республиканской формы государственного управления, «суверенности народа» в форме парламентского режима, свободы печати, свободы союзов и совести, для самостоятельной политической роли у мелкой буржуазии исчезла почва, и острие ее оппозиции к буржуазии было притуплено. Для «радикальной» программы оставались лишь второстепенные аксессуары на предмет украшения буржуазной республики: прогрессивное налоговое обложение, реформа народного образования, борьба с клерикализмом.

Но в то время как политическое противоречие между мелкой буржуазией и крупной исчезало, развивалось социальное противоречие между буржуазией и пролетариатом. Одновременно с душой своей программы мелкая буржуазия потеряла значительную часть своих приверженцев. Пролетариат выступил в качестве самостоятельной партии, резко противопоставлявшей себя как радикалам, так и оппортунистам, и даже в самом лагере радикалов произошло внутреннее расслоение. Одна часть радикалов толкалась своими насущными интересами в лагерь господствующей буржуазии, другая была вынуждена принять социалистическую окраску.

Чтобы проводить свою политическую программу, «чистому» радикализму, сведенному в оппортунистической республике к слабой промежуточной партии, приходилось выбирать одно из двух: или ограничиться оппозицией в палате и придать ей вес путем внепарламентского влияния масс, или опираться на парламентские комбинации и на возможность достигнуть власти рядом с оппортунистической буржуазией.

Пойти первым путем — завоевания вновь, на ряду с социалистической рабочей партией, влияния на народные массы — было для радикалов вдвойне невозможно. Им, с одной стороны, нечего было предложить рабочим. С другой стороны, при преобладании и сравнительной устойчивости мелкого производства во Франции, социальные стремления пролетариата должны были даже отпугивать мелкую буржуазию больше, чем в какой бы то ни было другой стране. Но, оставаясь при своей скудной политической программе, радикалы тем самым оставили себе открытым лишь один путь — путь парламентского господства вместе с оппортунистической буржуазией. Тут-то и началось их банкротство.

Обреченный обычно на роль пассивного соучастника оппортунистов в «смешанных» правительствах, радикализм время от времени оказывается неотложно необходим, а именно — каждый раз, когда оппортунистическая буржуазия компрометирует себя каким-нибудь скандалом, и республика переживает кризис. Тогда радикализм находит возможность вновь вытащить старую программную тряпку, «оборону республики», и стать на некоторое время у власти. Но здесь регулярно обнаруживается факт, который и раньше был наглядно очевиден, но из которого им не было сделано соответствующих выводов, а именно, что радикалы фактически не располагают в палате большинством, необходимым для проведения радикальных реформ.

Для того, чтобы править, чтобы держаться у кормила власти, радикализму приходится прятать в карман собственную программу и либо скрывать свое ничегонеделание под покровом мнимой деятельности, либо открыто проводить оппортунистическую политику. В том и в другом случае он весьма скоро доказывает палате свою ненужность, стране — свою ненадежность и, таким образом, все больше превращается в бессильный придаток оппортунистической буржуазии.

Деятельность кабинета Вальдека-Руссо — верное отражение такой радикальной политики. Если мы будем рассматривать ныне «объединенную левую», на которой Жорес хочет строить современную политику социалистов, в качестве компактной политической группы, сплотившейся во имя оздоровления и преобразования республики, то это будет та-

кая же переоценка, как и изображение националистического лагеря в виде компактной массы, которой присущи серьезные монархические тенденции.

Наоборот,—здесь мы видим самые различные элементы, представляющие все оттенки от социализма до реакции: крайнее правое крыло, прогрессисты группы Изамбера, соприкасаются с телохранителями Мелина. Внутренно расслоенная, нынешняя левая объединилась лишь вокруг общего стремления к восстановлению внешнего порядка и спокойствия. Как только будет выполнена эта задача,—а знаменитый закон об амнистии при данном соотношении сил является ее классическим разрешением,—как связующие интересы отступят на задний план, левая распадется, и правительство спасения республики окажется висящим в воздухе. То обстоятельство, что в той же палате вначале большинство было за кабинет Мелина, доказывает, что современное большинство носит лишь преходящий характер. А недавно совершившееся избрание Дешанеля на пост председателя палаты, возможное лишь благодаря измене части левых своему собственному кандидату Бриссону, свидетельствует, что распад левой — лишь вопрос времени.

Отсюда логически вытекает поведение кабинета Вальдека-Руссо. Не имея возможности предпринять какое бы то ни было решительное действие, он вынужден ограничиваться сглаживанием, путем ряда капитуляций, обострившихся в период кризиса противоречий и, верный традициям радикализма, брать в руки правительственную власть без предпосылок, обеспечивающих проведение собственной программы,—он вынужден ей изменять.

Таким образом, правительство Вальдека — Мильерана, вопреки взгляду Жореса, не знаменует собой начала новой эры господства демократии на основе союза радикалов и социалистов. Вернее, это — продолжение старой истории радикального мещанства, призванного отнюдь не для того, чтобы осуществлять собственную демократическую программу, а для того, чтобы путем периодического отметания нагромождаемой оппортунистической буржуазией политической грязи, заботиться о дальнейшем существовании буржуазной реакции в форме республики. Открываемая министерством Вальдека-Руссо новая эра состоит лишь в том, что к этой исторической миссии мелкобуржуазной демократии приобщаются социалисты, которые, воображая, что они служат программе социализма, фактически несут в отношении радикалов ту же повинность, которую эти последние несли постоянно в отношении оппортунистической буржуазии, воображая, что они осуществляют программу демократии.

Таким образом, тактика Жореса построена на песке. Возрождение мелкобуржуазной демократии, целям чего должно

было служить участие Мильерана в правительстве, в жертву чему и была принесена социалистическая оппозиция в палате, оказывается сплошным фантомом. Наоборот, приковав социалистический пролетариат к трупу мелкобуржуазного радикализма, Жорес парализовал единственную живую силу, которая могла бы отстоять во Франции республику и демократию.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ МИЛЬЕРАНА

В качестве второго обоснования участия Мильерана в правительстве приводится, на ряду с «делом обороны республики», возложенным на министерство Вальдека-Руссо, социал-реформаторская деятельность Мильерана.

Действительно, нет другой страны, для которой обновление и перекройка на современный лад социальной политики были бы столь неотложно необходимы, как для Франции. После того как первые решительные завоевания революции 1848 г. (введение законодательным путем для всех 11-часового, а для Парижа 10-часового рабочего дня и запрещение сдачи работ посредникам) были, благодаря поражению пролетариата, сведены на-нет, законодательство по охране труда несмотря на то, что уже в 40-е годы буржуазные социал-политики открыли ужасные результаты «первоначального накопления» капитала, было возобновлено лишь в середине 70-х годов. С этой поры начинается достопримечательная, не имеющая себе равной ни в одной стране, социал-реформаторская деятельность третьей республики. Годами бродит каждый законопроект по различным подготовительным и совещательным комиссиям, передается из палаты в сенат и из сената опять в палату, принимается здесь, чтобы быть отвергнутым там, принимается там, чтобы быть отвергнутым здесь. Когда, наконец, после двустороннего обкарнания, выправления и видоизменения выходит на свет это изделие, получившее благословение как палаты, так и сената, то с первого же момента проведения его в жизнь оказывается, что это — уродец. Уже на следующий день начинаются вновь приготовления к видоизменению закона, в результате чего — еще одно десятилетие спустя — в свет выбрасывается новый мертворожденный плод социальной реформы. Первый закон республики, закон по охране женского и детского труда, изданный в 1874 г., тотчас же оказывается неприменимым и, после многолетних, начавшихся с 1883 г., подготовок, сменяется законом 1892 г. За этим последним уже в 1894 г. следует новый законопроект в сенате, который требует новых подготовительных работ, продолжающихся вплоть до 1900 года.

Первый закон об охране здоровья трудящихся в течение семи лет подвергался переработке, и правительственный законопроект получил окончательную формулировку лишь в 1893 г. Обеспечение заработной платы было урегулировано законом лишь в 1895 г. Первый общий закон о страховании от несчастных случаев вышел в свет лишь в 1898 г.— после 20-летней подготовительной работы. И, наконец, закон о страховании от старости и инвалидности, «подготовляемый» уже в течение 25 лет и переживший уже 10 различных проектов, до сих пор еще не созрел.

На ряду с бесконечным дилетантским топтанием вокруг да около реформ с их врожденной непригодностью, для Франции характерно из рук вон плохое проведение их в жизнь. Призванный осуществлять надзор, неуклюжий бюрократический аппарат, департаментские и местные комиссии по охране детского труда во многих случаях так и не увидели света. Фабричная инспекция была лишь в 1892 г. изъята из компетенции департаментских органов местного самоуправления и подчинена государству. Прибавьте к индиферентности и неопытности инспекторов и непригодности коллегиальных органов надзора еще явное благожелательное отношение административных органов и судов к предпринимателям и беспримерную социал-демократическую отсталость общественного мнения. Для характеристики французской буржуазии в этом отношении достаточно указать, что еще в 1888 г. в палате депутатов был подан 171 голос за полную отмену созданной в 1874 г. в зародышевом виде фабричной инспекции, и что еще в 1891 г. предполагалось возложить фабричный надзор в сельских округах на полевых сторожей. В сопоставлении со старой социальной политикой Англии, с той же политикой Германии, Швейцарии и Австрии эта допотопная французская политика является своего рода уникумом.

А у кабинета Вальдека-Руссо было много побудительных причин развернуть энергичную деятельность именно в этой области. Французский радикализм, перещеголявший в области социально-политической заплесневелости политику оппортунистов, сильно скомпрометировал себя своим предыдущим поведением в глазах пролетариата. Считаться с необходимостью пролетарской поддержки было тем важнее, что отряды, составлявшие собственное ядро радикализма,— парижская мелкая буржуазия оказались как во всем деле Дрейфуса, так и при выборах в муниципалитет, совсем ненадежным союзником.

Но решающим моментом было своеобразное положение теперешнего министерства. Кабинет Вальдека-Руссо, как и его радикальные предшественники, был вынужден пользоваться поддержкой социалистов и, подобно своим предшественникам, выступил на сцену с политической программой, в которой измена социалистов своим политическим стремлениям и надеждам составляла всю суть.

Но никогда еще социалисты не были до такой степени непосредственно заинтересованы в политической деятельности правительства, никогда еще эта деятельность не привлекала к себе так сильно внимание и бдительность пролетариата, как после дрейфусовского кризиса, непосредственным результатом которого и было образование правительства Вальдека-Руссо и в период которого значительная часть социалистов играла выдающуюся роль в текущей политике Франции. Вот почему никогда еще бессилие радикалов не находилось в таком остром противоречии с чаяниями социалистического пролетариата, как во время министерства Вальдека-Руссо. 18-месячное ничегонеделание и последовавший вслед за ним закон об амнистии, после всеобщего напряжения и возбуждения двухлетнего кризиса, связанного с делом Дрейфуса, могли бы истощить даже и испытанное долготерпение социалистов. Поэтому сохранение за собой поддержки социалистов было на этот раз для радикального правительства гораздо более трудной задачей, чем во всех предъидущих случаях. Было во что бы то ни стало необходимо заранее пообещать пролетариату какую-то компенсацию за его разочарование. В качестве такой компенсации само собой напрашивались социальные реформы.

Благожелательное рабочее законодательство было для министерства единственным средством примирить социалистов с его политическим фиаско. Если бы не реформы, которыми ослепили пролетариат и заставили затаить дыхание социалистов, то даже и Жорес с его гипнозом не сумел бы убедить свои отряды в том, что кабинет «защищает республику». Только социал-реформистские законы и декреты могли затуманить политическое суждение в социалистических кругах настолько, чтоб можно было видеть «великое республиканское дело» там, где даже буржуазные демократы видели только позор и предательство. Закон об амнистии и законопроект о конгрегациях появились в свет лишь после закона о рабочем дне и законопроекта о расширении права коалиций. Социальные реформы Мильерана гарантировали безнаказанность политической капитуляции Вальдека-Руссо. Благожелательность кабинета в отношении рабочих — вот цена, которой было куплено пассивное соучастие части пролетариата в этой капитуляции.

Утверждать, что министр-социалист и был, собственно говоря, единственный двигатель немыслимой в иных условиях социально-политической деятельности радикального министерства, значит не понимать внутренней логики политического положения в целом. Совсем наоборот; пусть дух,

характер и объем социал-реформистской деятельности записывается на счет отдельного министра — сама эта деятельность была основой, на которой строил свое парламентское существование кабинет Вальдека-Руссо, раз навсегда отказавшийся от выполнения возложенных на него вначале политических задач.

*

С первого взгляда вышеочерченная тактика радикального министерства может показаться перевернутой вверх ногами. Неужели для того, чтобы пощадить политические интересы реакции, оно решилось пожертвовать ее экономическими интересами? Неужели для того, чтобы затушевать политические противоречия внутри буржуазии, оно решится выявить социальные противоречия между буржуазией и пролетариатом? Эта тактика лишь по видимости кажется превратной. Ближайший анализ социальных реформ Мильерана обнаруживает, что они в основном и главном были не отрицанием, а прямым продолжением политической деятельности кабинета.

Для социал-реформистских мероприятий Мильерана весьма характерно, что они в одно и то же время были объектом как чрезмерного восторга, так и резкой критики, что как во Франции, так и вне ее, они давали повод самым противоречивым суждениям. В то время как, с одной стороны, их превозносили как чисто социалистические мероприятия, как предвестников грядущего господства пролетариата, как краеугольные камни новой эры социальной политики, их, с другой стороны, критиковали как измену пролетариату или, по меньшей мере, как весьма неудачные попытки социальной реформы.

Объясняется это просто. Дело вовсе не в принципиально различном отношении судей к вопросу об участии социалистов в министерстве, как это может показаться поверхностному наблюдателю, а в своеобразии самих мероприятий Мильерана. Они все характеризуются внутренней двойственностью, противоречивым характером, которыми в особенности отмечены все три основные меры Мильерана, обратившие на себя наибольшее общественное внимание: закон о рабочем дне, законопроект о профсоюзах и проект обязательной забастовки.

Франция, в социально-политическом отношении стоящая позади Англии и Германии и всего капиталистического мира, эта Франция внезапно получает для всех предприятий 11-часовой, а в перспективе ближайших лет и 10-часовой рабочий день! Одним прыжком классическая страна социал-политического манчестерианства становится во главе прогресса, а французский пролетариат, вчерашний, так сказать, Иванушка, предстает перед нами сегодня гордым витязем. Ясно, такое чудо может получиться лишь в результате волшебных заклинаний министра-социалиста.

Но в истории не существует побед без потерь, как это философски заметил Жорес по выходе в свет закона об амнистии. Пятном на великом историческом законе Мильерана является то обстоятельство, что 10-часовой рабочий день входит в силу лишь по истечении 4 лет по его обнародовании (1 апреля 1904 г.). За 4 года много воды утечет в мутной Сене, и много французских министерств канет в Лету. Если изданные до сих пор законы по охране труда служили во Франции преимущественно украшением Journal officiel, то причиной этому было объединенное сопротивление со стороны предпринимателей, административных органов и судов. К сожалению, эти силы сопротивления, в полную противоположность вечной смене и эфемерному существованию министерств, образуют во Франции крепкую и непоколебимую стену. Закон, осуществление которого зависит от исхода борьбы неведомых грядущих правительств с этим валом социально-политической реакции, является во всяком случае векселем, выданным на будущий банк.

Но пессимизм в отношении его грядущего осуществления — не единственное пятно, падающее на лучезарный закон Мильерана. Сокращение рабочего времени взрослых — в настоящее время до 11, а в будущем до 10 часов — куплено одной жертвой: временным удлинением рабочего времени детей на один час.

Правда, установленный в 1892 г. законом 10-часовой рабочий день детей на практике соблюдался так же мало, как и прочие законы по охране труда. Хитрые французские предприниматели ответили на закон, подобно своим английским коллегам в 40-е годы, введением сложной системы смен, причем, пользуясь выражением Маркса, рабочие руки перетасовывались, как карты, что делало почти невозможным контроль над соблюдением закона.

Если поэтому рабочий день детей удлинялся законодательством на один час, то жертва эта, как уверяли «реальные политики», была лишь кажущейся. От существующего лишь на бумаге часового отдыха работающих на фабрике детей можно было с легким сердцем отказаться, чтобы добиться взамен законодательного сокращения рабочего времени взрослых и приравнения его к рабочему времени детей, — меры, которая, — по крайней мере, по утверждению Мильерана, — дает единственную возможность установить надзор за соблюдением закона о рабочем времени. На самом же деле принятие этого законодательного постановления свидетельствует о социал-политическом дилетантизме, равного которому до сих пор не знало даже и французское законодательство.

Охрана фабричного труда детей и подростков, сокращение рабочего времени по сравнению с рабочим временем взрослых составляет элементарную основу законодательства по охране труда во всех капиталистических странах, азбуку любой, даже самой примитивной *буржуазной* социальной политики, элементарнейшее требование простого здорового человеческого рассудка, прямой результат *естественного* различия возрастов и, наконец,—вернейший способ *ограничить* количество детей, работающих на фабриках. Удлиняя рабочий день детей на один час, закон Мильерана жертвует не только материальным часом покоя, не только чисто формальным законодательным постановлением, но и чем-то несравненно более важным: *самим принципом специальной охраны детского труда*.

Только при наличии грубо механического понимания, свойственного привыкшим к меновым сделкам «реальным политикам», можно было изображать предстоящее вновь через некоторое время сокращение рабочего времени детей до прежних *абсолютных* 10 часов, как компенсацию за временное повышение его. С *социально-политической точки зрения*, рассматривающей рабочее время детей в качестве *относительной*, естественно видоизменяющейся сообразно рабочему времени взрослых, величины, связывание теперь и в будущем рабочего времени малолетних и подростков с рабочим временем взрослых является *социально-политическим уродством*. Так как в сколько-нибудь близком будущем во Франции, как и в иных странах, нельзя рассчитывать на проведение 10-часового рабочего дня, установленного законом рабочего времени для взрослых, то это новшество фактически означает не что иное, как обречение 12—16-летних пролетарских детей — на десятилетия вперед — на 10-часовую принудительную работу во славу капиталистической эксплоатации.

Жертвами будут не только дети, но и взрослые. Специальная охрана детского труда, в действительности, при мало-мальски порядочной инспекции, не только не является препятствием к соблюдению законодательных постановлений, регулирующих рабочее время: *во всех странах* эти постановления проводятся в жизнь, несмотря на установление более короткого срока для детского труда, и только во французской палате депутатов министр посмел утверждать противоположное, не вызвав всеобщего смеха; но специальная охрана детского труда играет чрезвычайно важную роль в деле охраны труда самих взрослых. Сокращение рабочего времени детей, как это явствует из истории всех промышленных стран, и, в первую очередь, Англии, механически влечет за собой сокращение рабочего времени взрослых.

Идущая впереди охрана детского труда является *движущей силой развития* и прогресса охраны труда в целом.

Связав рабочее время детей с рабочим временем взрослых и произведя нивелировку всех естественных категорий рабочих одним смелым росчерком бюрократического пера, Мильеран не только отодвинул французское рабочее законодательство в социально-политическом отношении, поставив его позади такового всех прочих стран, но и осудил его, на первой же стадии его развития, на совершенную неподвижность. Как бы и где бы ни применялся закон о максимальном рабочем времени, равное рабочее время для всех категорий рабочих стало отныне общим правилом для французской промышленности. Предстоящее сокращение рабочего времени взрослых до 10 часов есть нечто проблематичное, зависящее от направления будущих правительств и их органов, а уравнение рабочего времени детей с рабочим временем взрослых составляет принципиальное, постоянное в новой реформе [1].

Итак, уже первое из крупнейших мероприятий Мильерана обнаруживает двойственность его реформаторской работы, проливая на нее своеобразный свет: даруя пролетариату весьма сомнительные и иллюзорные милости, он вынуждает его приносить несомненные очевидные жертвы. То же самое подтверждается вторым важным проектом Мильерана — относительно *профсоюзов*.

Дарованное рабочим в 1884 г. право коалиций до сих пор еще не получило законодательной санкции. Отданные во власть предпринимателей, организованные рабочие вынуждены отчаянной борьбой отстаивать свое элементарное право. Крупнейшие французские стачки, как, например, в Северном департаменте в 1885 г., в Кармо, стачка парижских служащих омнибусов и, наконец, недавняя стачка в Крезо, были вызваны репрессиями предпринимателей против рабочих.

Проект Мильерана создает *правовые гарантии* для права коалиций, обеспечивая рабочим, увольняемым за их

---

[1] Мы получили только что новый любопытный комментарий к вышеупомянутому закону. На страницах Petite République в номере от 9 февраля приводится проект мильерановского декрета, предусматривающего целый ряд исключений, устанавливающих более длинный рабочий день для взрослых (на 1—2 часа) в смешанных предприятиях. Изъятия из устанавливаемого законом рабочего дня — постоянное явление в практике охраны труда. Но когда Мильеран, положив *в основу* своего закона равную продолжительность рабочего дня детей и взрослых, вслед затем путем декрета вновь удлиняет рабочее время взрослых, то он этим доказывает, что он не придает серьезного значения ни проведению своего закона в жизнь, ни данному ему обоснованию. В обоих случаях приносимые работающими на фабриках детьми жертвы оказываются напрасными

принадлежность к профсоюзу, право требовать вознаграждения со стороны предпринимателей и грозя последним уголовными карами за угрозу или насилие. Мало того. Проектируемый закон облекает профсоюзы и их объединения всеми правами юридических лиц, т. е. разрешает им владение имуществом в неограниченном размере и вступление в деловые сношения.

С первого взгляда мы вновь имеем дело со смелой, значительно превосходящей законодательство других стран, социально-политической реформой. Но и в этом прекрасном цветке сидит червь.

Правом гражданского иска к предпринимателю обладал уволенный член профсоюза во Франции уже и раньше — на основании общего буржуазного свода законов (статьи 1780 и 1382). Но частно-правовые гарантии оказались совершенно недействительными как в силу невозможности для рабочих вести дорого стоящие процессы, так и ввиду трудности доказать на суде цель, имевшуюся у предпринимателя при увольнении им данного рабочего и, наконец, в силу незначительных размеров денежных штрафов, налагаемых на капиталистов. Что требовалось — это создать для права коалиций единственно соответствующую публично-правовому характеру уголовно-правовую гарантию. Трижды уже палата депутатов (1890, 1892 и 1895) принимала такого рода закон, неуклонно разбивавшийся о сопротивление сената. Если Мильеран, вместо того чтобы провести волю рабочего класса в сенате, склоняется перед последним, вводя частно-правовое право иска в качестве гарантии права коалиций, он этим самым преподносит рабочему, под видом новой правовой гарантии, лишь старую безнаказанность злоупотреблений со стороны предпринимателей.

Такой же иллюзией является и второй подарок: право неограниченного владения землей и ведения предприятий. Уже и прежде члены профсоюзов обладали правом иметь имущества (движимое и недвижимое) в рамках профсоюзных функций и возможностью основывать, хотя и независимо от профсоюзов, производственные и потребительские общества. Фактически около четверти французских кооперативов основано профсоюзами. Проектируемая реформа состоит лишь в том, что профсоюзам, как таковым, даруется право основывать кооперативы. Подобное непосредственное переплетение профсоюзного и кооперативного движения, как этому учит предыдущий опыт и взаимоотношения обеих организаций, является весьма сомнительным благодеянием. Не отвечая реальным потребностям ни профсоюзов, ни кооперативов,

это новшество грозит стать источником постоянных конфликтов и трений между теми и другими[1].

Но иллюзорным завоеваниям соответствует здесь весьма реальный и несомненный ущерб. Законопроект не только дает право увольняемому рабочему подавать иск на предпринимателя, но и дает право предпринимателю предъявлять иск к рабочим, остановившим его предприятие бойкотом. Он не только оставляет в полной силе существующую ненавистную статью уголовного законодательства о «посягательстве на свободу труда», но он создает еще специально уголовную защиту предпринимателя и «желающих работать» против «угроз или насилий со стороны бастующих». Таким образом, в полном соответствии с внесенным реакционерами в мае 1890 г. в палату депутатов предложением, вновь призывается к жизни отмененный в 1884 г. закон против бастующих, и вся реформа незаметно превращается из мнимого расширения и гарантирования в ограничение рабочего права коалиций.

Возьмем, наконец, привлекший к себе больше всего внимания законопроект об обязательных третейских судах и принудительной стачке. Кто не узрел еще социалистического, составляющего эпоху, характера предъидущих реформ Мильерана, тому должен открыть глаза вышеназванный проект. Ибо, если прочие мероприятия вращаются в уже известных рамках международного рабочего законодательства, то это последнее вводит совершенно новый принцип: принудительную стачку. Никакая реформа дальше этого, очевидно, итти не может. Прыжок от «каторжного законопроекта» к мильерановскому проекту стачек так велик, что можно уже узреть уголок государства будущего, и если каторжный законопроект был ножом, занесенным над горлом рабочего, то мильерановский законопроект является оружием, кладущим конец экономическому всемогуществу капитала. «Предприниматель — это с первого же взгляда признали даже некоторые наши собственные партийные газеты — перестает быть господином у себя в доме».

Правда, при несколько более внимательном анализе проекта, в голову приходит много серьезных сомнений. Применение проектируемого закона обеспечено лишь на государственных предприятиях; на частных же это будет зависеть от свободного усмотрения предпринимателя. Смертоносное для капитала оружие кладется, таким образом, в шкаф капи-

[1] Вот почему и французская Всеобщая конфедерация труда, и состоявшийся в 1900 г. в Париже съезд французских бирж труда решительно высказались против этой реформы. Что касается юридической стороны проекта, смотри превосходную статью Мариуса Мутэ в Mouvement Socialiste, № 30.

талиста. Даже меньшинство рабочих должно подчиняться, согласно ясно выраженному постановлению закона, вынесенному большинством решению о стачке, но закон не определяет кары на случай, когда оно не подчиняется и продолжает работать. Вкладываемое предпринимателю в целях самоубийства в руки острое оружие, когда ближе присмотришься, не имеет, собственно говоря, клинка. Наконец, рабочие во всяком случае имеют право, если они безрезультатно добивались соглашения, вынести большинством постановление о стачке, но предприниматель теперь, как и раньше, имеет возможность всех рабочих вместе или каждого в отдельности, без какого бы то ни было предварительного церемониала соглашения, в процессе ли стачки или после нее, послать к чорту, заменив другими. Итак, в последнем счете нож оказывается лишенным не только клинка, но и ручки.

Но эта, как и другие реформы Мильерана, не только дают рабочему одной рукой иллюзии, но и отнимают у него другой рукой самые осязательные реальности.

Согласно определению законопроекта, стачку, а следовательно, и подлежащие формулировке требования устанавливают лишь работающие на данном предприятии или в данной мастерской рабочие. Таким образом, при заключении договора с предпринимателем контрагентом является не п р о ф с о ю з, а рабочие м а с т е р с к о й. Это делает невозможным как поднятие экономического и социального положения отдельных групп рабочих, путем зафиксирования общими силами профсоюзов максимальных достижений и требований для всего рабочего класса, так и общую забастовку рабочих целой профессии, или нескольких, каковыми были происходившие так часто во Франции политические забастовки и забастовки солидарности[1]. Тем, что я ч е й к о й э к о н о м и ч е с к о й б о р ь б ы утверждается мастерская вместо профсоюза, у борьбы отнимается как ее опорный пункт, образуемый солидарностью всей данной профессии и всего рабочего класса, так и движущая сила, заключающаяся в профсоюзах, руководительстве отдельных выступлений профсоюзами.

Как закон о рабочем времени идет вразрез с нормальным процессом развития охраны труда, так и проектируемый закон о стачках противоречит нормальному развитию профессионального движения, и как первый одним росчерком бюрократического пера нивелирует естественные категории нуждающихся в охране рабочих, так и второй, устанавливая искусственные деления, сдвигает естественную кристаллизационную ось экономической организации пролетариата. Роковое влияние закона на развитие профессионального движения определило отрицательное отношение к закону специалистов этого вопроса — профсоюзных вождей во Франции, Германии и Австрии, заставив их п р и н ц и п и а л ь н о о с у д и т ь мильерановский законопроект[1].

Другим мерилом, по нашему мнению, может служить п р и н у д и т е л ь н а я с и л а т р е т е й с к и х п о с т а н о в л е н и й. Так как проект, повидимому, исключает возможность случаев, когда обязательный третейский суд не приходит к единодушному решению, так как затем выносимые камерой труда приговоры, очевидно, не нуждаются в предварительном согласии бастующих рабочих, а обладают безусловной принудительной юридической силой, то цель стачки, если только дело тут не в неудачной формулировке самого законопроекта, становится просто непонятной. Рабочие, очевидно, лишены возможности отклонить постановления третейского суда и путем продолжения стачки вынудить уступку у предпринимателей или косвенным путем повлиять на благоприятное для них решение третейского суда. Приговор третейского суда в данном случае, в отличие от того, как это бывало до сих пор при добровольном признании его в прошлой практике, не является фактическим выражением выявившегося в процессе борьбы соотношения сил двух сторон. Ход стачки, большая или меньшая способность рабочих ее продолжать, не влияют на результат третейского разбирательства, ибо решения суда без дальнейших околичностей получают принудительный характер.

Какую роль в этом случае играет стачка согласно мильерановскому законопроекту? Исключительно роль сигнала для начала третейского разбирательства — сигнал, который столь же успешно можно дать путем, например, вывешивания флага из окна мастерской.

Только теперь, в свете обязательного приговора третейского суда, встает перед нами во всем своем блеске историческое благодеяние — принудительная стачка: рабочие гарантированы от штрейкбрехеров, но одновременно с этим

---

[1] Следует отметить несостоятельность указания Гербста (Deutsche Worte, № 1 с. г.), что трудовые конфликты решаются в каждом промышленном округе одной и той же трудовой камерой и что, следовательно, таким путем достигается единообразие в условиях труда. Трудовые камеры разбирают каждый раз только требования, поставленные рабочими данной мастерской, и не имеют возможности выйти в своем решении за пределы этих требований. Между тем, суть дела заключается в том, чтобы добиваться единообразия в самой п о с т а н о в к е требований, а это может дать только профсоюз.

[1] Смотри статью Легина в Vorwärts от 25 декабря 1900 г., статьи в Korrespondenzblatt der Gewerkschaften №№ 47 и 51 прошлого года, затем Oesterreichischer Metallarbeiter от 29 ноября 1900 г. и Voix du Peuple от 3—10 февраля 1900 г. На категорически отрицательное отношение значительной части французских синдикалистов повлияло, между прочим, как известно, и их увлечение всеобщей стачкой.

стачка лишается какого бы то ни было смысла и цели. При этом съете приобретают своеобразный интерес и подробные, сложные предписания о способе и методе голосования до, во время и после стачки, и о том, как должны вести себя рабочие до и во время голосования и т. д. Единственный реальный смысл во всем этом китайском церемониале имеют в последнем счете только суровые определения, ограждающие бастующих от «влияния» со стороны «непричастных лиц». Во Франции, где общим правилом стало руководство крупных стачек выдающимися социалистами, преимущественно социалистическими депутатами, вышеупомянутые предписания проекта означают не что иное, как устранение социалистических «подстрекателей и возмутителей» с места, где разыгрывается экономическая борьба.

В мильерановском проекте стачка, следовательно, фигурирует в качестве пустой формы, которая, как открыто говорится в министерском обосновании, временно сохранена лишь из уважения к рабочему классу и во внимание к его предрассудкам. Тенденция и конечная цель закона — окончательная отмена стачек, что стало уже фактом в Новой Зеландии, служившей прообразом мильерановскому проекту.

Итак, новая реформа означает не только разрыв пролетарского профессионального и классового единства в экономической борьбе и распыление его по отдельным ячейкам мастерской, но также отмену экономической борьбы в рамках самой мастерской. Основной функцией профсоюза остаются теперь выборы в камеру труда, единственной функцией стачки—созыв камеры труда для третейского разбирательства, и вся экономическая классовая борьба превращается в гражданский процесс.

А Мильеран, перерезав в своем законопроекте жизненный нерв профсоюзов, проповедует рабочим в части, обосновывающей проект,—в красноречивых выражениях—необходимость профсоюзной организации.

Если при ближайшем рассмотрении реформы Мильерана оказываются жалким кропаньем, то виновата в этом во всяком случае не злая воля министра-социалиста. Наоборот, нельзя не признать в этих кропотливо, в поте лица составленных за письменными столами министерства сложных проектах наличия усердия и энергии. Больше всего эти качества проявляются у Мильерана там, где он не непосредственно связан с парламентским законодательством, т. е. в его декретах, как, например, в декрете о 8-часовом рабочем дне для почтовых служащих. Но, вопреки всему, отрицательные черты, свойственные министерским законам и проектам,—не случайность, они красной нитью проходят через всю социал-реформаторскую работу министерства.

Мы уже отметили в качестве самой характерной черты ее эти постоянные, «с одной стороны, и с другой стороны», это подавание правой рукой и отбирание левой, короче говоря, это сочетание уступок рабочим с уступками предпринимателям. Это все та же система качелей, которая вообще характерна для всех политических мероприятий кабинета. Здесь, как и там, в основе такой системы лежит стремление не выявлять существующие противоречия, а сглаживать их, причем средством для этого является внешнее урегулирование коренящихся глубоко в социальной почве противоречий, путем введения их в юридические нормы, как будто предоставляющие простор обеим состязающимся силам, но мешающие им вырываться наружу. Закон об амнистии был юридическим разрешением конфликта между гражданским обществом и постоянной армией, закон об ассоциациях— попыткой затушевать спор между республикой и церковью, социальные реформы — юридическим упразднением борьбы между капиталом и трудом.

Однако, «республиканское большинство», в расчете на которое строится в силу необходимости политика правительства, представляет столь же мало интересы труда, сколь и интересы демократии. И как при основанной как будто на полном беспристрастии амнистии в деле Дрейфуса жертвы военной реакции фактически были с головой выданы ее представителям, точно так же формально устанавливающая во всем паритет социальная реформа, по существу говоря, приносит в жертву интересы рабочих. Наделяя рабочих многообразными правами представительства во всякого рода паритетных совещательных органах (как, например, высший совет труда, трудовые камеры), которые представляют собой в лучшем случае вспомогательные средства для самостоятельной борьбы рабочих, Мильеран, как мы видим, одновременно сковывает живые источники этой борьбы: развитие законодательства по охране труда, право коалиций, свободу профессионального движения. Если о социал-политической деятельности кабинета можно сказать, что она, подобно его политической деятельности, имеет целью единственно и исключительно притупление противоречий и смягчение их внешних форм выражения, то надлежит прибавить, что эта цель достигается здесь за счет интересов пролетариата, как там за счет интересов демократии.

Вот почему не случайность и не чудовищная нелепость, когда одновременно с выработкой законов «по охране бастующих» мы видим, как расстреливают бастующих рабочих (в Шалоне и на острове Мартинике), одновременно с официальным поощрением рабочих организаций — применяют солдат в качестве штрейкбрехеров (в данное время в Монсо ле-Мин, см. Petite République, от 7 февраля 1901 г.). Это не

противоречит социал-реформаторской деятельности Мильерана, а лишь логически дополняет ее. Основная, руководящая им идея при этом: одновременная охрана рабочих и предпринимателей, первых — путем иллюзорных, последних — путем материальных уступок, находит свое наглядное выражение одновременно в разработке бумажных мероприятий, благодетельствующих рабочих, и в ограждении капитала реальным железным штыком.

Недостатки мильерановских социальных реформ исчерпывающе объясняются тем, что эти реформы являются лишь верным перенесением общих руководящих принципов политической деятельности правительства в область социальной политики,—другими словами, тем, что Мильеран фактически действует не как министр-социалист, а как министр-радикал.

В этом центр тяжести всего вопроса. Вступление Мильерана в министерство, между прочим, оправдывается указанием на его социал-реформаторскую деятельность. В действительности же, Мильеран—не только не источник социал-реформаторской деятельности кабинета — она, как мы уже видели, оказалась непременным условием существования радикального министерства, — но он даже не определяет характера социальных реформ. Обстоятельства оказались сильнее отдельных личностей, и социалист, вступивший в буржуазное правительство, не только не сумел сделать социальную политику правительства орудием социалистических стремлений, но, наоборот, сам в своей социальной политике стал орудием буржуазного правительства.

*

Социальная реформа в буржуазном государстве, даже и не столь жалкая, какой является—вопреки его наилучшим намерениям — реформа Мильерана, заранее обречена на роль половинчатой заплаты. Это вполне естественно. Независимо от первых начатков законодательства по охране труда, продиктованных национальным инстинктом самосохранения, социальная реформа во всех капиталистических странах есть продукт упорной и жестокой борьбы между пролетариатом и господствующими классами. Уступки делаются лишь постольку, поскольку они диктуются политическими соображениями и необходимы для успокоения подстрекаемой социалистами рабочей массы. Присутствие социалиста в правительстве не вносит в это положение никаких перемен, потому что и министр-социалист, поскольку он фигурирует в буржуазном министерстве, т. е. поскольку в государстве царят интересы не пролетариата, а капитала, связан мнением буржуазного большинства правительства и народного представительства.

Таким образом, надежда при помощи министра-социалиста вызвать невиданный расцвет социального реформаторства—с самого начала была утопией и игнорированием конкретной обстановки. Даже больше: министр-социалист, порождая необоснованные иллюзии и чаяния, этим самым может, напротив, лишь затормозить нормальное развитие социальных реформ.

Главным рычагом, толкающим вперед социальную политику господствующих классов, служит беспощадная критика ее со стороны социалистической партии; но стоит только социалисту выступить в качестве представителя официальной социальной политики, и критика ее становится еще менее возможной, чем критика правительственной политики в целом. Если последняя имеет объектом действия, в которых социалист может, по крайней мере, не принимать непосредственного участия, то первая направлена непосредственно против министра-социалиста и дела его рук.

В действительности приверженцы Мильерана привели Францию в состояние ослепления и гипноза, при котором любое социал-политическое мероприятие правительства заранее объявлялось знаменательным для эпохи социалистическим актом.

Закон о рабочем дне, единственный в мире, устанавливающий принцип одинаковой продолжительности труда 12-летних детей и взрослых, этот закон, по мнению Жореса, является крупнейшим шагом вперед, благодетельным для пролетариата, одним из величайших завоеваний последнего. (Petite République от 16 января 1900 г.), даже «законодательным восстановлением единства пролетариата»[1] (Petite République от 20 января 1900 г.).

Циркулярное письмо министра торговли фабричным инспекторам, с предложением действовать в согласии с профсоюзами, есть «смелый акт», «памятная дата в анналах организованного пролетариата» (Жеро-Ришар в Petite République от 21 января 1900 г.).

Скромный декрет, обязующий соблюдать при организации общественных работ обычные для данной местности условия труда, провозглашается «социалистическим актом Мильерана» (Petite République от 7 августа 1899 г.).

А частичное избирательное право профсоюзов при выборах в высший совет труда, учреждение, созданное Наполео-

[1] Жорес яркими красками рисует, как все рабочие по гудку толпами выходят из мастерской,—девушки, чтобы радоваться своей здоровой красоте, матери, чтобы поспешить к колыбели грудных младенцев, мужчины, чтобы заняться серьезной подготовкой к роли революционных работников, а дети, чтобы жадно пить яркий свет и музыку леса. Жорес забывает лишь об одном, что в ту пору дня, когда дети, согласно мильерановскому закону, будут покидать фабрику, в лесу уже будет совсем темно, и птички давно уже будут спать.

ном III,—при выборах, которые по реформе Мильерана производятся на основе восьми различных способов голосования и полное ознакомление с которыми требует от простого смертного не меньше четырех недель, меж тем как вся функция органа сводится к двухнедельному на протяжении года совещанию,—это право избирать одну треть членов такого необыкновенного учреждения рассматривается, вместе с вышеупомянутым декретом, как «социалистическая рассада, пересаживаемая на капиталистическую почву и обещающая принести дивные плоды» (Petite République от 21 января 1900 г.).

Прославление всякого деяния Мильерана доходит у его приверженцев прямо до открытого отрицания собственных воззрений. Жорес, систематически и при всяком удобном случае выдвигавший принцип всеобщей стачки, внезапно заявляет, что проект принудительной стачки, исключающий какое бы то ни было общее выступление, а тем более и всеобщую стачку, является великолепным «приготовлением к коллективному выступлению пролетариата» (Petite République от 20 декабря 1900 г.).

Даже отдельные слова и жесты Мильерана преподносятся рабочей публике как величайшее торжество социализма. Так, например, поездка министра торговли на банкет, устроенный промышленной школой в Лилле, и его речь на этом банкете составляет «один из величайших и плодотворнейших моментов, которые могут быть отмечены в истории социализма и республики» (Жорес, Petite République от 18 октября 1899 г.). Таким образом, оказывается ошибочным мнение, будто величайшим моментом в истории французского социализма была Парижская коммуна.

Если французская социальная политика отстает от политики почти всех капиталистических государств, то виной тому является не только экономическая отсталость французского буржуазного общества, но в высшей степени индиферентизм пролетариата. В качестве наследия многочисленных революций французскому пролетариату досталась тяга к двум крайностям: с одной стороны, к переоценке политического выступления и к исключительному возлаганию надежд на политический переворот, с другой стороны, к недооценке политического выступления и возлаганию исключительных надежд на «самопомощь». Из этих двух крайностей одновременно вытекает пренебрежение к повседневной экономической борьбе, совместно с политическим воздействием на законодательную реформу.

Французские профсоюзы, несмотря на свое внушительное (по крайней мере, на бумаге) количество членов (493 тыс. в 1899 г.), представляют собою до сих пор весьма незначительную силу. К весьма мелкому дроблению — почти каждая

профессия в каждом месте представлена многими организациями — присоединяется еще отсутствие средств в кассах; так, например, комитет Всеобщей конфедерации труда — объединение, охватывающее свыше 100 тыс. членов и сильно разветвленное — на протяжении двух лет (1898—1900) имеет доход в размере 2.100 марок,—и, наконец, преобладающий полуанархический характер профсоюзов, где доминирует идея всеобщей стачки.

При таком состоянии рабочих организаций и наисовершеннейшая социальная реформа в значительной части осталась бы на бумаге. Во Франции же, где рабочий класс не уделяет ей внимания и сил, она не выходит за рамки оппортунистически-радикального кропания. То обстоятельство, что доминирующей чертой прежнего французского законодательства по охране труда было дилетантское, бессистемное экспериментирование, и отражает особенно наглядно недостаток контакта между этой реформаторской деятельностью с преследующим ясно намеченную цель сильным профсоюзным движением и практикой повседневной борьбы.

Чтобы внести сюда перемену, необходимо было бы, прежде всего, побудить французские профсоюзы к самостоятельному выступлению, к решительной борьбе за улучшение условий труда законодательным и экономическим путем. Социальная реформа Мильерана действует как раз в обратном направлении. В материальном отношении она стремится отнять у профсоюзов их живое содержание — свободную экономическую борьбу, превращая их из боевых организаций в часть искусственно надуманного аппарата для водворения социального мира, а с формальной стороны эта же самая реформа лишает пролетариат права критики и самостоятельного нажима на социальную политику правительства.

Участие Мильерана в министерстве, таким образом, не только не открывает новой эры социальных реформ во Франции, но на самом деле означает прекращение борьбы пролетариата за социальные реформы, раньше чем она началась, т. е. подавление того элемента, который один способен влить здоровую современную жизнь в жалкий скелет французской социальной политики.

ДЕЛО МИЛЬЕРАНА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

В предшествующих статьях мы стояли исключительно на почве практической политики и исследовали вопрос о социалистическом министериализме лишь с точки зрения непосредственных целей, которым, по мнению Жореса, он должен был служить.

Оказалось, что и здесь практика, как всегда, ведет к тем же самым результатам, которые вытекают заранее из теории и принципов социал-демократии. А именно, если тактика Жореса не достигает поставленных себе практических задач, то это есть лишь логический результат того факта, что, превращая социалистический министериализм из исключительного мероприятия в нормальное средство борьбы рабочего класса, она тем самым отметает основные принципы социал-демократии.

Социализм, призванный устранить частную собственность на средства производства и уничтожить классовое господство буржуазии, принимает участие в правительстве буржуазного государства имеющего задачей сохранить частную собственность и увековечить классовое господство буржуазии. Социалисты, призвание которых заключается в организации пролетариата в особую классовую партию для борьбы против всех буржуазных классов, превращают рабочий класс в придаток республиканской буржуазии.

Сотрудничество в деле порабощения пролетариата как средство к освобождению пролетариата и политическое сплетение с буржуазными партиями как средство борьбы против буржуазии —здесь есть внутреннее противоречие, которое бьет прямо в глаза.

Правда, Жорес его отрицает. В участии социалистов в буржуазном центральном правительстве он видит лишь логическое расширение общепризнанного принципа участия в законодательных органах и муниципалитетах, дальнейшую стадию в развитии социалистической тактики от утопически-сектантского воздержания к активной реальной политике; союз с буржуазным республиканизмом является для него выводом из того принципа, что рабочий класс должен поддержать и использовать прогрессивные фракции буржуазии против реакционных.

Мы полагаем, что ссылка Жореса на общепризнанную тактику социал-демократии покоится как в том, так и в другом случае, на неправильном понимании сущности государства и развития буржуазного общества.

С точки зрения социалистических задач, законодательные органы и центральное правительство современного государства представляют по своему существу и своим функциям две коренным образом различающиеся институции.

В то время как парламент является органом классовой и фракционной борьбы внутри буржуазного общества и поэтому является самым подходящим полем для систематического противодействия социалистов господству буржуазии,— такая роль рабочих представителей в лоне правительства заранее исключена. Призванная претворять в дело готовый результат происходящей в парламенте и в стране партийной борьбы, центральная власть есть, прежде всего, орган действия, жизнеспособность которого покоится на внутренней однородности.

Подобно тому как в капиталистическом хозяйстве отдельные его ветви — производство, обмен, кредит, транспорт—теснейшим образом связаны между собой и крупная мировая торговля немыслима при средневековых средствах сообщения или социалистический обмен — при частнохозяйственном производстве, так и в буржуазном государстве, являющемся лишь политической организацией капиталистического хозяйства, должна существовать полная гармония между отдельными функциями.

Современная колониальная политика крупной индустрии предлагает соответственную установку милитаризма, его способность к мировой политике. Агрессивная, протекционистская торговая политика находит себе естественное дополнение в империалистической колониальной политике. Современный милитаризм немыслим без финансовой политики, умеющей выжать из народной массы соответствующие средства путем системы косвенных налогов. Финансовая политика, т. е. система налогов, государственных долгов и монополий, теснейшим образом связана с промышленной политикой как непосредственно, так и через посредство биржи. Милитаризм, торговля и колониальная политика в своей совокупности определяют содержание и направление внешней политики.

Таким образом, центральное правительство современного государства представляет сложный механизм, отдельные части которого всесторонне связаны между собой и взаимно определяют и регулируют свои движения. Непосредственным передаточным механизмом, приводящим в движение всю систему, служит буржуазный парламент, но движущей силой являются при этом в первую очередь классовые и партийные отношения в стране, а в последнем счете — отношения производства и обмена в общественном хозяйстве. Единой капиталистической экономике на одной стороне соответствует единая буржуазная правительственная политика — на другой.

Отсюда вытекают двоякого рода выводы.

Во-первых, если оспаривают ответственность каждого отдельного члена правительства за политику правительства в целом и рассматривают всякий министерский департамент как замкнутую в себе независимую сферу власти, то это основано на совершенно механическом понимании государства. Из внутренней связи отдельных функций правительства вытекает с естественной необходимостью солидарная ответственность отдельных его членов. И тот параграф французской, как и всякой другой конституции, опирающейся на парламентский режим, по которому все министры в сово-

купности несут ответственность за политику правительства, не есть ни случайность, ни государственно-правовой фокус, а адэкватное (соответствующее) юридическое выражение единства функций, составляющего основной жизненный принцип буржуазного правительства.

Правда, Жорес смотрит на солидарную ответственность министерства перед страной как на пустую формальность, как на китайскую церемонию[1]. Ответственность социалистического члена правительства за поступки буржуазного правительства — для него только «фикция», подобно присяге королю и конституции, которую должны принести социалисты при вступлении в саксонский ландтаг. Он ссылается на Либкнехта, который с суверенным презрением перемахнул через это «бумажное препятствие».

Жорес забывает тут коренное различие между этими двумя случаями. В то время как упомянутое принесение присяги ничуть не мешало социалистам, раз они проникли в ландтаг, немедленно вступить в принципиальную оппозицию к правительству и большинству ландтага,—в буржуазном правительстве социалист бывает вынужден вести сообща с другими членами его политику. Аналогия была бы правильна лишь в том случае, если бы социалистические депутаты в ландтаге были вынуждены в силу своей присяги занять место на скамьях буржуазного большинства и голосовать солидарно с ними. Фактически же здесь налицо не аналогия, а прямая противоположность: в народное представительство социалисты вступают для того, чтобы бороться против буржуазного классового господства, в буржуазное правительство — для того, чтобы взвалить на себя ответственность за акты этого классового господства.

Далее, совершенно утопично предполагать, будто одно правительственное ведомство может вести буржуазную политику, а другое — социалистическую, и будто таким образом возможно завоевать центральную власть в пользу рабочего класса по частям, одно ведомство за другим.

Если социалистические сторонники Мильерана стараются изо всех сил отрицать его ответственность за действия других министров и ограничить ее его собственной деятельностью, то происходит это от того, что, как им кажется, они могут изобразить хотя бы собственную работу Мильерана как «социалистическую политику». Но, не говоря уже о некритическом возвеличении мильерановских социальных реформ, они достигают этой иллюзии тем, что выставляют социальные реформы единственным занятием министра торговли и обходят молчанием все другие.

[1] См. речь Жореса в Лилле, «Два метода», стр. 8.

Однако, подобно тому как в капиталистическом хозяйстве рабочий представляет лишь одно из условий производства среди многих других, точно так же и социальная охрана труда есть только одна и даже второстепенная отрасль среди функций буржуазного министерства торговли и промышленности, которые все рассчитаны на благополучие капиталистического производства и обмена. Что здесь играет первую роль, так это — **торговая политика**.

Если бы Мильеран хотел действовать в **этой** области сообразно минимальным социалистическим требованиям, то он должен был, очевидно, стремиться подорвать введенную Мелином в 1892 г. систему автономных запретительных пошлин, основанных на минимальном и максимальном тарифе и, первым делом, отменить пошлины на жизненные припасы. Но что же он делает в действительности? На это дает ответ мильерановский договор 1899 г. с Соединенными Штатами Северной Америки. Как только жаждавший портфеля Мелин попытался заклеймить это соглашение как измену благоприобретенным правам аграрных протекционистов, тотчас же социалистические друзья Мильерана не замедлили опровергнуть это утверждение как гнусную клевету. Они могли с гордостью констатировать: «Что в торговом соглашении сельскохозяйственные продукты исключены из тарифа наибольшего благоприятствования... Что торговый договор не распространяется на жизненные припасы, ввоз которых регулируется особым законом... Что он больше и лучше защищает интересы скотоводов, чем это предусматривалось в мелинском законопроекте, так как американские шкуры и кожи исключены из минимального тарифа»[1].

Этим была дана наглядная иллюстрация тому, что Мильеран в качестве министра торговли с полным успехом замещает «père famine» (отца голода) Мелина, и доказывалось вместе с тем, что социалист может действовать в буржуазном правительстве лишь постольку, поскольку он демонстрирует свою способность осуществлять буржуазную политику и отказываться от социалистической политики.

Деятельность Мильерана в области торговой политики бросает новый яркий свет на весь вопрос социалистического министериализма. Мало того, социалист как член современного правительства бывает вынужден вести буржуазную политику, покуда сохраняются основы буржуазного общества, частная собственность и классовое господство. На почве современного общества **вообще** ведь не может быть никакой иной политики, кроме буржуазной, и если бы даже министр выполнял все те требования социалистической программы, которые рассчитаны на существующее ныне государство, то

[1] Fournière, Petite République от 17 августа 1899 г.

и тогда он ни в малейшей степени не переставал бы быть буржуазным министром. В лучшем случае он служил бы тогда своею деятельностью прогрессивным тенденциям буржуазного развития. Мало того. Оказывается, что министр в современном правительстве привязан не только к буржуазному социальному строю вообще, но и к временным преходящим интересам господствующих групп и кружков, что он является рабом не только буржуазного развития, но и буржуазной реакции.

Как уже было упомянуто, Жорес поставил ответственность Мильерана за общую политику кабинета на одну доску с либкнехтовской присягой на верность саксонской конституции, как пустую формальность. Мы показали, что эта аналогия основана на совершенно механическом понимании сущности буржуазного государства. Но мы охотно довольствуемся ответственностью Мильерана за его собственное ведомство. Только Жоресу остается тогда доказать, что присяга, принесенная Либкнехтом саксонскому королю, имела для рабочего класса Саксонии такие же последствия, как торговая политика Мильерана для французского народа. Тогда он получит и прямой ответ на поставленный им в Лилле вопрос: «Поколебались ли бы мы, например, если бы для нашего дела было нужно перекинуть нескольких наших товарищей в крепость буржуазного правительства?»[1]. Этот план сводится лишь к тому, что «наши» из буржуазной крепости вместе с буржуазией стреляют по нашим собственным рядам.

Совершенно иным представляется вопрос об участии в коммунальном совете. Правда, коммунальный совет, как и бургомистр, выполняет, между прочим, перенесенные на них административные функции и буржуазные законы, но исторически они представляют совершенно противоположные элементы.

В то время как правительство воплощает централизованную государственную власть,—муниципалитет вырастает из местного самоуправления за счет центральной власти, как освобождение от нее. В то время как подлинное существо правительства составляют специфические средства буржуазного классового господства: милитаризм, религиозный культ, торговая политика, внешняя политика,— муниципалитет призван нарочито к культурным и хозяйственным задачам, т. е. к тем задачам, которые соответствуют административному механизму не знающего классовых делений социалистического общества. Центральное правительство и коммуна являются поэтому исторически двумя противоположными полюсами в современном обществе. Неустанная борьба между муниципалитетом и правительством, между городским мэром и префектом служит во Франции конкретным выражением этой исторической противоположности.

[1] «Два метода», стр. 8.

Отсюда для социалистической тактики вытекают две коренным образом различающиеся позиции. Центральное правительство современного государства есть воплощение буржуазного классового господства, устранение которого является неизбежной предпосылкой социалистической победы, а самоуправление есть элемент будущего, который будет использован социалистическим переворотом.

Правда, буржуазные партии умеют влить свое классовое содержание и в хозяйственные, и в культурные функции коммуны. Но здесь социалисты никогда не попадают в такое положение, когда они вынуждены были бы изменить собственной политике. Пока они в коммунальных представительствах образуют меньшинство, они ведут оппозиционную политику совершенно так же, как в парламенте. А став большинством, они превращают самую коммуну в боевое средство против буржуазной центральной власти.

В подтверждение своего постулата о союзе с буржуазным республиканизмом Жорес ссылается на авторитет Маркса, рекомендовавшего социалистам объединение с буржуазией в борьбе с реакцией[1]. Он имеет в виду, очевидно, следующие заключительные строки Коммунистического манифеста: «В Германии коммунистическая партия борется совместно с буржуазией — как только она выступает революционно против абсолютной монархии, против феодального землевладения и мелкой буржуазии... Одним словом, коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение, направленное против существующих общественных и политических отношений» (стр. 65 русск. изд. 1926 г.). Но в основе этих слов лежит совершенно определенное историческое содержание.

Коммунистический манифест имеет в виду борьбу в первую половину XIX в., которая велась во имя водворения буржуазного классового господства на место феодального. Здесь речь шла об оказании пролетариатом поддержки подымающемуся классу, политическая победа которого над реакцией была экономической необходимостью. В настоящее время условия совершенно иные. Буржуазия везде осуществила свои стремления и теперь уже больше не борется против реакции, теперь она в союзе с остатками феодализма является официальной представительницей реакции.

То, что в наше время в капиталистических странах именуется буржуазной демократией, является почти исключи-

[1] «Два метода», стр. 4.

тельно мелкой буржуазией. Однако, мелкобуржуазная демократия не служит выражением какого-нибудь подымающегося класса, стремящегося сменить буржуазию. Мы так же мало идем навстречу политическому господству мелкой буржуазии, как и экономической победе мелкого ремесла над крупным производством. Содержание современного социального развития, аналогично борьбе буржуазии с феодализмом, образует противоположность не между мелкой и крупной буржуазией, а между пролетариатом и буржуазией.

Правда, промежуточное положение мелкой буржуазии обусловливает временно между нею и рабочим классом общность борьбы. Но в нынешний период пролетариат призван представлять доминирующий, руководящий элемент, а мелкая буржуазия—придаток, а не наоборот. Это значит, что социалистическая партия и там, где ее пути на некоторой дистанции совпадают с путями буржуазной демократии, имеет задачей не ограничивать собственной борьбы рамками общих с мелкой буржуазией целей, а, напротив, систематически опережать и доводить до крайних пределов стремления мелкобуржуазных партий.

Уже в том самом Коммунистическом манифесте, на который ссылается Жорес, рабочему классу отнюдь не рекомендуется политическое слияние с буржуазными революционными партиями. Как раз наоборот. Выставляя принципиальное требование поддержки революционной буржуазии коммунистической партией, Манифест тотчас же, однако, прибавляет: «Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата» (стр. 65).

Но если Жорес хочет проверить свою тактику непосредственно при свете марксова учения, то он должен прежде всего принять во внимание указание, данное Марксом пролетариату после революции 1848 г., т. е. после генерального боя буржуазии против феодализма, то указание, которое первоначально было рассчитано на ожидавшееся продолжение революции, но с тех пор стало руководящей нитью поведения социал-демократии и в мирные времена. В первом обращении ЦК к Союзу коммунистов, написанном в 1850 г., Маркс рекомендует рабочим:

«Доводить до крайних пределов предложения демократов, которые во всяком случае будут выступать не революционно, а лишь как реформисты, и превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность... Требования рабочих,—говорит он в заключение после ряда конкретных примеров,—всюду должны будут сообразоваться с уступками и мероприятиями демократов» и в том именно смысле, что рабочие должны безусловно во всем итти дальше, чем мелкие буржуа[1].

Каково же, однако, поведение жоресистского крыла в его союзе с французским радикализмом? Мы видели, как приверженность к министериализму Мильерана принудила социалистов положить союз с радикализмом в основу всей своей тактики и, следовательно, все более сужать и отвергать революционную классовую борьбу.

Сперва отпали социалистическая критика правительства и политпросветительная работа в стране, и политическая борьба сосредоточилась в парламенте. Затем в самом парламенте оппозиция была прекращена. Голосование закона об амнистии показало, что правая социалистическая фракция отказалась от самостоятельной борьбы против правительства.

Но партия скатывается все ниже. В прениях по закону об ассоциациях друзья Жореса сделали еще один дальнейший шаг. Правительство отклонило подписанный всей социалистической фракцией законопроект, имевший целью обеспечить за рабочими право коалиций, после чего десять социалистических депутатов дошли до того, что в заседании 4 февраля голосовали против собственного законопроекта! Здесь мы видим, как социалисты из партии, призванной вести принципиальную классовую борьбу и возглавлять всю оппозицию в стране, превратились в беспринципную фракцию случайных парламентских комбинаций, в заводную куклу, движения которой определяются буржуазными партиями, в куклу «мамелюков», как их с уничтожающим презрением назвал в «Aurore» свежеиспеченный радикал Урбен Гойе. Таким образом, ссылка Жореса на Коммунистический манифест Маркса и Энгельса так же мало обоснована, как и его ссылка на опыт германской социал-демократии. Как в истории, так и в текущей практике нашей партии нигде нельзя найти какой-нибудь аналогии или обоснования для теории социалистического министериализма.

Конечно, германская, как и всякая другая социалистическая, партия развивалась и соответственно этому меняла свою тактику. Но господствующей тенденцией в ее историческом развитии было и остается постоянное расширение и усиление классовой борьбы, и никогда — отказ от этой борьбы. Поэтому защищаемая Жоресом тактика отнюдь не является развитием методов германской социал-демократии, а совершенно «новым методом», одинаково, как для германского, так и для французского рабочего движения.

*

Чтобы уяснить себе глубокую, внутреннюю противоположность между обоими направлениями французского социа-

[1] «Разоблачение о Кельнском процессе коммунистов», собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III, русск. изд. 1921 г., стр. 507.

лизма, необходимо учесть до конца те последствия, к которым приводит жоресистская тактика.

В последнее время, особенно после дрейфусовской аферы, и в нашу прессу проникло представление, будто корни братоубийственной распри во Франции заключаются в том, что представители революционного направления, старые партии Гэда и Вайяна, являются приверженцами чисто сектантского догматического фанатизма, бесплодной политики воздержания, глухой к практическим требованиям повседневной действительности, тогда как фракция Жореса олицетворяет живое развитие социалистической тактики, приспособление ко всей многогранности политической и социальной жизни и понимание непосредственных интересов рабочего класса.

Это представление основано на полном забвении фактических условий, в которых развивалось во Франции социалистическое движение. Именно старые организации, рабочая партия (так называемые гэдисты) и партия социалистов-революционеров (так называемые бланкисты) открыли все те пути практической борьбы, по которым движется социализм во Франции, и создали тактику, которая в самых существенных чертах совпадает с тактикой германской социал-демократии, несмотря на значительное расхождение во взглядах по одному важному вопросу, по вопросу об аграрной программе.

Рабочая партия первая превратила во Франции парламентскую деятельность, по выражению редактированной Марксом программы этой партии, «из орудия буржуазной эксплоатации в орудие пролетарского освобождения». И не только в целях агитпросветительной работы, а и в смысле борьбы за ближайшие практические реформы.

Мы нарочно берем парламентскую сессию 1889 — 1893 гг., т. е. за тот период, когда лучшие силы жоресистского крыла еще не принимали участия в социалистическом движении за время упомянутой сессии, представители французской рабочей партии внесли в палату депутатов и оставили следующие законопроекты: 1) полную программу охраны труда, как она была выработана на Международном социалистическом конгрессе в 1889 г.; 2) запрещение денежных штрафов на фабриках и пересмотр фабричного регламента местными комиссиями, организуемыми на паритетных началах; 3) подчинение всех рабочих касс взаимопомощи исключительно управлению рабочих; 4) воспрещение употребления военной силы во время рабочих конфликтов; 5) уголовное преследование предпринимателей за ограничение права коалиций; 6) реорганизация высшего рабочего совета, с введением половины членов по выборам через профсоюзы; 7) введение 8-часового рабочего дня, одинакового минимума заработной платы для рабочих и работниц и запрещение детского труда до

16-летнего возраста на государственных спичечных фабриках; 8) национализация угольных копей; 9) распространение охраны труда на магазины и кустарное производство и, наконец, избрание фабричных инспекторов рабочими. Мы видим здесь входящую в мельчайшие детали парламентскую работу по проведению реформ, точно соответствующую деятельности нашей социал-демократической фракции в Германии.

Ту же картину дает нам парламентская деятельность обеих названных партий и в текущую сессию. Идет ли речь об охране труда или налоге на напитки, о внешней политике или промысловых судах, о защите контрольных и бюджетных прав парламента или о защите республики против клерикализма, постоянно отборный отряд бланкистских депутатов с его союзниками из «Коммунистического союза» и французской рабочей партии — Бретон, Дежант, Груссье, Самба, Вайян, Зеваэс и пр. — борются в первом ряду.

Эти две партийные организации развернули во Франции точно так же и в коммунальных советах такую деятельность, которая может послужить образцом для социалистов всех других стран. Одна только французская рабочая партия, имея больше чем в 100 муниципалитетов большинство, а в нескольких сотнях муниципалитетов представленная сильным меньшинством, из года в год проделывает неутомимо мелкую положительную работу, распространяющуюся на самые разнообразные отрасли: на школьное дело, санитарию, призрение бедных, освещение, водоснабжение, даже на театр и искусство. И надо заметить, что эта работа относится не только к прошлому, но проводится и во все большем масштабе и по сей день...[1]

---

[1] Для примера мы ограничимся лишь сведениями, заимствованными из Bulletin Mensuel de la Fédération Nationale des Elus du Parti Ouvrier (Ежемесячный бюллетень национальной федерации выборных рабочей партии) от 1 ноября 1900 г.; в то время коммунальные советы рабочей партии вынесли следующие постановления: в Вье-Конде—бесплатную раздачу школьных пособий всем детям коммуны; в Армантьере—распределение среди рабочих 30 даровых билетов на каждый театральный спектакль; в Лилле—выдачу пособий в размере от 100 до 250 франков ряду профсоюзов в покрытие расходов по делегированию представителей на профсоюзные съезды, далее—пенсии престарелым коммунальным рабочим, начиная с 70 лет, в размере от 150 до 300 франков ежегодно; в Рубэ — соглашение с компанией трамваев, по которому рабочим и служащим этой компании обеспечиваются: 8-часовой рабочий день, минимум заработной платы в 4 франка, полное возмещение заработка за время военных сборов для запасных, больничная касса в ведении самого персонала, содержимая, сверх 1% вычета из сумм выплачиваемой заработной платы, на средства компании и гарантирующая больному рабочему полный двухмесячный заработок, пенсия на старость и постоянная согласительная комиссия на паритетных началах для разрешения трудовых конфликтов; в Геме—бесплатные похороны; в Иссудене—обязательное содержание пожарных команд страховыми учреждениями; наконец, в Сен-Пурсене—бесплатную коммунальную прачечную.

Наконец, и в области профсоюзной борьбы партии Гэда — Лафарга и Вайяна имеют также крупные заслуги. Французская рабочая партия уже в 1882 г. признала необходимость и важность профсоюзной организации, а в 1890 г. рекомендовала всем своим членам вступить в соответствующие профсоюзы, — в полном согласии со стремлениями наших немецких профсоюзов. В 1895 г. партия решает внести законопроект об обязательной принадлежности всех уже занятых рабочих во всех отраслях труда к профсоюзам. Благодаря ее неутомимой агитации возникают следующие профсоюзы: национальная федерация текстильщиков, моряков, кожевников, несколько местных горняцких профсоюзов и т. д. Партия руководит всеми крупными стачечными движениями: в Руане в 1882 г., в Деказвиле в 1885 г., в Калэ в 1890 г., в Кармо в 1892 и 1895 гг.; в настоящий момент — в Шалоне и Монсо-ле-Мин. Наконец, в то время как Жорес и его друзья всеми средствами поддерживают символ веры французских профсоюзников — идею всеобщей забастовки, рабочая партия старается путем систематической борьбы против этой идеи поставить профсоюзную борьбу на реальную почву[1]. И в то время как фракция Жореса хочет по политическим соображениям включить профсоюзы целиком в социалистическую партию, Гэд и Вайян, в интересах свободного развития профсоюзов, поддерживают их организационную самостоятельность по отношению к политической партии.

После всего сказанного ясно, что суть спора между так называемыми «антиминистериалистской» и «министериалистской» фракциями французского социализма заключается не в предпочтении практической работы или «революционной фразы». Если приверженцы Мильерана обвиняют своих противников в пренебрежении к практической работе по проведению реформ, то лишь потому, что для них практическая работа тождественна безусловному одобрению всего того, что делает современное правительство.

Кто выступает против закона Мильерана — Кояра, осуждающего детей на одинаково продолжительный труд со взрослыми, тот — против охраны труда! Кто обличает половинчатость и несостоятельность правительственного проекта о конгрегациях, тот способствует торжеству клерикальной реакции! Кто разоблачает перед лицом страны «республиканские» жалкие потуги кабинета Вальдека-Руссо, тот — против защиты республики!

Эти утверждения аналогичны пресловутому лозунгу реакционеров германского рейхстага, будто германская социал-демократия является противницей социальных реформ, так

[1] Речь идет об анархистской идее всеобщей забастовки.

как она в свое время отклонила бисмарковское страхование рабочих.

Фактически уже в французском партийном споре вопрос заключается не в практической работе, а в способах ее проведения, в «двух методах» практической работы, противоположность которых во всей своей остроте может быть уяснена лишь на почве особых политических условий Франции. Между тем как в монархически управляемых странах, как, например, в Германии, республика является требованием исключительно социалистического рабочего класса и поэтому теснейшим образом связана с социализмом, во Франции она была, наоборот, той конкретной формой буржуазного классового господства, против которой социализм с самого начала должен был направить свою критику и оппозицию. Лишь в меру того как социалистам удавалось разрушить иллюзию о республиканской форме правления и выявить ее социальное содержание, они могли оторвать рабочий класс от буржуазного лагеря и организовать его в особую классовую партию. Существование социализма было заранее связано с неустанной борьбой против буржуазного республиканизма. И непреходящей исторической заслугой старых партий, гэдистов и бланкистов (отчасти так называемых аллеманистов, хотя они и действовали иным путем, а именно — крайним отрицанием политической борьбы), было то, что они осуществили раскол между рабочим классом и буржуазными республиканцами.

А объективная тенденция жоресистской тактики заключается в том, чтобы вновь совершенно засыпать тот ров между пролетариатом и республиканской мелкой буржуазией, над углублением которого вот уже скоро двадцать пять лет неутомимо работают Гэд, Лафарг, Вайян и их друзья. Если же эта тенденция не находит себе полного выражения в линии поведения парламентской фракции, то это объясняется тем, что на ряду с приверженцами Жореса, тактику парламентской группы определяют и решительные его противники, Вайян, Зеваэс и другие товарищи, которые в значительной степени парализуют влияние директив Жореса.

Правда, группа Жореса ведет и социалистическую пропаганду и твердо убеждена, что может своими «новыми методами» оказать социализму огромные услуги. И даже сам Жорес в докладе, прочитанном в Париже 10 февраля 1900 г., выразил свое согласие со всеми существенными пунктами теории, со взглядами научного социализма. Но сущность партии определяется не тем, что она о себе говорит и думает, а ее делами. Несмотря на самые искренние социалистические убеждения и величайшую преданность делу пролетариата, решающий момент деятельности жоресистского

крыла, его политическая тактика ведет прямым путем к тому, чтобы опять растворить рабочий класс в республиканском лагере буржуазии, т. е. опять свести на-нет все дело социализма за последнюю четверть века.

Именно эти опасения вернуться к роли придатка буржуазных партий и привели старые социалистические организации к тому, что, стремясь охранять высшие интересы социализма за счет повседневных политических интересов, они иногда заходили слишком далеко и во время кризисов республики провозглашали лозунг воздержания рабочего класса. Несомненно, приходится бесконечно сожалеть, что во время дрейфусовского кризиса французская рабочая партия и партия социалистов-революционеров держались в стороне, вместо того чтобы, наоборот, стать во главе движения и тем самым определить его направление.

Но совершенно неверно объяснять такую позицию равнодушием к политическим формам. Уже в 1889 г. гэдисты и бланкисты заявляли совершенно категорически в своем манифесте по поводу буланжистского кризиса: «Республика есть политическая форма, необходимая для освобождения пролетариата. Она должна быть сохранена любой ценой».

И в настоящее время обе партии поддерживают в парламенте министерство «обороны республики», как меньшее из зол, несмотря на всю его никудышность.

Суть дела заключается не в вопросе о том, защищать ли республику или нет, а в вопросе, должен ли быть рабочий класс самостоятельной политической партией в противоположность всем буржуазным классам, или же только пассивной частью республиканской фракции буржуазии.

И если два года тому назад Каутский сказал, что Жорес своей дрейфусовской кампанией спас честь французского социализма, то в настоящий момент нужно сказать, что Гэд и Вайян своим непреклонным противоборством социалистическому министериализму спасают не только честь социализма, но и нечто большее — самый социализм.

*

Со времени последнего международного конгресса в Париже условия для французского социализма совершенно изменились, что в других странах прошло незамеченным, и все значение этого сдвига не было надлежащим образом учтено.

Живые международные симпатии, которыми пользовалась фракция Жореса во время этого конгресса, объясняются двумя моментами: ее энергичной кампанией в деле Дрейфуса и сильным выступлением в пользу социалистического единства.

Но с того времени сотрудничество социалистов с буржуазными элементами в дрейфусовском кризисе выродилось, благодаря министерской деятельности Мильерана, в слепое подчинение правительству и радикальной партии. Тем самым Жорес и его приверженцы потеряли ту руководящую роль в политической борьбе пролетариата, которую они было завоевали во время дела Дрейфуса, и эта руководящая роль вернулась в руки старых партийных организаций, которые в настоящее время, как и встарь, являются ведущим авангардом в политике страны.

Точно так же, благодаря перемене фронта жоресистского крыла по отношению к министериализму Мильерана, этот министериализм стал роковым для социалистического единства. Если во время дрейфусовского кризиса поступок Мильерана мог еще найти себе слабое оправдание, ввиду исключительной ситуации, когда не только участникам событий во Франции, но и сторонним наблюдателям за границей казалось, что республика находится при последнем издыхании, то после провала оборонительной миссии кабинета всякие смягчающие обстоятельства для сделанного Мильераном шага исчезли. Но перестав рассматривать участие социалистов в правительстве, как исключительную меру, и объявив в своих речах в Лилле и Бурже социалистический министериализм в качестве «нового метода» нормальным боевым средством рабочего движения, в полную противоположность как признанной и им резолюции первого французского объединительного конгресса (1899 г.), так и резолюции Каутского на Парижском международном конгрессе, Жорес поставил деятельность своей группы на такую почву, на которой объединение с другими социалистическими группами становится чрезвычайно трудным. Таким образом, продолжая в настоящее время держаться тактики, борьба с которой составляет не только право, но и обязанность его социалистических противников, именно Жорес, этот неутомимый застрельщик идеи единства, и подрывает собственное свое дело и становится фактором разъединения.

Как мы видим, со времени международного конгресса положение вещей повернулось на целых 180 градусов, и это обстоятельство вызывает необходимость основательного пересмотра взглядов социалистического мира на партийные отношения во Франции.

В особенности это относится к нам, в Германии. По моему мнению, мы не имеем никакого основания выступать против партии за границей, которая по всем существующим пунктам стоит на одинаковой почве с нами, и возвеличивать там направление, со слабыми ростками которого в нашей практике партия всегда боролась.

В тактике Жореса мы, действительно, вновь находим все основы социалистического оппортунизма, с которыми мы познакомились и в Германии. Теория возрождения мелкобуржуазного радикализма во Франции есть лишь политическое отражение теории несокрушимости мелкой промышленности. Сведение социалистической политики к совместной акции с буржуазным республиканизмом есть практическое преодоление «легенды о пожирании». Устранение всякой критики по отношению к «республиканскому» правительству в ожидании плодотворных результатов его деятельности есть осуществление принципа: «дорогу благим пожеланиям». Беспринципная политика «со дня на день», приспособляющаяся единственно лишь к случайным парламентским комбинациям,— это воплощенная политика «от случая к случаю». И социалистический министр, занимающийся хлебными спекуляциями,— это высшее торжество «практической политики» над серой «теорией».

Вполне понятно поэтому, что министериализм Мильерана и связанная с ним тактика во Франции снискали себе живейшие симпатии приверженцев оппортунизма как у нас, так и в других странах. Но по той же причине дело Мильерана приобретает величайшее международное и историческое значение для социалистического движения.

Мы переживаем сейчас во Франции чрезвычайно яркий опыт применения оппортунистической тактики социализма, для которой в других местах отсутствуют всякие предпосылки. В Германии как по причине политических условий страны, так и органического единства и теоретической выдержанности социал-демократии представляется невероятным, чтобы приверженцам этой тактики удалось осуществить свои тенденции и преобразовать рабочее движение на свой лад, в соответствии с своими теориями. Им не остается ничего другого, как культивировать фразу о «практической работе», не приобретая сколько-нибудь заметного влияния на эту работу.

Во Франции мы видим в настоящее время оппортунизм за работой. Благодаря исключительному совпадению специфических моментов в развитии рабочего движения и буржуазного общества, он внезапно стал силой. Фраза о «практической работе» задает тон, карточный король превратился вдруг в настоящего. Он держит в руке дирижерскую палочку и может показать, на что способен.

И он это показал.

Наполовину он себя уже скомпрометировал и скоро оскандалится до конца. Для всей международной социал-демократии достаточно будет опыта с министерством Вальдека — Мильерана, чтобы потерять всякую охоту к оппортунистическим экспериментам. Мы желаем ему поэтому долго жить!

К ФРАНЦУЗСКОМУ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМУ КОНГРЕССУ [1]

26 мая открывается в Лионе III объединительный конгресс французских социалистов. По всей вероятности, по этому поводу вновь зазвучат фанфары мира и полетят адресованные нашим французским братьям настойчивые увещания и добрые советы, подобные тем, которыми их щедро наделяли на международном конгрессе в Париже. Но и на этот раз это будет напрасным трудом. Предстоящий III объединительный конгресс, в отличие от двух первых, откроется при наличии всеобщей уверенности в его неминуемом фиаско. В конгрессе не принимает участия крупнейшая социалистическая организация Франции — французская рабочая партия (гэдисты); то же относится и к федерации Соны и Луары, охватывающей северный угольный бассейн. Другая старая организация — социалистически-революционная партия (бланкисты), хотя и примет участие в лионских совещаниях, будучи верна своей миссии посредника и поборника мира, однако, и она не питает иллюзий на счет мыслимых результатов конгресса. И даже старый вождь поссибилистов и теперешний сторонник Мильерана, Брусс, заявляет, что предстоящая попытка объединения в данной обстановке заранее обречена на неудачу и безнадежна. Сообразно этому, наша задача состоит не в том, чтобы питать беспочвенные иллюзии, увещевать или сожалеть, а в том, чтобы выяснить внутреннее соотношение сил во французском социализме и на основании его понять безнадежность объединительного конгресса.

Проще всего, конечно, свалить всю вину на злодея — французскую рабочую партию, упорно поворачивающуюся спиной к Лионскому конгрессу, объяснить затем крушение объединительной попытки старым «духом сектантства» и «личным соперничеством» честолюбивых партийных вождей.

Такое понимание вопроса находит себе, повидимому, подтверждение в том, что оба объединительных проекта, из которых один выработан социалистическим генеральным комитетом, другой — гэдистами и бланкистами совместно с коммунистическим альянсом, отличаются друг от друга лишь во второстепенных вопросах. Таковы: принятие или непринятие профсоюзов в политическую партию, способ выдачи членских билетов отдельным социалистам непосредственно центральным комитетом или же через посредство старых партийных организаций, наконец, способы составления центрального комитета объединенной партии. Как бы ни были важны сами по себе эти вопросы, особенно первый,

[1] Neue Zeit, 1900/01, т. II.

все же ясно, что они не могут служить основанием для раскола в рядах социалистов. Если бы в основе современного раскола французских социалистов не лежало ничего другого, кроме разногласий организационного свойства, то перспектива крушения Лионского конгресса не имела бы себе объяснения. На самом деле здесь есть нечто большее, чем разногласия организационного характера.

I

Как ни мало сулил исход последнего французского конгресса в Париже, в октябре 1900 г., все же обстоятельства после него складывались довольно благоприятно для дела объединения. С одной стороны, объединенная группа Вайяна, участвовавшая в конгрессе до конца и решившая приступить к подготовке окончательного объединения, вскоре объединилась с покинувшей конгресс французской рабочей партией, равным образом для выработки общего плана объединения. Таким образом, была восстановлена связь между старейшей социал-демократической партией Франции и прочими социалистическими группами. С другой стороны, независимые социалисты как будто принялись строить свою политическую тактику по образцу старых партий, на почве социалистической оппозиции. При открытии сессии палаты в ноябре 1900 г. Вайян от имени левого, а Вивиани от имени правого крыла фракции выступили почти с идентичной декларацией, согласно которой оба, независимо от всех побочных соображений, во главу угла своего отношения к правительству намерены были поставить исключительно интересы социализма.

Для сторонников Мильерана предстоявшая парламентская сессия должна была иметь решающее значение. Здесь должно было выясниться, совместима ли самостоятельная тактика социалистов в парламенте с согласием на участие социалистов в министерстве, совместимы ли оппозиционное поведение социалистов и их альянс с республиканской буржуазией.

Но логика фактов оказалась сильнее торжественных обещаний и благих намерений группы Жореса. Уже на первом опыте, при обсуждении закона об амнистии, обнаружилась несостоятельность декларации Вивиани: вопреки признанию необходимости ликвидации дела Дрейфуса, независимые социалисты голосовали за замятие дела. Уже здесь обнаружилось, что оглядка на кабинет лишает сторонников Мильерана возможности проводить оппозиционную политику. Начавшееся с закона об амнистии политическое банкротство радикального министерства с железной логикой прошло через всю сессию, найдя свое завершение в законе об ассоциациях. И параллельно с этим в краткий период между декабрем

1900 г. и мартом 1901 г. с головокружительной быстротой развернулись все внутренние следствия участия Мильерана в министерстве для парламентской тактики его сторонников.

Обсуждение закона о конгрегациях было рядом неуклонных поражений и капитуляций «правительства республиканской обороны». Заранее обреченный на роль мертворожденного плода, направленный одновременно против духовенства и социалистического пролетариата, закон этот, в процессе происходивших в палате дебатов, бешеными скачками летел кувырком вниз, пока из него шаг за шагом не были вытравлены все следы радикальной реформы и в противоположность ей не развился реакционный зародыш. Сначала правительство отказалось от своего проекта передать имущество орденов рабочим пенсионным кассам, затем оно вообще отказалось от права претендовать от имени государственного казначейства на имущество распускаемых орденов, потом оно признало за «юридическими лицами» право в течение 30 лет затребовать обратно освободившееся имущество орденов. Одновременно с этим в закон было внесено постановление, согласно которому декретным порядком может быть распущена в любое время любая политическая или профсоюзная рабочая организация, носящая международный характер. И, наконец, весь поход против духовенства сведен был к воспрещению вести обучение незарегистрированным орденам.

Закон об ассоциациях был решающим испытанием как для правительства «республиканской обороны», так и для теории Жореса о возможностях социалистически-радикального правительства; для обоих это испытание имело уничтожающий смысл. «Республиканское большинство» оказалось оплотом не республики против реакции, а капиталистов против пролетариата. Радикально-социалистическое правительство оказалось послушным слугой капиталистического большинства, а министры-социалисты — игрушкой «республиканского альянса».

Теперь уже отпала возможность каких бы то ни было иллюзий. При принятии закона об амнистии говорилось, что капитуляция необходима для «успокоения умов», для ослабления еще находившегося в стадии брожения республиканского кризиса; и закон об ассоциациях обсуждался в скучнейшей тишине республиканских будней. Замятие дела Дрейфуса служило лишь прологом, подготовительным аксессуаром, а выступление против духовенства, наоборот,—настоящим делом, завершившим круг «обороны республики» и открывшим эру нормального парламентского крохоборства. На этот раз уже не могли скрасить поведение парламентского большинства и правительства никакие утешительные слова и ссылки на предстоящие в дальнейшем великие

задачи. Законом об ассоциациях завершались акты «обороны республики», и в последнем счете налицо были: измена радикального правительства своим республиканским задачам, измена республиканской буржуазии ее союзникам-социалистам и — измена министерских социалистов социализму.

При обсуждении закона об амнистии обе социалистические фракции, исходя из противоположных точек зрения, сошлись на общей позиции. Правое крыло приняло амнистию вопреки своему поведению в деле Дрейфуса, левое—согласно своему поведению в нем. Группа Жореса именно тогда и изменила решительным образом своим собственным убеждениям.

Иная обстановка создалась при обсуждении закона об ассоциациях. Не связанные в своей тактике никакими внешними путями, Вайян, Зеваэс и их друзья сразу же вступили на единственный допустимый для социалистов путь: путь борьбы за сохранение и усиление всех антиклерикальных и за ослабление и устранение всех антисоциалистических параграфов обоюдоострого закона. Как раз противоположным путем пошли Вивиани и его товарищи. Поддерживая правительство рука об-руку с республиканским большинством, они шаг за шагом разили в спину своих сотоварищей по фракции.

Вайян и Груссье с товарищами изо всех сил боролись против пресловутого § 12 закона, направленного против международных рабочих связей, в то время как 21 социалистический депутат правого крыла голосовал за этот параграф вместе с такими реакционерами, как Мотт, Бодри д'Ассон, Мелин, граф де Мен. Вайян и Зеваэс внесли в духе речи Вивиани проект, согласно которому все духовные ордена подлежали роспуску и запрету, Вивиани же с 22 товарищами отверг это предложение вместе с клерикалами и монархистами. Груссье внес подписанное всеми социалистическими депутатами предложение, касающееся расширения рабочего права коалиций,—10 депутатов-социалистов правого крыла голосовали против своего собственного предложения.

То же повторялось в каждом отдельном случае при обсуждении закона об ассоциациях.

При интерпелляции по поводу провокации правительства во время стачки углекопов в Монсо, Дежант с товарищами внесли предложение об удалении войска из района стачки и о передаче остановившихся угольных копей в руки правительства; 20 депутатов-социалистов отказались поддержать это предложение. Больше того: в том же заседании 21 социалист заодно с представителями капиталистической реакции вотировали полное доверие правительству в деле стачки. И, наконец, в то время как группа Вайян — Зеваэс сомкнутым фронтом голосовала против бюджета, 8 депутатов другой

группы воздержались от голосования, а 4 голосовали за бюджет вместе с его расходами на церковный культ, колонии, армию и флот.

Таким образом, борьба Вайяна и товарищей против реакции превратилась в борьбу двух крыльев социалистической группы в палате депутатов, и каждое новое обсуждение только расширяло пропасть между обоими. Вступив в парламентскую сессию объединенными в союз, они вышли из нее двумя враждебными лагерями.

Прения в парламенте вскрыли, усилили и выявили, но не создали противоречия между двумя течениями французского социализма. Противоположность парламентской тактики есть лишь частичное проявление глубже лежащего противоречия в понимании социалистической борьбы в целом.

За противоположным поведением при голосовании бюджета кроется в корне различный взгляд на буржуазное правительство: для французских социалистов старой школы это — лишь комитет по управлению делами буржуазии, которому надлежит отказывать в каких бы то ни было средствах существования; для сторонников нового метода это — орган, действующий в интересах всех классов, представленных в министерстве и поддерживающих его.

В основе различного поведения в отношении «республиканского большинства» палаты лежит различный взгляд на буржуазные партии: эти последние в глазах Гэда, Вайяна и их товарищей составляют, независимо от нюансов, враждебный лагерь, у которого можно вырывать уступки лишь энергичной борьбой; для группы же Жореса — Вивиани отдельные фракции буржуазии представляются естественными союзниками пролетариата в его поступательном движении к социализму, а сохранение этого союза — целью, для достижения которой и полный отказ от независимой пролетарской политики не слишком дорогая цена.

Для одних социализм — результат завоевания политической власти пролетариатом и полного социального преобразования общества, для других — результат незаметных сдвигов в недрах капиталистического хозяйства и буржуазного министерства.

Поэтому понятно, как мало считается Жорес с фактами, заявляя, что спорным пунктом между двумя социалистическими лагерями является, собственно говоря, вопрос об участии в министерстве, который-де можно разрешить весьма просто, поставив участие социалистов в министерстве в будущем в зависимость от мнения двух третей партии. Конечно, случай Мильерана является источником сегодняшних разногласий. Если бы Жорес и его друзья — еще в самом начале кризиса, когда единственным спорным пунктом было дальнейшее пребывание Мильерана в министерстве,— реши-

тельно и открыто отказались от него, то положение было бы еще спасено, и объединение было бы возможно. Но теперь, после того как Жорес, цепляясь за участие Мильерана в министерстве, дошел до полной ревизии социалистического воззрения и создал совершенно «новый метод» социализма, воплотившийся в парламентскую деятельность его друзей, спор уже нельзя ликвидировать формальным разрешением вопроса об участии в министерстве. Теперь вопрос уже не сводится к тому, останется или нет Мильеран в кабинете, а ко всей сумме политических и экономических, принципиальных и тактических вопросов, составляющих сущность борьбы за социализм. Теперь мы имеем дело уже с двумя взаимно противоположными мировоззрениями, между которыми парламентская борьба создала полный разрыв.

Если Жорес, со свойственной ему смелостью мысли и силой убеждения сделавший логические выводы из первого ошибочного шага своей группы, ныне удивленно стоит перед невозможностью объединения, для пропаганды коего им во Франции сделано больше, чем кем бы то ни было, то он должен себе сказать: «Ты сам этого захотел, Жорж Данден!» («Tu l'as voulu. Georges Dandin!»)

II

Судьбы социалистического единства, представляющего собой наиважнейшую проблему социализма, естественно связаны с процессом внутреннего развития рабочего движения.

Как только была признана необходимость политической борьбы, эта последняя, как основа социализма, стала предпосылкой единства социалистов и стеной, отделяющей социал-демократов от анархистов. Маркс, в течение семи лет изо всех сил старавшийся удержать воедино в старом Интернационале пестрые социалистические элементы, в конце концов сам провел раскол с бакунистами, показав этим, что общности конечной социалистической цели недостаточно для единства социалистов; необходимо еще одинаковое понимание борьбы за эту конечную цель.

Той же линии держится до сих пор и международная социал-демократия, отклонившая на последних конгрессах (Париж, Цюрих, Брюссель, Лондон) объединение с социалистами-анархистами.

Все же, по мере того как в каждой стране разворачивалась политическая борьба пролетариата, вырастая в объеме, глубине и многообразии форм, вставали и новые проблемы. Основным вопросом и осью рабочего движения, вокруг которой группировались социалистические силы, становилось

уже не признание политической борьбы вообще, но то или иное конкретное понимание этой борьбы.

Если в Германии объединение эйзенахцев с лассалеанцами могло быть достигнуто вскоре после их раскола, вопреки ожесточенной фракционной борьбе, то это объясняется в первую очередь тем, что Бебель и Либкнехт в принципиальном отношении стояли уже тогда на той же почве, что и Всеобщий германский рабочий союз. Если бы лассалеанцы, подобно современным сторонникам Жореса, выступали вместе с консерваторами и национал-либералами против эйзенахцев, то об объединении не могло бы быть и речи.

Достаточно было одной видимости «придворного правительственного социализма», одного намека на сношения с правительством, чтобы на многие годы сделать невозможным и отсрочить дело объединения в Германии. Во Франции же «придворный правительственный социализм» уже воплотился в современную практику.

Жорес совершенно прав, ссылаясь на то, что германская социал-демократия дает в своих рамках простор весьма различным взглядам, как это выяснилось при недавних спорах по вопросу о конечных целях и движении. Он забывает лишь, что разделяющие моменты до сих пор не шли дальше страниц печати и литературных произведений, но нигде не воплотились в практику партии. Крупная и серьезная партия не раскалывается из-за газетных статей, не раскалывается и из-за отдельных политических отклонений. Но когда измена социалистическим принципам входит в систему, в обычную практику части партии, тогда партии приходится сказать, как сказал Маркс 30 лет тому назад в Интернационале: «Открытая война лучше гнилого мира».

На самом деле, к какому результату привело бы ныне объединение всех социалистов во Франции? Отвлечемся от принципиального различия взглядов, которое на практике создало бы организацию, которая не могла бы ни жить, ни умереть. С отклонившимся в сторону течением соглашение более или менее возможно, когда течение это представляет собою нечто определенное, строго ограниченное, имеющее ясную форму. Но объединение с право-социалистическим французским крылом было бы теперь брачным слиянием с хаосом.

Как бы законченно и симметрично ни рисовался «новый метод» социалистов в увлекательном, пересыпанном поэтическими блестками, изложении Жореса, в практике его друзей он безнадежно рассыпается. В поведении право-социалистического крыла фракции с ее блужданием вдоль и поперек не сыщешь ни единого политического правила, кроме удержания Мильерана в министерстве. Позиция в каждом отдельном вопросе вытекает не из социалистической оценки

вопроса, но из соображений дальнейших политических комбинаций. Сначала отказываются от низложения взбунтовавшегося высшего командного состава и соглашаются на амнистию в деле Дрейфуса, чтобы только сделать возможным в дальнейшем низложение клерикалов. Когда закон об ассоциациях оказывается шарлатанством, то отказываются от борьбы с духовенством ради обещанной пенсии престарелым. Когда пенсионные кассы вместе с антиклерикальными мероприятиями рассеиваются, как туман, то за закон продолжают голосовать, чтобы только не разрушить республиканское большинство. Когда же республиканское большинство обманывает все ожидания, то под его ярмо сгибаются, чтобы только удержать министерство у власти.

Так точно обстоит дело с мотивировкой каждого голосования в палате. Против социалистической поправки Груссье, касающейся обеспечения права коалиций, голосуют на том основании, что его поддерживают реакционные партии из макиавелистских соображений. А против социалистического предложения Зеваэса, касающегося роспуска всех духовных орденов, тоже голосуют, хотя на этот раз вся реакция восстает против него. Предложение Зеваэса при обсуждении его во фракции сначала принимается правым крылом, затем защита его на втором фракционном заседании предоставляется только группе Вальяна — Зеваэса, на третьем фракционном заседании его вторично принимает правое крыло, на четвертом заседании опять предоставляют его защиту группе Вайяна — Зеваэса и, наконец, в заседании палаты правое крыло сомкнутым фронтом голосует вместе с мелинистами, клерикалами и монархистами п р о т и в предложения.

Это — настоящее банкротство, политика крохоборства, от случая к случаю, построенная исключительно на парламентских комбинациях данного момента, на погоне за политическим успехом, в которой поочередно приносится в жертву одно за другим, а в конечном счете не остается ничего, кроме похмелья, губительного продвижения по пути отречений, где нет никакой остановки, совершенно беспринципного качания вправо и влево, твердой точкой для которого являются только фалды «министра-социалиста».

При слиянии с этим разложившимся социализмом при данных обстоятельствах старые социал-демократические организации не имели бы ни малейшей возможности отстоять в объединенной партии социалистические принципы. Прежде всего сторонники Жореса составляют большинство. Само собой разумеется, беспринципность и отсутствие дисциплины гораздо легче объединяют вокруг себя большие толпы, чем крепкая организация и ярко выраженная программа. Верх взяли бы в объединенной партии неорганизованные, все эти Иваны, не помнящие родства.

Но допустим, что представителям принципиально социалистической тактики удалось бы провести ряд императивных решений, касающихся тактики: глубоко укореняющихся противоречий не устранить, однако, никакими резолюциями. И на этот счет у нас имеется достаточный опыт. Принятая первым объединительным конгрессом 1899 г. резолюция Делессаля, передавшая на обсуждение партии вопрос об участии социалиста в министерстве, как о чрезвычайной мере, не мешало сторонникам Мильерана цепляться за участие в министерстве потом, как и раньше. А решение международного конгресса, определенно заявившего, что участие социалистов в министерстве допустимо лишь в исключительных случаях, не помешало Жоресу и его друзьям спокойно пропагандировать участие социалистов в правительстве в качестве н о р м а л ь н о г о метода социалистической борьбы.

При таких обстоятельствах объединяться со сторонниками министерского социализма значило бы принимать на себя ответственность за их политику и одновременно обезоружить себя в борьбе с ними. Другими словами, это значило бы: поставить на карту во Франции судьбы социализма и республики.

Школа Жореса выдвинула на место принципиальной социалистической политики — политику осязательных результатов, а на место независимого классового выступления пролетариата — деятельность социалистических министров от имени последнего. Достаточно было пяти лет беспрепятственного распространения этого учения под эгидой официально объединенной социалистической партии, и социализм во Франции оказался разрушен. А практические результаты? Этих последних рабочие могут ожидать скорее от буржуазных партий, чем от «рабочих представителей», которые отличаются от буржуазных политиков только тем, что они при этом болтают еще о социализме. Министерские социальные реформы? Но любой претендент на престол, любой авантюрист может обещать более обильные социальные реформы «сверху», чем жалкий республиканский министр. Пять лет экспериментов в этой области, и французский пролетариат оказался деморализованным до мозга костей, стал орудием в руках буржуазных карьеристов, социал-реформаторов и людей, спекулирующих на цезаризме.

Жорес, неутомимый защитник республики, подготовляющий почву для цезаризма,— это звучит как скверная шутка. Но подобные шутки повседневно попадаются в истории. Такова уж постоянная участь буржуазных политиков: хватать рукой кончик катедер-социалистического профессорского ночного колпака, когда они мнят рукой схватить Сириус, и готовить жатву чорту, сея для господа бога. Только социализм дает метод, как сознательно группировать при-

чины и следствия и вести историю к желательным для него целям, не давая ей вести себя за нос. Кто же отрекается от принципов социализма, тот, как он ни воображай, что служит социализму, становится из мастера орудием и оказывается в положении дурака как раз в тот момент, когда думает, что одурачил историю.

III

В то время как французский социализм теперь стоит как будто дальше, чем когда бы то ни было, от осуществления единства, в действительности в недрах раскола пробивается зародыш прочного единства. Это — объединение старых социалистических организаций и их союзников: французской рабочей партии, социалистической революционной партии и коммунистического альянса.

Благодаря кризису последних лет и пред лицом «нового метода», старые партии, десятилетиями занимавшиеся партизанской войной или, в лучшем случае, стоявшие далеко, как чужие, друг от друга, вновь открыли общность своих принципов и своей тактики и с тех пор действуют во всех важнейших вопросах в полной гармонии друг с другом, выступая как единое целое. Конечно, одним махом бесследно не сгладить и не заменить полным слиянием исторически создавшегося раскола — хотя бы и среди ныне одинаково мыслящих. Но старые партии уже вступили на этот путь и продвигаются все дальше и дальше в направлении к этой цели. Сама необходимость оказывать сопротивление сторонникам правительственного социализма приводит партии Гэда — Лафарга и Вайяна с их приверженцами к созданию общего центрального исполнительного комитета и осуществлению выработанного сообща объединительного проекта. Объединившись на почве общего принципиального понимания вопросов, старые социалистические силы станут притягательным центром для всех новых истинно социалистических элементов и центром подлинного социалистического единства.

Чтобы ц е л и к о м и п о л н о с т ь ю осуществить во Франции таковое, как это намеревался уже сделать Жорес, нехватает еще одного: безвозвратного крушения учения о министерском социализме. Правительство и буржуазные партии, с своей стороны, делают для этого все от них зависящее. Жалкий финал «обороны республики» в связи с законом об ассоциациях, фиаско мильерановской социальной реформы, произведшей на свет закон о принудительной стачке, который выбрасывается за борт даже его собственными сторонниками, зверства солдат на майском торжестве в Гренобле, причем убитым оказался один социалист, ползание на брюхе социалистически-радикального кабинета в Петербурге перед казацким самодержцем — все это удары, которые могут вдолбить революцию даже самому ярому государственному социалисту. Будем надеяться, что кабинет Вальдека — Мильерана не будет слишком рано опущен в могилу рядом с другими трупами на министерском кладбище, и успеет продырявить «новый метод», подобно решету, и, таким образом, подготовить окончательно, в полном объеме, объединение социалистов во Франции.

ПОСЛЕ КОНГРЕССА [1]

Французский объединительный конгресс в Лионе закончился, как мы предвидели, расколом. Ни для кого, внимательно следившего за тем, как складывались события в последнее время во французском движении, не было тайной, что принципиальное разногласие в понимании социалистической борьбы ставило под большое сомнение успех попытки объединения. В качестве благоприятного обстоятельства надо приветствовать, что раскол на этот раз, в отличие от происшедшего на прошлогоднем съезде в Ваграмском зале, произошел на такой почве, что даже во внешних формах выявился его внутренний х а р а к т е р и с у щ е с т в о.

Соглашаясь посетить Лион, социалистически-революционная партия (так называемые бланкисты) сделала формальное заявление, что она отнюдь не намерена предлагать конгрессу исключить Мильерана из партии или требовать от него отказа от портфеля. Больше того, Вайян писал 17 мая в Petit Sou: «Конгресс созывается только для обсуждения вопроса об организации и конституировании партии и должен ограничиться этим порядком дня».

Таким образом ясно, что бланкисты, с своей стороны, ни малейшим образом не искали «предлога раскола», в чем упрекал их впоследствии Жорес. Ясно, что они отправлялись в Лион без какого бы то ни было намерения использовать там вопрос Мильерана в тесном смысле этого слова, а скорее с исключительным и искренним желанием, хотя и слабой надеждой, попытаться притти к соглашению на почве общих вопросов организационного и тактического характера. Об этом же свидетельствует официальное заявление Готье от имени социалистически-революционной партии в первый день заседания Лионского конгресса. Необходимо подчеркнуть, что целый ряд делегатов из собственного лагеря Жореса в самом начале конгресса внес резолюцию по вопросу о Мильеране, поставив этим самым в одинаковой мере как левую, так и правую часть конгресса перед Рубиконом. Раз

[1] Neue Zeit, 1900/01, т. II.

уже министерский вопрос был поставлен, хотя и без их содействия, Вайяну и его товарищам пришлось, само собой разумеется, отстаивать свою позицию и сделать вывод из голосования большинства конгресса.

Надо отдать должное резолюции, внесенной де-ла-Портом, Лагарделем, Брианом и товарищами от имени многих федераций; она была составлена чрезвычайно искусно. Она гласила:

«Принимая во внимание, что самая существенная задача конгресса состоит в том, чтобы устранить препятствия, мешающие в настоящее время объединению революционных сил во Франции; что участие в министерстве депутата, когда-то принадлежавшего к социалистической фракции палаты, создает двойственное положение, благоприятствующее внутрипартийным распрям; что вопрос об участии в правительстве, правда, был разрешен для прошлого и будущего, но не был разрешен для настоящего—конгресс заявляет раз навсегда, *что Мильеран, поставивший себя вне партии, вступив под свою личную ответственность и по своей инициативе в министерство,* ни в коем случае не обязывает своими действиями социалистов, представителем которых он не является. Далее конгресс заявляет, что поведение партии в отношении нынешнего министерства должно быть таково, как в отношении любого буржуазного министерства».

Здесь, с одной стороны, не содержится требования о сложении Мильераном своих министерских полномочий, с другой стороны, нет и формального исключения из партии. Это простая формулировка того факта, что Мильеран *сам себя*, путем вступления в министерство, поставил вне партии. Не подвергая лично Мильерана резким нападкам, не осуждая его и не карая, что вызвало бы ни к чему не ведущие прения и осложнения, резолюция снимает с партии ответственность за способ действий Мильерана.

С другой стороны, она ограничивается исключительно случаем с Мильераном, не вынося принципиального решения общего характера о воспрещении социалистам участвовать в правительстве, закрывая таким образом возможность сторонникам Жореса окопаться за резолюцией Каутского и выдвинуть для защиты своей партии общие принципиальные соображения. Вместе с тем вопрос об участии в министерстве в данном случае разрешается совершенно определенно, поскольку социалист, вступивший в правительство, ео ipso объявляется вышедшим из партии. Другими словами: резолюция содержит в себе по вопросу об участии в министерстве строго ограниченный минимум, который, однако, разрубает узел в самом центре.

Резолюция де-ла-Порта совершенно неожиданно устраняла удовлетворительным путем первое препятствие к объединению. Если бы она была принята конгрессом, то благодаря этому, конечно, не исчезли бы глубоко коренящиеся разногласия в понимании социалистической тактики, которые бы прорвались в процессе дальнейших прений; *но вопрос*

о Мильеране был бы совершенно устранен. Так или иначе, «министр-социалист» перестал бы существовать для партии.

Но в этом-то и состояла опасность резолюции де-ла-Порта, с точки зрения сторонников Мильерана, а Жорес всегда обнаруживал удивительную способность вскрывать и тут же пресекать грозящую ему опасность. Совещание комиссии для «зрелого обсуждения» и избежания «неожиданностей» в вопросе, изо дня в день, в течение целых трех лет, служившем предметом дискуссии, дало возможность сагитировать всех подписавших резолюцию, за исключением самого де-ла-Порта, в пользу отказа от нее и совершенно ее обезвредить. Бриан изменил в первоначальном тексте всего лишь два слова: вместо «*вне партии*» он поставил «*вне контроля со стороны партии*». Но этим самым резолюция де-ла-Порта превратилась в свою противоположность.

В первую очередь надлежит сказать, что если Жорес и его некритические поклонники указывают, что резолюция Бриана ставит Мильерана «вне контроля со стороны партии», делая последнюю неответственной за его деятельность, то это рассчитано лишь на то, чтобы придать резолюции, во внимание к сильно представленным в Лионе «антиминистерским» элементам, видимость некоторой уступки. На самом деле здесь *повторялось* то, о чем много раз уже писал сам Жорес и что в 1899 г. официально заявлялось в «соглашательном комитете». Таким образом, здесь не было ничего нового, направленного *против* Мильерана.

Нового в резолюции де-ла-Порта было как раз то, что она делала выводы из факта и впервые констатировала, что Мильеран, поставив себя вне контроля со стороны партии, *этим самым* ставит себя «вне партии». В результате изменения этих слов резолюция Бриана заявляет: Мильеран *есть и остается* членом социалистической партии, *несмотря на то*, что он поставил себя вне ее контроля.

Само собой разумеется, течение Жореса было заинтересовано в том, чтобы убедить весь мир, что резолюция Бриана тоже является демонстрацией *против* министра-социалиста и отличается от резолюции де-ла-Порта лишь отсутствием личного заострения. Такое толкование не имеет успеха даже в собственном лагере Жореса; один из его самых горячих приверженцев, Прессансе, охарактеризовал произведение Бриана как «туманную, бесцветную, беспозвоночную резолюцию», которая «*как будто намеренно составлена так, чтобы министр торговли мог проскользнуть через ее петли*».

Таким образом, видоизмененная резолюция была явным вызовом противникам Мильерана. Им предлагали заявить, что социалист на собственный страх может занимать какой угодно правительственный пост и самым решительным обра-

зом отвернуться от партии, не рискуя подвергнуться исключению из партии. Чтобы сохранить Мильерана внутри социалистического движения, конгрессу предлагали провозгласить вопиющую бессмыслицу. Как может принадлежать к партии тот, кто ставит себя вне ее контроля? — вновь спрашивал де-ла-Порт. На это Жорес — Бриан смущенно лепетали, что «ненормальные отношения вызывают ненормальные резолюции». Ответ попадает в самое сердце вопроса: бессмысленная резолюция должна была санкционировать политическую ненормальность участия социалистов в министерстве. Фактически резолюция Жореса — Бриана означала ухудшение положения с точки зрения противников Мильерана. До сих пор в рядах социалистов существовал, хотя и сильно представленный, лишь частный взгляд, что можно быть одновременно социалистом, членом партии и, по собственному усмотрению, членом центрального буржуазного правительства. Постановлением конгресса этот взгляд приобретал значение официального взгляда партии и этим самым аннулировал решения конгресса 1899 г. и резолюцию Каутского. До сих пор исключительное положение Мильерана было создано им самим без согласия на то партии; теперь решили получить для него благословение партии, создав специально для Мильерана новую категорию членов партии, стоящих хотя и «внутри партии», но «вне ее контроля», своего рода «социалистов в отпуску» на службе у буржуазного правительства, как остроумно выражался Вайян.

Резюмируем вкратце. Из уступки противникам Мильерана резолюция превратилась в уступку сторонникам его, и бланкисты, явившиеся в Лион с решением вовсе не выдвигать вопроса о Мильеране, внезапно очутились перед ультиматумом, требовавшим от них, чтобы они согласились на благожелательное министру решение конгресса. Было ясно, что это должно вызвать раскол.

Хотя никто в течение последних трех лет не умел так блестяще доказывать необходимость единства социалистов и всех жертв во имя этого единства, как Жорес, однако он имел в виду, очевидно, лишь жертвы со стороны своих противников; Мильеран же во всяком случае не был в их числе. Чтобы сохранить «министра-социалиста» для партии, лучше было уж пожертвовать единством; таким образом, «участие социалиста в министерстве», в течение трех лет разлагающе действовавшее на социалистические партии Франции, увенчалось лионским расколом.

*

Лионский конгресс вызвал имеющую существенное значение новую перегруппировку социалистических сил во Франции. Первый результат, который мы можем приветствовать со всех точек зрения,—это объединение всех сгруппировавшихся вокруг Жореса элементов в одну партию.

Если Жорес, после ухода бланкистов и их сторонников с конгресса, заявлял, что «уход секты не уменьшает социалистической Франции», если составленный при его участии манифест молодой объединенной партии говорит от имени всей социалистической Франции, то это объясняется тем, что Жорес — во всяком случае впервые — потерял равновесие и меру, что для политика его калибра всегда служит плохим признаком. «Секта», покинувшая Лионский конгресс, вместе с оставшейся в стороне от конгресса рабочей партией, образует основное ядро французского социализма, это — самые лучшие, вышколенные, организованные и испытанные многолетней борьбой силы. А то, что осталось в Лионе, является прежде всего пестрым сбродом: на ряду с честными и убежденными, но юными и неопытными интеллигентами, мы здесь находим «социалистические» организации вроде представленной в Лионе марсельской группы, имевшей в своем составе оппортуниста и бывшего министра кабинета Дюпюи, Пейтраля; на ряду с полуанархистскими синдикалистами, воюющими против всех «политиков», социалистически-настроенных радикалов, для которых политика, а в частности парламентаризм — это все; на ряду с ярко выраженными противниками участия социалистов в министерстве, например, аллеманистами,—пламенных приверженцев правительственного социализма, ожидающих от него всяческих благ.

Но именно пестрота оставшихся в Лионе элементов, объединение которых со старыми социалистическими партиями было невозможно, заставляет считать крупным успехом их временное объединение друг с другом в единую партию; это будет первой ступенью для создания в дальнейшем совершенного социалистического единства во Франции. Как пойдет развитие основанной в Лионе партии, будет зависеть, главным образом, от поведения прочих социалистических групп.

После окончательного отмежевания партий Гэда — Лафарга и Вайяна и его друзей от течения Жореса в порядке дня стоит, в свою очередь, объединение их в единую партию. Этому объединению ничто больше не препятствует. Если слияние их с элементами, стоящими на совершенно иной почве, было невозможно, то оно само напрашивается для тех организаций, которые доказали свое единство взгляда во всех основных вопросах принципа и тактики в процессе двухлетних совместных выступлений. Больше того, это объединение уже настолько подготовлено, что может быть завершено одним актом. Уже много месяцев тому назад вышеназванными группами был выработан

сообща во всех деталях **объединительный проект**, который, при временном сохранении существующих партийных организаций, предусматривает одновременно слияние их **в единую** партию на основе департаментских федераций, общего генерального комитета и ежегодных партийных конгрессов. Рабочая партия провела этот проект через референдум во всех группах, по всей Франции, и он был принят с большим воодушевлением многочисленными секциями. Единогласно был он принят центральной федерацией французской рабочей партией еще 24 февраля, федерацией Дрома 17 февраля. Тот же прием был оказан объединительному плану сторонниками и союзниками социалистически-революционной партии.

Лишний раз национальный совет французской рабочей партии в заседании национального совета от 24 марта этого года в Иври в своем манифесте, где излагаются причины неучастия в Лионском конгрессе, заявляет:

«Со всеми теми, откуда бы они ни пришли, которым ясна эта тройная органическая необходимость (основные черты вышеупомянутого объединительного проекта), **объединение не только возможно**, но, **поскольку нас касается**, **имеет уже место** в том смысле, что оно посредством **чрезвычайной конференции**, т. е. соглашения делегатов вышеназванных организаций, может быть в **любое время окончательно санкционировано или регистрировано**...»

После всего этого ясно, что для осуществления этого единства теперь уже достаточно согласия «чрезвычайной конференции» в составе гэдистов, бланкистов и тех групп, которые вместе с ними повернулись спиной к конгрессу.

Национальный совет французской рабочей партии единогласно заявил на своем последнем заседании (31 мая), что он «в ожидании и в интересах подготовительной работы по осуществлению социалистического единства, являющегося целью стремлений французской рабочей партии, теперь, как и раньше, готов послать своего представителя в **согласительный комитет**, куда войдут все группы, стоящие на почве классовой борьбы без какого бы то ни было компромисса с буржуазией».

Однако, мы не думаем, чтобы готовностью участвовать в каком-то еще неоформленном «согласительном комитете» ограничивались все шаги французской рабочей партии в направлении единства. Это было бы не только отменой выработанного уже объединительного проекта и многократных заявлений французской рабочей партии, но и низведением объединительного вопроса к стадии, пройденной уже два года тому назад. После всего случившегося и сказанного, единственно разумным путем объединения старых партий является

вышеупомянутая «чрезвычайная конференция» и немедленное осуществление объединительного проекта[1].

Последнее диктуется неотложной необходимостью. Поскольку социалистические силы «старой школы» остаются расколотыми, преобладание оказывается на стороне организовавшегося в Лионе в партию течения, вопреки его внутренней расхлябанности. И наоборот, как только «антиминистерские» элементы организуются в партию, преобладание окажется тотчас же на их стороне. В первую очередь этим будет окончательно разрушена упорно распространяемая их противниками сказка, будто единственным препятствием к установлению социалистического единства во Франции является личное соперничество вождей или узкое «сектантство». Стоит только одной объединенной партии стать пред другой, как тотчас же выявится превосходство дисциплинированных и опытных сил перед пестрой смесью половинчатых, свежеиспеченных социалистов, превосходство последовательной оппозиционной тактики перед тактикой минутных союзов. Стоит объединиться революционным социалистическим силам, и партия станет магнитом, по которому будут совершенно непроизвольно ориентироваться движения только что организовавшейся другой партии.

Было бы заблуждением считать, что в Лионе остались только сторонники участия социалистов в министерстве. Если федерации Сены и Уазы, двух Севров и Вандеи вместе с федерацией Дуба покинули конгресс вслед за социалистически-революционной партией, то целый ряд других убежденных **противников** правительственного социализма, как, например, аллеманисты, группа Mouvement Socialiste, многочисленные автономные федерации остались в Лионе лишь для того, чтобы осуществить **единство**. Вот уже много лет, как Жорес держит их в гипнозе своим лозунгом социалистического единства, заставляя их забывать разделяющие моменты. Но как только единство осуществится, так разделяющие моменты выступят на первый план. Ныне Жорес старается еще считаться со стоящими влево элементами своей партии. «Мы решили,— пишет он («За дело», в Petite République от 1 июня) — в период борьбы действовать в организации, куда мы вступаем, так, как будто участие социалистов в правительстве окончательно устранено»,—так как партия-де еще не достаточно зрела, чтобы обнять этот «слишком революционный» (!) принцип правительственного социализма. Но важные симптомы говорят за то, что обещание Жореса столь же мало будет влиять на **практику** его течения, как и сделанное в ноябре прошлого года в палате депутатов заявление Вивиани.

---

[1] Neue Zeit, 1900/01, т. II, № 48.

Весьма характерно для юной партии, что она, резко отмежевываясь влево от социал-демократических организаций, не может провести демаркационной линии справа, между собой, с одной стороны, и радикалами-социалистами и буржуазными радикалами, с другой. Как раз теперь Пельтан и его сторонники открыто и формально сделали партии Жореса предложение заключить союз с радикалами, так как, в сущности говоря, между этими двумя лагерями больше не существует разногласий, и социалисты мильерановского направления на практике благополучно вернулись на старую почву радикальной партии. Течение, для которого социалисты «недостаточно революционны», внезапно оказывается как раз подходящим для... мелкобуржуазных радикалов. То обстоятельство, что Жорес, не без краски в лице, старается отвергнуть это компрометирующее его рандеву, весьма понятно, но, с другой стороны, он ясно чувствует естественное тяготение своего течения к слиянию с партией радикального мещанства. И тотчас же он находит выход из трудного положения: на слияние с радикалами согласиться необходимо, но оно должно знаменовать не возврат социалистов к радикализму, а прогрессивное движение радикалов к социализму.

«К чему волноваться, если на самом деле радикализм, вынужденный развиваться в социалистическом направлении, решает принять программу Сан Манде (мильерановскую, принятую течением Жореса формулу социализма). Я полагаю, что мы вовсе не претендуем на то, чтобы заковать в неподвижные рамки нашу партию, закрыть возможность притока к ней новых сил и монополизировать программу... Если бы мы, благодаря нашим выступлениям и пропаганде и растущей мощи нашей пролетарской организации, вынудили уже не отдельных индивидуумов, а целую фракцию буржуазных демократов к признанию, что коллективная собственность есть ближайший этап исторического развития и что осуществление ее надо ускорить, то это было бы одним из крупнейших достижений классовой партии. Именно так, а не иначе подготовляются и происходят крупные революции: путем проникновения и просачивания. Вокруг первого пламенного ядра образуется своего рода кольцо, концентр, несколько неопределенный и постепенно бледнеющий, охватывающий в конечном счете все общество» (Petite République, от 4 июня).

В этой космически-поэтической теории исторических революций «пламенное ядро» образует, очевидно, признание, что партия Жореса для данного момента не отвергает возможности объединения с мелкобуржуазной демократией. Если она при этом воображает, что не она скользит в буржуазное болото, а буржуазия поднимается на социалистические высоты, то галлюцинация эта недолго будет держать в плену лево-социалистические элементы юной партии. Кто из них не утерял еще всякий инстинкт политического самосохранения, тот с ужасом отшатнется от свободного брака с радикализмом. Достаточно естественной силы притяжения подлинных социалистов «старой школы», чтобы освободить их от оков, на которые они согласились, скрепя сердце, и объединить на почве пролетарской классовой борьбы.

КОНЕЦ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ВО ФРАНЦИИ [1]

I

Исторические фарсы, подобно всем плохим театральным инсценировкам, имеют то свойство, что зритель в большинстве случаев совсем не замечает, когда действие приходит к концу. В то время как общественное мнение все еще напряженно взирает на Францию в ожидании дальнейшего развития событий, заключительный акт социалистически-министерского фарса фактически оказывается незаметно пришедшим к концу. Тщетно устремлены выжидательные взоры неуклонно на страну «великого эксперимента». Действие исчерпано, роли разыграны, и в зрительном зале начинает скверно пахнуть от тухнущих ламп.

Мы вовсе не предрекаем близкого падения министерства Вальдека — Мильерана [2]. Совсем наоборот, по нашему мнению, требуется некоторая доза пресловутого «парламентского кретинизма», чтобы измерять политически-историческое летосчисление той или иной страны по таким внешним признакам, как парламентская смена министерств. Мы лишь полагаем, что внутреннее логическое развитие своеобразного положения, созданное для политической жизни Франции и французского социализма, в частности, вступлением социалиста в правительство, уже завершило свой круг развития, что все последствия, которыми оно было чревато, уже выявились наружу и что отныне в кризис не будет привнесено новых моментов, но будет исключительно продолжаться механическое дальнейшее развитие уже имеющихся налицо.

Анализируя политику французского кабинета в период прошлой парламентской сессии, мы охарактеризовали, как выдающуюся черту, ее своеобразную двойственность, явные уступки вправо и мнимые уступки влево. С тех пор положение, а вместе с ним и политика министерства сдвинулась на шаг дальше. Причина двойственной политики министерства Вальдека-Руссо лежала, с одной стороны, в отсутствии в парламенте прочной основы для подлинно последовательной политики демократических реформ. Пестрое в своем составе радикально-социалистическое большинство кабинета во всех наиважнейших вопросах оказывалось ненадежным, в любой момент готовым перекинуться на сторону реакции и не намеренным итти дальше того, что необходимо для внешнего умиротворения вскрытых кризисом политиче-

[1] Neue Zeit, 1901/02, т. I.
[2] Минситерство Вальдека—Мильерана пало 28 мая 1902 г.

ских и социальных противоречий. С другой стороны, однако, министерство с самого начала было вынуждено опираться в палате на социалистов. Это обстоятельство вынуждало правительство, по крайней мере, к мнимым уступкам в первоначальной программе, к демократическим и социальным реформам. От социалистов зависело повлиять на дальнейший ход событий. Путем решительного вскрывания двойственности «республиканской» политики правительства и упорной оппозиции, они могли бы или вызвать падение кабинета, или, по крайней мере, вынудить его к серьезным прогрессивным реформам. Но так как подавляющее большинство в парламенте было связано участием Мильерана в министерстве и пошло противоположным путем, то политическая узда была выпущена ими из рук. Последовательно защищая правительственную политику на страницах «Petite République», голосуя в палате за любую резолюцию и любой законопроект: за осуждение социалистических принципов, за замятие парламентского колониального расследования, за амнистию генштабистов в деле Дрейфуса, за бюджет, за ограничение права коалиций путем издания так называемого закона об ассоциациях,—короче говоря, за все, что угодно, лишь только министерству приходило в голову поставить вопрос о кабинете,—отказываясь, таким образом, от самостоятельной политики и оппозиции, социалисты этим самым освобождали правительство от необходимости считаться с ними. Своим поведением они доказали, что будут держаться за министерство во что бы то ни стало и при каких угодно обстоятельствах. Таким образом, правительство могло спокойно сделать шаг дальше, отбросив даже видимость уступок своим социалистическим и лево-радикальным сторонникам. Нынешняя парламентская сессия знаменует новую стадию политики министерства: двойственность, составлявшая признак минувшей сессии, теперь уступила место во всех областях совершенно недвусмысленному единству.

В области борьбы с злоупотреблениями милитаризма вслед за былыми обещаниями наложить узду на высший командный состав, следует ряд мер, преследующих, наоборот, цель надеть намордник всем противникам постоянной армии и сторонникам милиции. Социалистический бургомистр Буржа, Вайянде, лишается своего поста за речь, сказанную рекрутам, где он напомнил им заповедь гуманности и любви к ближнему и призывал не направлять винтовок на своих родителей. Учитель гимназии Эрве подвергается репрессиям за свое сотрудничество в одном антимилитаристском издании. Парижский профессор Лапик увольняется за публичное выражение своего сочувствия подвергшимся репрессиям коллегам. Начинается судебное преследование газет Pioupiou de l'Ionne, Drapeau Rouge, Droit du peuple, Flambeau за агитацию в пользу милиции и за социализм. Одновременно с этим учителя высших школ, как, например, в Лионе и Тулузе, лица, занимающие официальные духовные посты, как архиепископ Реймский, открыто и безнаказанно имеют возможность вести антиреспубликанскую агитацию и возносить в публичных школах, как, например, в лицее Алле, молитвы, призывающие крушение правительственных проектов.

В области внешней политики для современного духа радикально-социалистического правительства характерны экспедиция в Китай при полном обходе народного представительства, турецкая экспедиция, в которой французский флот, под предлогом разрешения возникшей в Босфоре распри, в действительности был использован в интересах выколачивания из Порты долга двумя банковскими фирмами Лорандо и Тувини, и, наконец, прием царя с «республиканским» ползанием на брюхе перед абсолютизмом, беспримерным во всей новейшей истории Европы.

В области социальных реформ нынешняя сессия принесла с собой, помимо незначительного сокращения рабочего времени горнорабочим, которое было передано на погребение в сенат, еще другую характерную манифестацию правительства. То было резкое отклонение 14 ноября уже в третий раз голосуемого палатой за период с 1880 г. проекта законодательного введения 10-часового рабочего дня для железнодорожных рабочих и служащих. Вслед за многообразными социал-реформистскими декретами министра торговли в последнее полугодие последовал целый ряд санкций на удлинение предпринимателями рабочего времени сверх установленного законом[1]. Венец мильерановских «социальных реформ» составляло то, что все судебные инстанции отклонили повторные жалобы фабричных инспекторов на восстановление 4-сменного способа работы для взрослых рабочих, чем сводился на-нет закон о 10-часовом рабочем дне, оказывавшийся пустым местом в своем основном пункте.

Но центральным пунктом нынешней парламентской сессии и всесторонне определяющим положение моментом было поведение правительства при голосовании китайского займа.

Как известно, основной задачей «защиты республики» кабинетом Вальдека-Руссо была борьба с клерикализмом. Вся дрейфусовская кампания, весь тянувшийся три

[1] Так, например, для кондитеров перед Рождеством, вопреки резкому протесту профсоюза кондитеров, указывавшего на громадную армию безработных.

года кризис вращался вокруг этой «гнусности» их слуг и союзников. В предыдущий период целям этой борьбы должен был служить закон об ассоциациях, нанесший, на ряду с мнимыми ударами духовенству, весьма ощутительный удар рабочему праву коалиций. Вслед за этой двойственной тактикой последовало совершенно недвусмысленное, не приукрашенное никаким мнимым подарком демократии, даяние церкви в форме 50 млн. франков для «возмещения» убытков католических миссий в Китае в период последней войны, и еще более разительный панегирик церкви в речи министра-президента, произнесенной им в палате 18 ноября.

20-го ноября Figaro писал по этому поводу:

«Господин Вальдек-Руссо произнес вчера речь, которую следовало бы расклеить по стенам всех французских коммун. Надежды консервативной Франции вновь воскресают. Революционеры, люди, не знающие отечества, агенты национального раскола и социального взрыва, наткнулись на противника там, где они рассчитывали встретить соучастника».

А Echo de Paris пишет:

«Господин Вальдек-Руссо признал историческую роль католицизма право на благодарность миссий, идущих впереди движения коммерсантов и промышленников; он утверждал, что истинные традиции Франции поддерживаются ее внешним авторитетом и колониальной или протекторатной экспансией и что, стоя у кормила интересов страны, нельзя давать загипнотизировать себя мелким распрям, нельзя забывать, что французская республика призвана сыграть благородную роль в деле установления мирового равновесия.

Все это так било в глаза, что внезапно раздался возглас: «Да ведь это чистейший национализм».

И, наконец, «заклятый враг» Мелин пишет на страницах République:

«Так блестяще изложенная Рибо доктрина, касающаяся охраны католиков на Востоке, ничуть не потеряла в силе, будучи вложена в уста господина Вальдека-Руссо. Министр-президент еще сильнее подчеркнул и теплее прославил заслуги католических миссионеров в Китае. Он с пренебрежением оставил без ответа брошенный ему легкий упрек, который был у всех на устах: если миссионеры были столь полезны нашей стране, то почему же вы так плохо их отблагодарили, подвергнув репрессиям конгрегации, к которым они принадлежат?

Мы предлагаем друзьям министра-президента подчеркнуть это, повидимому, сильно смутившее их вчера противоречие; не наше дело дивиться. Мы выражали свое удивление тогда, когда господин Вальдек-Руссо, повинуясь вульгарным инстинктам своего большинства, выдал ему бритые головы монахов и одежды монахинь. Ныне мы считаем его позицию естественной, отвечающей великой французской традиции, отвечающей ее прошлому, одним словом, достойной ее. Мы приветствуем его возврат или переход в ряды великой республиканской семьи, из которой он удалился для приключений, забавлявших, быть может, его глубокий скептицизм, но в конечном счете надоевших ему самому».

Резкий поворот министерства в сторону открытого национализма в вопросе о китайском займе создал своеобразное положение как для парламентской правой, так и для левой. Кабинет Вальдека—Мильерана с самого начала выступил в качестве пугала националистов и мелинистов и, как таковой, шаг за шагом защищался и «спасался» своими сторонниками. Вся парламентская тактика правой в предыдущую сессию была направлена на то, чтобы путем всяческих неожиданных маневров опрокинуть кабинет. Теперь «заклятые враги республики» оказались вынуждены голосовать доверие радикально-социалистическому кабинету. Наиважнейший момент в последнее полугодие — голосование китайского займа—привел националистов в правительственный лагерь.

Этим не было создано ничего нового. Политика кабинета Вальдека — Мильерана с самого начала по существу была похожа на политику мелинского кабинета, создавая систематическую недобросовестную конкуренцию группе Мелина. В минувшую парламентскую сессию показные маневры правительства против армии и духовенства позволяли мелинистам прикрывать свою шкурную зависть «принципиальной» враждой общего характера. Теперь они обезоружены и вынуждены открыто признать: объединяют их с правительством как раз принципы политики, разделяет исключительно соперничество из-за портфелей.

Вот почему отказ правительства от каких бы то ни было антинационалистских маневров вызвал понятную путаницу в лагере реакции. Что делать реакционерам — поддерживать ли «радикально-социалистическое правительство», или бороться с ним, как и прежде? Что предпочесть — принципы или портфели? Возгоревшийся по этому тактическому вопросу спор среди правых был верным отражением борьбы, происходившей в социалистическом лагере. Если здесь верный своей роли Жорес призывал к слепой поддержке правительства, даже в деле китайского займа, вопреки социалистическим принципам, даже если бы это «стоило мучений» его товарищам, то среди правых эту роль взяла на себя монархическая газета Gaulois. Совершенно в стиле Жореса она 28 ноября звала на смелую борьбу с правительством отряды реакции, вопреки мучительному принесению в жертву принципов:

«Решительно выступайте против министерства, а когда успех увенчает ваши труды, то вы с высоко поднятой головой и спокойным сердцем сможете предстать перед своими избирателями. А если бы вас обвинили в вольном обращении с принципами, то каждый из вас может ответить, подобно генералу Эмберу: «Клянусь, что в тот день я спасал отечество».

Этим самым официально признавалось, что поскольку националисты занимали позицию борьбы с «радикально-социалистическим» правительством, это делалось вопреки их принципам, лишь в качестве парламентского маневра.

С другой стороны, упрощалось положение и для социалистического крыла правительственного большинства. В минувшей стадии роль его состояла в том, чтобы выдавать мни-

мые реформы правительства за подлинные и защищать его политику, но с тех пор как оно сбросило маску, с тех пор как реакционеры стали поддерживать политику министерства, верным правительству социалистам оставалось только отстаивать существование кабинета вопреки его политике.

Таким образом, в парламенте возникла замечательная обстановка «двух большинств», как констатировал Марсель Самба с парламентской трибуны. Одно большинство, в котором решающую роль играют социалисты жоресистского крыла и которое появляется на сцену каждый раз, когда нужно спасать кабинет; другое, образуемое реакционерами и появляющееся на сцене в наиважнейшие моменты, когда приходится спасать политику кабинета. Мелинская République 30 ноября классически формулировала положение, заявив:

«Господин Вальдек-Руссо не имеет подлинного собственного большинства, за исключением чисто политических вопросов, когда выдвигается наикардинальнейший вопрос: суждено ли быть опрокинутым министерству? Среди его принципов нет ни единого, поймите, ни единого, с которым было бы согласно его большинство. Это последнее в действительности состоит из столь различных элементов, что по всем существенным вопросам вы встретите там самые противоположные мнения. Социалисты держат в своих руках судьбу правительства. И вот они не согласны ни с религиозными, ни с патриотическими, ни с социальными, ни с экономическими принципами господина Вальдека-Руссо, так что когда встает принципиальный вопрос, ему приходится апеллировать к противникам. У него есть друзья или, вернее, соучастники, когда речь идет о его собственных делах, ноему приходится прибегать к врагам, когда дело касается страны».

В этом, собственно говоря, тоже нет ничего нового. Уже и в минувший период сущность политики Жореса сводилась к систематической поддержке кабинета. Со времени голосования проекта об амнистии в деле Дрейфуса и вплоть до принятия закона об ассоциациях министерские социалисты, каждый раз подчиняя собственные убеждения, когда ставился вопрос о кабинете, показали, что по существу вся их политика сводится к сохранению нынешнего министерства. Ныне же факт этот предстал во всей своей наготе. Мнимая роль сотрудничества социалистов в деле проведения демократических реформ после падения демократической маски с правительственной политики тоже свелась к ее подлинному существу — роли министерского голосующего стада.

Таким образом, в последнее полугодие, в процессе логического развития во всех направлениях, упростилось и выяснилось существующее во Франции положение, оказавшееся в результате последнего сдвига — совершенно незаметно — прямой противоположностью того отправного пункта, из которого исходили три года тому назад.

Исходным пунктом периода Вальдека — Мильерана была ведь великая программа демократических и социальных

реформ! Образование радикального кабинета объяснялось необходимостью защиты и оздоровления республики. Этим последним оправдывалось вступление социалиста в правительство, объяснялась политика республиканского блока в палате, оправдывались все приносимые социалистами принципиальные жертвы. Уже во второй период министерского эпизода это оказалось сплошной фразой. Все же и в этом виде формально оно продолжало существовать. Теперь, когда отбросили фразу, развеялся последний остаток программы «республиканской защиты», и правительство внезапно оказалось без какой бы то ни было программы!

Выявлением этого факта была вызвавшая столько толков знаменитая избирательная речь министра-президента Вальдека-Руссо в Сент-Этьене 12 января. Дав удивительно беспристрастно полный самовосхваления отчет о великих подвигах правительства, он ни единым словом не упомянул о предстоящих задачах, предполагаемых грядущих делах. В перспективе не было ни реформы армии, ни отделения церкви от государства, ни социальных реформ, ни иной «защиты республики». Это умалчивание министра-президента о том, что предстояло сделать в будущем, привело в изумление всю Францию. Более наивные буржуазные радикалы, подобно Лакруа на страницах Radical, требовали, чтобы, по крайней мере, другой член правительства выступил с правительственной программой. Они не понимали, что умолчание главы кабинета является лишь точным отражением того простого факта, что у радикального министерства вообще нет больше политической программы, кроме вполне искреннего желания удержаться у власти, опираясь на какое бы то ни было большинство и принимая любую программу. Программные фразы и в предыдущий период служили исключительно цели обеспечения поддержки со стороны социалистически-радикальной левой. Раз уж эта поддержка была обеспечена без какого бы то ни было вознаграждения, мавр, сделавший свою работу, мог уйти. Фраза была брошена в сторону, от «республиканской защиты» не осталось ничего, кроме портфеля.

Беспрограммная программная речь министра-президента в Сент-Этьене была официальным констатированием того факта, что эра кризиса во Франции пришла к концу. Все экстраординарные костюмы, жесты и речи были оставлены, и обычные традиционные формы жизни вступили в силу. Для завоевания на свою сторону масс избирателей из рядов пролетариата и мелкой буржуазии министр-президент в своей речи мечет громы и молнии на головы якобы кующих втихомолку против него заговор националистов — тех самых националистов, которые лишь ценой величайшего самоотречения, жертвуя собственными принципами, могут соста-

влять ему оппозицию. Инсценируется мнимое выступление против католических орденов — тех самых орденов, филиалы которых в Китае официально восхвалялись в палате депутатов и которым было выдано около 50 млн. из кармана налогоплательщиков. А министр торговли вновь совершает деловую поездку по стране, чтобы — за 2 месяца перед выборами — напомнить пролетариату, что он все еще считает социалистическую партию «своей».

В этом нет ничего чрезвычайного; это — обычная инсценировка выборов в третьей республике, в деле которой бесчисленные прошлые министерства всех оттенков уже сумели создать прочную рутину.

Во что же превратился в процессе эволюции «новый метод» министерского социализма? Мы уже видели, что развитие его с самого начала было лишь пассивным отражением поведения радикального министерства.

На первой стадии эры Мильерана, в период 18-месячной подготовки министерства к выполнению величайшего в мире акта республиканской защиты, задачей «нового метода» было — возбуждать, сохранять и доводить до величайшего напряжения чаяния и надежды, возлагаемые на политику правительства. То был период «обещаний» как со стороны правительства, так и со стороны его социалистических приверженцев.

Затем последовала вторая стадия — «выполнение»: закон об амнистии, закон об ассоциациях, мильерановские социальные реформы. Неуклонное цепляние за правительство заставляло «новый метод» выдавать плутню «республиканской защиты» за подлинную реформу, отрицать его реакционное ядро, раздувать его прогрессивную видимость.

Ныне же правительство открыто и официально бросает в мусорный ящик и самую видимость и всю программу «республиканской защиты». Что остается от «нового метода» пред лицом такого факта? Сделать последний шаг после целого ряда самоотречений на алтаре министериализма и найти законное оправдание беспрограммности правительства. Это — штука несколько трудная, после того как в течение трех лет «республиканскую программу» изображали как ось, вокруг которой вращается Франция, земля и небесные сферы. Но «новый метод» на суровой службе министериализма научился преодолевать, «хотя и не без мучений», много трудностей. Итак, Жорес заявляет, что правительственная программа теперь совсем излишня, даже невозможна. Во-первых, она уже проведена в жизнь. «Если рассматривать дело в целом, то министерство осталось верно той программе действия, на основе которой оно было образовано и в широком объеме выполнило то дело, для которого оно было создано» (Petite République от 15 января). Правда, министерство и не приступало к основной задаче «республиканской защиты», к первому пункту радикальной программы, — отделению церкви от государства; правда также, что оно не только не положило конца блудному сожительству с российским царизмом, но, наоборот, соблюдало его и дальше. Правда, наконец, что ни в области торговой политики, ни в области свободы коалиций, ни в области свободы совести, нигде оно не нарушило традиции Мелина. Но разве кабинет Вальдека—Мильерана, действительно, обещал нечто подобное? Жорес клянется, что он не помнит этого, считая «несколько нечестным бросаемый кабинету упрек в преступлении, состоящем в том, что он не вышел за рамки своей программы» (Petite République от 15 января).

Во-вторых, какая бы то ни была правительственная программа теперь вообще невозможна. Как вы можете желать, чтобы министерство выставляло программу перед парламентскими выборами, рискуя вызвать чье-либо раздражение, кому-либо не понравиться, когда все дело в том, чтобы прежде всего составить вновь большинство, хотя бы из самого черта и его чертенят? «Лишь после выборов государственный муж, обладающий широким и свободным кругозором, может определить центр тяжести общественного мнения, чтобы подлинно выработать реальную, общую программу действия для всего законодательного периода» (Жорес в Petite République от 16 января).

Таким образом, «новый метод», низведя своих поборников в парламенте на степень простого голосующего стада, в «теории» тоже спустился до роли простого лакея правительства. Вначале, когда Вальдеку—Мильерану требовались подготовительные рекламные фанфары, он трубил о «новой эре», «историческом поворотном пункте», «исторической эпохе», и потрясал воздух подобными умопомрачительными вещами. Вслед за тем, когда правительство Вальдека — Мильерана вступило в период активного мошенничества, он ревностно расточал поэтические, философские, естественно-исторические краски, заимствовал картины у луны, звезд, цветов, росы и шума леса, чтобы изобразить жалкую, балаганную, буржуазно-парламентскую комедию, как «исторический восход солнца». Он, этот метод, был счастлив, когда ему позволяли одевать тривиальные серые будни в «широкие горизонты».

Теперь правительству уже не нужны «горизонты», оно основательно сыто ими, в голове у него другие заботы, оно попросту преследует свои избирательные цели. «Новый метод» с «философским» смирением заявляет: И это хорошо! При ближайшем рассмотрении мы, собственно говоря, и не нуждаемся в «горизонтах», теперь перед выборами не может быть вообще горизонтов. После выборов — когда мы будем опять у себя дома — все, что нужно, приложится...

«Новый метод» с его удивительной приспособляемостью, однако, не заметил, что в процессе последней эволюции на службе у министериализма он, собственно, исчерпал свою политическую роль и завершил свою политическую эволюцию. *Перед ним не стоит уже больше никаких задач.* Ждать больше нечего (если «рассматривать дело в целом», то ведь все им уже выполнено!). Нечего больше обещать (кто же *перед* выборами будет обещать нечто определенное), не приходится больше отрицать никаких двусмысленностей (правительственная политика стала чертовски ясна). «Новый метод» исчерпал весь свой список. И все же он время от времени повторяет великие изречения из прекрасных времен дела Дрейфуса: «Бой вплотную». Он все еще лепечет о движении вперед «к все более и более смелой программе», о «демократическом возрождении». Но эти мелодии Жореса действуют подобно старым добрым оперным ариям Верди, которые когда-то в солнечной Италии звучали на устах каждого веселого черноглазого сапожного подмастерья сигналом народной весны, а теперь с надоедливой монотонностью шипят из мертвого механизма шарманки,— времена прошли!

И сам шарманщик глядит скучающим рассеянным взором, чувствуется, что ручку вертит привычная рука, но душа здесь отсутствует.

II

В собственном лагере Жореса тоже чувствуется, что эпизод Мильерана приходит к концу. Кризис, вызвавший концентрацию этого лагеря, уже миновал, и объединившаяся формально год тому назад партия быстро идет к распаду.

Проблема единства, которая в силу исторических обстоятельств приняла во Франции особо острую форму, является в тот или иной момент жизненным вопросом для социализма в любой стране. *Многообразие* групп и течений постоянно и естественно составляет не только исходный пункт социалистического рабочего движения, но и в дальнейшем развитии однажды объединившаяся социал-демократическая партия каждой страны подвержена внутренней диференциации, а следовательно, и новым центробежным тенденциям. Социалистическое единство не является поэтому эпизодически поставленной и преходящей проблемой рабочего движения, а напротив, образует *постоянную* проблему, разрешение которой в каждый данный момент вновь и вновь должно быть предметом обсуждения в правильном соотношении к принципиальному и тактическому самосохранению рабочей партии, подобно другой, родственной с нею проблеме: установлению равновесия между практической деятельностью и конечными целями социализма.

Вообще говоря, достаточно простого здравого человеческого смысла, чтобы понять, что органическое единство борющихся социалистических сил возможно лишь на почве *общего понимания* задач и средств борьбы. Однако, изречения оракула, коим является «здравый человеческий смысл», по существу, в большинстве случаев, являются попросту *эмпирическими наблюдениями*, а *не объяснениями* занимающего нас явления. Если бы речь шла лишь об *общности* понимания социалистической борьбы, то нам был бы понятен во Франции лишь раскол социалистических организаций и парламентской группы на министерскую и антиминистерскую фракции.

Однако же, дальнейшие судьбы обеих фракций, каждая из коих была образована на общей платформе — одна на признании участия в буржуазном центральном правительстве, а другая — на основе понимания своей деятельности, как принципиально оппозиционной классовой борьбы, — необыкновенно различны.

«Старые организации», несмотря на свои десятилетние навыки обособления, несмотря на то, что в прошлом их разделяла вражда, тихо и уверенно приближаются к осуществлению полного единства, тогда как партия Жореса, созданная только прошлым летом в большинстве из неорганизованных, в силу этого легко объединяющихся элементов, вновь начинает разлагаться. В то время как раньше старые «сектанты» с их «личным соперничеством» и «сектантским духом» слыли за подлинных нарушителей мира и единства, теперь мы стоим пред лицом того изумительного факта, что «сектанты» образовали крупную компактную партию Unité Socialiste Révolutionnaire, а апостолы единства из крыла Жореса, отделившись и освободившись, наконец, от интриг сектантов, теперь как раз разбегаются во всех направлениях. Предложения, направленные против Мильерана, в генеральном комитете партии Жореса, внесенные Чиприани и другими, плебисцит по вопросу о Мильеране, выход из комитета трех аллеманистов, т. е. представителей последней из старых партий, уход из этого комитета представителей нескольких автономных федераций, новейшие декларации Вивиани на страницах République Sociale, Прессансэ на страницах Mouvement Socialiste, Жана Лонге в Neue Zeit — все это образует вехи в процессе неудержимого распада партии Жореса[1].

[1] Особенно любопытны заявления Вивиани, одного из бывших наивернейших партийных спутников Мильерана и Жореса. «Нужно быть решительно слепым,—пишет он,—чтобы не видеть закона об ассоциациях, которому изменяет в сенате министр-президент, а на другой день репрессии против учителей, затем восстановление «подлых законов» (направленных против анархистов), затем ползание перед царем как раз в ту минуту,

Конгресс в Туре показал нам, наконец, «великую партию» как жалкую горсточку министериалистов, решивших во что бы то ни стало держаться вместе. На этот раз раскол был не *следствием* конгресса, а *предшествовал* ему. Федерации, молодая группа Mouvement Socialiste, все те, кто еще недавно не мог простить старым партиям их ухода с первого «объединительного конгресса», сами пошли теперь тем же путем, повернувшись спиной к совещаниям жоресистов в Туре.

Но характернее всего поведение парламентской группы этого крыла, ибо, если объединившаяся в Лионе партия и раньше охватывала весьма пестрые элементы, от которых трудно было ожидать единства действий, то парламентская фракция жоресистов, наоборот, была чистейшим подбором приверженцев министериализма, так сказать, классическим представителем тех социалистов, которые по оппортунистическим соображениям готовы в любое время принести в жертву свои принципы.

И вот, как раз парламентское поведение этой *внутренне* единой маленькой группы является замечательной противоположностью поведению фракции Вайяна — Зеваэса. В то время как группа, представляющая «старые организации» с момента своего обособления в мае 1901 г., во всем действует, как один человек, парламентская фракция жоресистов буквально при каждом отдельном голосовании распадается на три течения — на три только потому, что, как остроумно заметил Дюбрей, четвертого еще не существует[1].

когда он в лице Толстого наносит удар мужеству и гению одновременно затем защита с трибуны воровской банды миссионеров, одновременно защита финансистов в Константинополе, предательство армян, защита которых предоставляется России, интересы коей теперь отличны от 1896 г., падение престижа нашей нации, как защитницы права; затем наглое письмо министра-президента к горнорабочим, потом отступление перед угрозой за спину комиссии труда, предоставление министром торговли места господину Шнейдеру из Крезо в большой комиссии. А восхваление роли церкви на Востоке, преследование прессы, обыски у журналистов, тайные документы, сообщаемые совету университета (в деле Эрве). Всему этому нет предела! И вот, мы спрашиваем: стали бы мы поддерживать другой кабинет, если бы он в течение меньше чем 7 месяцев покрыл себя таким позором? Чего только не говорили мы кабинету Дюпюи, когда он действовал подобным образом!»

[1] Берем наудачу несколько случаев, имевших место в течение двух последних месяцев парламентской сессии:

1) 5 ноября Самба вносит интерпелляцию по вопросу о турецкой экспедиции, предлагая, чтобы правительство добивалось мирным путем соглашения между державами в пользу армян: все депутаты, принадлежащие к «Юните социалист-революционер», голосуют *за*. Фракция Жореса: 6 голосов *против*, 20 — *за*, 4 — воздержавшихся.

2) 8 ноября Зеваэс предлагает палате поставить в порядок дня закон об охране труда железнодорожников тотчас же вслед за обсуждением вопроса о свободе личности. Все депутаты «Юните социалист-революционер» голосуют *за*. Фракция Жореса: 16 — *за*, 13 — *против*, 1 — воздержавшийся.

Такого поведения жоресистской фракции палаты нельзя объяснить одним отсутствием дисциплины. Наоборот, с самого начала спасительной государственной деятельности кабинета Вальдека — Мильерана, а именно — в вопросе об амнистии, где ей пришлось изменить двухлетней кампании Дрейфуса и принести первую трудную жертву на алтарь министериализма, она показала, что умеет, по велению Жореса, в 24 часа сделать полный поворот и беспрекословно выполнить приказ.

Если ныне та же самая группа палаты с механической регулярностью распадается в каждом вопросе, то это явление объясняется именно тем, что, вопреки тривиальностям «здравого человеческого смысла», одной *общности* понимания социалистической борьбы далеко еще не достаточно для единства действия и что это единство зависит еще и от *специальных особенностей* этого основного понимания.

При ближайшем рассмотрении дело весьма просто. Единство действий социалистов возможно лишь в том случае, если лежащее в основе их социалистическое понимание дает им легко выводимый и единообразный метод для суждения о каждой отдельной практической проблеме. Такой метод может дать лишь *принципиальная* точка зрения, точка зрения *принципиальной* оппозиции существующему классовому государству.

Подлинная сущность «принципов» состоит ни в чем другом, как в едином освещении всех частных явлений с данной точки зрения.

В противоположность этому, основная точка зрения социалистического оппортунизма не дает никакого метода для понимания конкретных случаев. Основная точка зрения оппортунистов как раз и состоит ведь в *устранении* всех заранее установленных и обобщающих точек зрения, в осу-

3) В том же заседании голосуется доверие правительству: «Юните социалист-революционер»: все *против*. Фракция Жореса: 22 — *за*, 3 — *против*, 4 — воздержавшихся.

4) 12 ноября статья I закона о торговом флоте. «Юните социалист-революционер»: все *против*. Фракция Жореса: 13 — *за*, 6 — *против*, 9 — воздержавшихся.

5) На том же заседании предложение, касающееся лишения государственной субсидии судов, строящихся за границей. «Юните социалист-революционер»: все *за*. Фракция Жореса: 17 — *за*, 10 — *против*, 3 — воздержавшихся.

6) 25 ноября китайский заем — «Юните социалист-революционер»: все *против*. Фракция Жореса: 2 — *за*, 25 — *против*, 3 — воздержавшихся.

7) 28 ноября напутственное приветствие китайским войскам. «Юните социалист-революционер»: все *против*. Фракция Жореса: 8 — *за*, 11 — *против*, 11 — воздержавшихся.

8) 2 декабря бюджет колониальной армии. «Юните социалист-революционер»: все *против*. Фракция Жореса: 4 — *за*, 10 — *против*, 16 — воздержавшихся.

ждении по каждому отдельному случаю не из априорных принципиальных посылок, но исключительно из конкретного в каждый данный момент положения, под весьма неопределенным и двусмысленным углом зрения «полезности» для социалистического движения. По вопросу же о «полезности» того или иного в каждом отдельном случае, очевидно, каждый раз может быть много различных мнений. Если, например, позиция в отношении какого-нибудь военного законопроекта во Франции для каждого стоящего на принципиальной точке зрения социалиста заранее ясна, то для свободного от «догматических» оков «практического» политика это — сложная проблема, которая, смотря по положению министерства, соотношению партийных сил в парламенте, ожидаемому тому или иному непосредственному результату того или иного голосования, наконец, различной оценки всех этих моментов отдельными людьми может быть разрешена в одном случае отклонением, в другом случае принятием, а в третьем воздержанием. «Практический политик», который вначале прославлял в теории превосходство «отсутствия оков», «свободу действия» и самонадеянно восклицал вместе с Гете: «я не связал себя ничем, вот почему вольготно мне в мире», как только попадает в водоворот пестрой жизненной сутолоки, без всякого компаса, вынужден со вздохом сказать вслед за Фаустом: «и вот я стою, как несчастный глупец, и чувствую себя не более мудрым, чем прежде». Французские социалисты, которые, после победоносного преодоления догматической неподвижности, пустились без руля по волнам буржуазного парламентаризма, не имея иной руководящей звезды, кроме желания удержать во что бы то ни стало у кормила власти «министра-социалиста», а следовательно, и все министерство, не были никак в состоянии сохранить единство действий.

На первый взгляд «новый метод» социализма как будто привел идеолога Жореса к созданию все охватывающего и единого социалистического учения. Воистину, не было ни единой проблемы практики и теории, философии, экономики, политики, которую бы Жорес ни сделал объектом своего суждения на страницах «Petite République». Жорес, больше чем кто бы то ни было, умел установлять духовное родство вещей и вопросов, не приходившее раньше никому в голову. Но единство в трактовании всех этих проблем было лишь внешним, достигнутым при ближайшем рассмотрении, лишь благодаря повторному и частому употреблению одних и тех же общих, всеобъемлющих выражений, как то: «пролетариат в целом», «мир в целом», «широкое море социализма» и т. д. Одним словом, то было лишь риторическое единство; политически же облеченные в прекрасные формы доказательства Жореса сводились постоянно к одному припеву:

«caeterum censeo,—кабинет должен оставаться у власти». Итак, никакой теории, никакого принципа, один оппортунизм.

Таким образом, стремления Жореса к осуществлению социалистического единства во Франции, как и все прочие пункты его тактики, таили в себе внутреннее противоречие. Рисуя со свойственной ему экспансивностью и исключительностью единство как наивысшую задачу, как conditio sine qua non, как единственный залог грядущего успеха социализма, он вместе с тем базировал это единство на таком социалистическом понимании, которое по существу должно было привести к разъединению. Это противоречие обнаружило на предшествующей стадии свою формальную сторону, приведя к расколу между министериалистами и революционными социалистами; теперь оно показало свою материальную сторону, превратив в утопию единство в самом лагере министериалистов.

Таким образом, мы и здесь имеем дело с законченным кругом развития «нового метода», последним звеном которого является отрицание своих собственных исходных точек. Иронии судьбы было угодно, чтобы Жорес в процессе кризиса пришел в противоречие с самим собой, со своими излюбленными былыми выражениями — вплоть до самого последнего. Организованный Чиприани, этим enfant terrible жоресизма, в генеральном комитете партии плебисцит по вопросу о Мильеране выявил целый ряд весьма неприятных сердцу Жореса мнений, носителями которых являлись собственные департаментские федерации партии. Оглашение этих документов в генеральном комитете и их опубликование в протоколе его заседаний явно должно было произвести весьма невыгодное впечатление внутри страны и за границей. Тогда великий защитник Дрейфуса, славный разоблачитель генерального штаба и практикуемых им методов подлога и жульничества, неустанный рыцарь «полного света», со всей энергией выступил за... неоглашения и неопубликования, а выражаясь вульгарно — за замятие и скрытие антижоресистских мнений. Теперь мы понимаем, что подразумевает Жорес, заявляя, как это было недавно, на страницах Petite République (30 января 1902 г.): «Мне кажется, что нет той истины, которая могла бы обойтись без красоты, и что античный гений может быть источником красоты для нашей нации и нашей расы. Социальная революция будет благороднее, гуманнее, культурнее в той стране, которая не потеряла навыка к некоторым путям и некоторым высотам...»

Провал единства в рядах жоресистов означает еще в другом отношении конец «нового метода». Самая сущность такого понимания социализма состоит, между прочим, и в том, что в каждый данный момент всю борьбу концентрируют на каком-нибудь практическом пункте, приковывая и волнуя

общественное внимание по поводу одной какой-либо ближайшей цели. Всю социалистическую деятельность Жорес вначале основывал на деле Дрейфуса. Когда это последнее было задушено путем издания закона об амнистии, он приковал все взгляды и концентрировал все силы на «спасении республики». Как только это последнее стало разочаровывать даже тех, кто стоял в его рядах, он заглушил все сомнения, направив всеобщее внимание на новый пункт: на единство социалистов. Осуществлению единства нужно было подчинить временно всякое сомнение, всякое противоречие. Но социалистическое «единство» было последней картой, на которую Жорес поставил все. Теперь, когда она поставлена и — бита, и последняя видимость политического кризиса устраняется в силу беспрограммности правительства, — политике Жореса нечем козырять. А для метода, основанного на козырянии, это означает конец сказки.

III

Тем и заканчивается эпопея министерского социализма. Идя от поражения к поражению, он пережил одно за другим фиаско «республиканской защиты», социальных реформ, политики блока и, наконец, социалистического единства. Вместо обещанного усиления «политической и экономической силы» пролетариата, он вызвал лишь политическое ослабление его и дезорганизацию. И при этом еще нравственную деградацию.

В панамистской республике, прямо погибающей от политической коррупции всех буржуазных партий, социалистическая рабочая партия, больше чем в какой бы то ни было другой стране, была призвана выполнить особую задачу — оздоровить общественную жизнь, очистить политическую атмосферу. Она уже была на этом пути. Пред лицом скандалов, в которых за последние десятилетия, как в болоте, потонули все партии, французские социалисты стояли с чистым щитом. В отличие от развращающего влияния парламентского режима, погубившего и последнюю «демократическую партию», партию радикалов, Гэд, Вайян и Лафарг доказали французскому народу, что у политики могут быть и другие цели, кроме ведения за нос масс, что парламентаризм необязательно исключает честность. Социалисты впервые со времени существования республики показали, что можно принимать деятельное участие в политической жизни, не превращаясь в несколько лет в негодный политический труп, заражающий воздух. Со времени министерского эксперимента положение вещей существенно изменилось. Было бы глупо рассматривать дело Мильерана как коррупционный скандал, как продукт личного честолюбия и личного своекорыстия. По

крайней мере, что касается социалистических приверженцев Мильерана, то, несомненно, исходным пунктом наклонной плоскости для них было ошибочное понимание тактики, обычные оппортунистические иллюзии. Но для всякого, кто ближе знаком с событиями, не подлежит сомнению, что эра Мильерана создала благодарную почву для всяческой политической и личной коррупции в рядах социалистов.

Вот почему, когда читаешь то, что говорит буржуазная пресса — от оппортунистов и реакционеров до крайних левых радикалов, от «Фигаро» до «Блока» Клемансо — о социалистической партии, то улавливаешь оттенок презрения, пренебрежения, немыслимый еще несколько лет тому назад. Если раньше буржуазный политический мир во Франции, при всей его ярости и ненависти, невольно чувствовал к социалистам уважение, то после министерских экспериментов панамисты преисполнены злорадного чувства: «совсем как у нас!» Если обманываемая со времен Великой французской революции в течение целого столетия поочередно всеми партиями и вождями народная масса уже начала было выздоравливать от своего одностороннего презрения к парламентаризму, то в ответ на деяния «министра-социалиста» и его партийных спутников в парламенте, со страниц профсоюзной печати вновь звучит старый роковой клич французских рабочих: «остерегайтесь политиков!».

В результате не насчитывающего еще трех лет эпизода социалистическая партия имеет уже свою коллекцию совсем истасканных парламентариев и журналистов, поочередно выступавших за и против, голосовавших и писавших так и этак, обещавших все, чтобы не выполнить ничего, утерявших всякую внутреннюю стойкость и не имеющих уже ни единого чистого места на своем политическом щите.

Таким образом, корабль свободного от догм социализма возвращается в порт из своего пробного плавания по водам практической политической деятельности с разбитыми мачтами, поломанным рулем и трупами на палубе. Политическая жизнь Франции, а вместе с ней и французское рабочее движение вновь вступают на нормальный путь. Останется ли министерство Вальдека — Мильерана у власти или очистит место другим, но в «кризис» не верит уже во Франции ни один человек. Но прочным продуктом кризиса остается «социалистически-революционное единство» — залог дальнейшего нормального социалистического развития. По мере распада жоресистской партии это «единство» все больше и больше делается осью, вокруг которой кристаллизуются все пригодные и жизнеспособные социалистические элементы. Конечно, здесь тоже предстоит еще своего рода переходный период. Беглецы из лагеря министериализма, раньше чем примкнуть к старым сектантам, могут пуститься еще на организацион-

ные эксперименты. В этом смысле не исключена возможность временного образования «третьей партии» из оппозиционных элементов партии Жореса.

Но совершенно ясно, что этой «третьей партии» при данном конкретном положении вещей может быть уготована лишь одна роль — сидеть некоторое время меж двух стульев, чтобы в конце концов примкнуть к социалистически-революционному объединению, или превратиться в нуль. Ибо в основу образования центристской социалистической партии легли бы не принципиальные разногласия, а, в крайнем случае, некоторая невыясненность тактики, некоторые унаследованные из словаря Жореса лозунги об «односторонности фанатиков и догматиков», некоторые сомнения и антипатии, относящиеся ко времени ярых трений и столкновений, имевших место в последнее трехлетие.

Но так или иначе, и эти последние волны кризиса улягутся: они не в состоянии видоизменить русло великого течения французского социализма.

А общественное мнение в других странах? Оно тоже заметно отворачивается от бесплодных пустынь министериализма.

Замечательно, что зачастую к этому запоздалому выводу приходят в результате самых незначительных поводов. Проглотив, например, резню бастующих рабочих, голосование социалистов за осуждение социализма, вообще фиаско всего дела «республиканской защиты», кое-кто вдруг начинает понимать, что участие социалистов в министерстве надо отвергнуть, исходя из сравнительно безобидного опереточного приема, оказанного во Франции царю.

С той поры, как Ньютон открыл свою теорию миров, благодаря падению яблока, повидимому, стало законом, что люди понимают самые простые явления не раньше, чем гнилое яблоко ударит им в лоб.

И все же скоро наступит время, когда все будут единого мнения о министериализме и, в силу хорошо известного психологического явления, ни один человек вообще не захочет сознаться, что он держался иного мнения. Однако, раньше чем социалистический Интернационал перешагнет через крупный оппортунистический эксперимент Франции и перейдет к порядку дня, ему нужно из этого эксперимента вынести урок. Трехлетний период мильеранизма во Франции, по нашему мнению, является столь же важной вехой в истории международного рабочего движения, как — в другом смысле — десять недель Парижской коммуны 1871 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ ВО ФРАНЦИИ [1]

Если в настоящее время какая-нибудь страна может выявить в резких формах внутреннюю гнилость и политическую несостоятельность буржуазного парламентаризма, так это — современная Франция, и если какой-нибудь момент пролил яркий свет на все симптомы этой гнилости и несостоятельности, так это — последние французские парламентские выборы.

Главный интерес, какой имеют выборы в законодательные органы какой-нибудь страны для серьезных политиков и исследователей социальной жизни, т. е. прежде всего для классово-сознательного пролетариата, заключается, очевидно, в том предположении, что результаты выборов, состав законодательного корпуса, дают возможность заглянуть во внутреннее соотношение политических сил страны. При этом принимается предпосылка, что парламентская группировка народных представителей соответствует политической группировке народных слоев, а последняя — соотношению экономических и социальных интересов.

Но эта формальная идея парламентаризма отливается в реальное содержание, прямо противоположное своей идее и дающее, вместо верной картины, искаженное, карикатурное отображение социальных и политических условий страны.

Если читать отчеты о результатах последних выборов во Франции, то все они единодушно свидетельствуют о двояком итоге: министерские партии сохранили свое большинство, атака националистов отбита. Буржуазные осведомители, официозные телеграфные агентства и заграница — все торжествуют по поводу поражения французского национализма и победы правительственной партии.

Но что же скрывается фактически за этими иероглифами?

Разделение парламентских групп на «министерские» и «антиминистерские» есть чистый продукт парламентского режима, уже заранее оценивающий вопрос о сохранении каждого данного кабинета министров, как центральную ось политической жизни страны. Рациональная сама по себе идея, что правительство всегда должно быть орудием большинства народного представительства, на практике превращается буржуазным парламентаризмом в прямую свою противоположность, в рабскую зависимость народного представительства от состава каждого данного правительства. Яркое тому доказательство — трех-

[1] Leipziger Volkszeitung от 7 мая 1902 г.

летняя история кабинета Вальдека-Руссо. Никогда еще парламентаризм так не доводил сам себя до нелепости, как в отчаянной тираде министерской газеты Lanterne, по поводу голосований в декабре прошлого года китайских кредитов, что единственное средство вернуть французским парламентариям политическую свободу действия и независимость суждения заключается в отмене фатального вотума доверия, т. е. краеугольного камня парламентского режима!

Лозунг: «или министериалисты, или антиминистериалисты» отождествляется в настоящее время с другими лозунгами большего общеполитического объема: «или республиканцы, или националисты». Вся Франция как будто бы раскололась сейчас на два больших лагеря, между которыми идет борьба на жизнь и смерть, из которых каждая приписывает другой самые опасные для судеб Франции замыслы. Если послушать старого Рошфора или Жюля Леметра, или Мелина, то правительственные партии толкают Францию навстречу национальной гибели и страшному военному поражению. А если послушать Вальдека-Руссо или Буржуа, или Жореса, то «националисты» выжидают только момента, чтобы уничтожить республику и восстановить реакционную империю.

Какие же интересы представляют фактически оба воюющих лагеря? Что их разъединяет? Вопросы о республике и монархии? Но среди тех, кого валят в одну кучу под именем националистов, имеются рядом с монархическими группами и определенно республиканские, как, например, группа Мелина. Вопросы об армии? Но здесь между правительством и националистами, разными Лази, Эмберами и Монтебелло, царит величайшая гармония; они сошлись в приветственных проводах китайских отрядов, в оттягивании закона о двухлетней военной службе, равно как и в расшаркивании перед скомпрометированными генштабистами. Вопросы о клерикализме? Но здесь в решительный момент, при голосовании кредитов на возмещение убытков католическим миссиям в Китае, республиканское правительство получило вотум доверия от самых заядлых националистов. Внешняя политика? Но и здесь оказанным царю приемом, турецкой экспедицией, китайской экспедицией правительственные радикалы заслужили себе одобрение всех хороших «патриотов». Таможенная политика? Но «республиканское» правительство Вальдека-Руссо продолжает лишь политику протекциониста Мелина без малейших изменений. Социальная политика? Но разгром стачечников, надувательство углекопов, обращение с рабочими в государственных предприятиях (спичечных фабриках) совершенно напоминают времена Дюпюи или Мелина, и новейшие законопроекты и законы по охране труда

по своей бестолковости достойны стать рядом с распоряжениями оппортунистических министров!

Не то, чтобы оба лагеря — «республиканцы» и «националисты» — были политически тождественны! Наоборот, оба они, каждый сам по себе, представляют конгломерат (смесь) разнороднейших социальных и политических групп — от реакционнейшей крупной буржуазии и вплоть до мелкобуржуазно-пролетарских элементов. Но общим в обоих лагерях, наиболее характерным для них обоих симптомом служит их объединение не на почве каких-либо реальных экономических или политических интересов, не на основе социального классового и группового состава, а на почве туманных избитых лозунгов, в полное противоречие социальному классовому составу.

Такая путаница во взаимоотношениях групп, представляющих особые социальные интересы, является во Франции своеобразным продуктом буйного роста отдельных буржуазных группировок на плодородной почве третьей республики, одновременно и причиной и следствием периодически повторяющихся за последние двадцать лет кризисов, каковы: панамская афера, афера южных дорог, буланжизм. Последний из этих кризисов, дело Дрейфуса, выбросил на первый план лозунг о национализме и обороне республики. В такой мере и разделение всей Франции на враждующие лагери, по признаку столь расплывчатых лозунгов дня, представляется вполне понятным явлением.

Но впервые, и это особенный симптом последних выборов во Франции, значительная часть социалистов совершенно изменила своему политическому призванию. Совершенно ясно, что для буржуазных классовых интересов всего выгоднее, когда буржуазии удается навязать свои внутренние групповые конфликты, распри, в качестве боевых лозунгов и организационных директив также и пролетариату. Столь же ясно, что существеннейшая задача социализма заключается в том, чтобы, наоборот, постоянно противопоставлять буржуазным групповым расхождениям основное классовое противоречие, случайным политическим лозунгам дня — основные социальные классовые требования.

На это была направлена двадцатипятилетняя работа французской социал-демократии, Гэда, Вайяна и других, ей мы были обязаны совершенно исключительным успехом на выборах 1898 г., когда Франция дала около 800 тыс. социалистических голосов, вместо 400 тыс. в 1893 г.

На этот раз, с тех пор как Жорес и вся его группа, вдохновляемая делом Дрейфуса, растворилась в буржуазном лагере «республиканцев», и с тех пор в особенности, когда участие Мильерана в министерстве повело к республиканскому собиранию социалистов-министериалистов с бур-

жуазными партиями всех оттенков, дело социализма в значительной степени регрессировало. Социалисты-министериалисты не только не подвергали буржуазных республиканцев никакой критике, они, напротив, принимали во время выборов самое деятельное участие во всех буржуазных плутнях. Здесь велась речь не об экономических или социальных вопросах, не о таможенной, налоговой, социальной политике, не о классовых противоречиях: «республиканцы» и «националисты», — вот единственное различие, на которое «социалисты» умели указать рабочему классу. Общие кандидаты, взаимные рекомендации, братское слияние буржуазных партий с социалистами, — такова была картина жоресистской выборной кампании!

В противоположность им, социал-революционная группировка (Гэд — Вайян), в качестве классовой представительницы пролетариата, вела совершенно одна избирательную борьбу против всего буржуазного мира, вкупе с социализмом министериалистов. И около 350 тыс. голосов, которые она собрала в пользу своих кандидатов, являются единственным, несомненным результатом социалистического сознания во Франции. То, что называет себя «социалистичным» среди около 500 тыс. голосов социалистов-министериалистов, по своему составу и качеству столь же пестро, как весь «республиканский» лагерь, о победах которого телеграф разнес во все страны света радостную весть.

Международной социал-демократии выборы во Франции дают лишнее доказательство глубокого политического разложения министериального, оппортунистического социализма и в то же время — бодрящую уверенность, что, наперекор всему страшно разлагающему влиянию министериалистских экспериментов во Франции, внушительная цифра, свыше 350 тыс. классово-сознательных пролетариев, высоко держат знамя социализма во Франции.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ [1]

I

Рейхстаг вновь собрался при очень характерных сопровождающих обстоятельствах. С одной стороны, возобновившиеся наглые выпады реакционной печати — калибра «Post» — против всеобщего избирательного права, с другой — явные признаки «парламентской усталости» в самих буржуазных кругах, и притом все более бросающееся в глаза откладывание созыва рейхстага правительством до последнего момента перед рождественскими каникулами, — все это дает

[1] Sächsische Arbeiterzeitung от 5 и 6 декабря 1904 г.

яркую картину быстрого упадка важнейшего германского парламента и его политического значения. Теперь уже вполне ясно, что рейхстаг созывается, главным образом, для того, чтобы принять бюджет, новый военный законопроект, новые кредиты на африканскую колониальную войну [1], заблаговременно подготовляемые неизбежные новые морские требования и торговые договора, — все готовые факты, результаты внепарламентского воздействия политических факторов, перед которыми ставится парламент, долженствующий, как вотирующий автомат, дать средства на эту внепарламентскую политику. До какой степени буржуазия с полным сознанием и полной готовностью повторяет жалкую роль своего парламента, классически показывает заявление одной лево-либеральной берлинской газеты по поводу новых непомерных военных требований, означающих повышение контингента более чем на 10 тыс. чел. и соответствующих расходов в наступающем пятилетии на 74 млн., и предъявленных рейхстагу с приставленным к груди пистолетом, в виде обычной угрозы восстановить, в случае отказа, трехгодичную военную службу; газета предрекает с тихим вздохом: так как народное представительство не может этого (3-летней службы) пожелать, то можно «уже сейчас считать военный проект принятым». И это героическое пророчество либерализма оправдается, конечно, столь же блестяще, как и всякое другое предвидение, которое берет за исходную точку позорное самоотречение буржуазного большинства в рейхстаге.

Мы имеем здесь перед собою в судьбах германского рейхстага важную главу из истории буржуазного парламентаризма вообще, в тенденциях и внутренних связях которой рабочему классу весьма важно основательно разобраться.

Иллюзия борющейся за свое господство, а еще более — достигшей господства буржуазии, будто ее парламент является центральною осью социальной жизни, движущей силой в мировой истории, не только исторически объяснима, но и необходима. Это есть мировоззрение, естественным венцом которого служит пресловутый «парламентский кретинизм», за самодовольным рокотом речей пары сотен депутатов в буржуазной законодательной палате не замечающий гигантских всемирно-исторических сил, которые действуют вне ее, в недрах общественного развития, нисколько не считаясь с парламентской законодательной стряпней. Но именно эта игра слепых стихийных сил социального развития, в котором принимают участие сами буржуазные классы, помимо собственного сознания и собственной воли, ведет к неудержимому подрыву не только воображаемого, но и всякого вообще значения буржуазного парламентаризма.

[1] Война с гереро в Германской Юго-западной Африке.

Упадок буржуазных парламентов вызывается двойным воздействием как международного, так и внутриполитического развития, как это подтверждается на судьбах германского рейхстага ярче, чем в любой другой стране. С одной стороны, получившая за последний десяток лет огромный размах мировая политика вовлекает всю хозяйственную и социальную жизнь капиталистических стран в водоворот непредвидимых, не поддающихся учету международных влияний, конфликтов, преобразований, и в этом водовороте буржуазные парламенты бессильно мечутся из стороны в сторону, как утлые ладьи в бурном море.

С другой стороны, покорность и бессилие буржуазного парламента пред лицом этого сокрушительного напора волн мировой политики, милитаризма, маринизма, колониальной политики, подготовляется и созревает путем внутреннего развития классов и партий капиталистического общества.

Парламентаризм далеко не есть абсолютный продукт демократического развития, прогресса рода человеческого и тому подобных прекрасных вещей, а является, вернее сказать, определенной исторической формой классового господства буржуазии и, что представляет лишь другую сторону этого господства, ее борьбы с феодализмом. Буржуазный парламентаризм сохраняет свое жизненное начало лишь до тех пор, пока продолжается конфликт между буржуазией и феодализмом. Как только потухает живительный огонь этой борьбы, парламентаризм, с буржуазной точки зрения, теряет свою историческую цель. Но за последнюю четверть века общей тенденцией политического развития в капиталистических странах является компромисс между буржуазией и феодализмом. Продуктом и выражением этого компромисса служит затирание различия между вигами и ториями[1] в Англии, между республиканцами и клерикально-монархистской знатью во Франции. В Германии компромисс стоял уже у колыбели классового освобождения буржуазии, заглушив первый же его росток — мартовскую революцию,— и, заранее искалечив немецкий парламентаризм, обрек его на призрачное существование полумертвого ублюдка. Прусский конституционный конфликт[2] был последней вспышкой классовой борьбы немецкой буржуазии против феодальной монархии. С тех пор основа парламентаризма, политическое согласование народного представительства с правительственною властью регулируется не так, как в Англии, Франции, Италии, Соединенных Штатах, где правительство рекрутируется всякий раз из рядов парламентского большинства, а навыворот, в соответствии с особливым прусско-германским убожеством: каждая буржуазная партия, получившая в рейхстаге власть, становится тем самым правительственной партией, т. е. орудием феодальной реакции. Тому пример — судьбы национал-либералов и центра.

Достигши такого совершенства, феодально-буржуазный компромисс, превративший самый парламентаризм, с исторической точки зрения, в зачаточный, лишенный функций, орган, вызвал логически-неизбежно и те симптомы парламентского разложения, которые сейчас обращают на себя такое внимание. Пока продолжается классовая борьба между буржуазией и феодальной монархией, ее естественным выражением является открытая партийная борьба в парламенте. Напротив, на почве созревшего компромисса буржуазная партийная борьба в парламенте бесполезна. Столкновения интересов между различными группами господствующей буржуазно-феодальной реакции разрешаются уже не парламентской борьбой, а в форме тайных сделок за кулисами парламента. То, что осталось от открытой буржуазной парламентской борьбы, это уже не борьба классов и партий, а в лучшем случае, в отсталых странах, вроде Австрии, лишь национальная склока лиц и их групп, принимающая в парламенте форму скандалов и потасовок.

С отмиранием буржуазной партийной борьбы исчезают ее естественные органы: выдающиеся парламентские личности, большие ораторы и большие речи. Словесная борьба, как парламентское средство, представляется, вообще говоря, целесообразной лишь для той боевой партии, которая имеет опору в народе. Парламентская речь, по существу, обращена всегда «за пределы парламента». С точки зрения закулисных сделок, как нормального средства разрешать столкновения интересов на почве буржуазно-феодального компромисса, словесные турниры бесплодны, даже нецелесообразны. Отсюда — брюзжание буржуазных партий по поводу «многоглаголания» в рейхстаге, отсюда — парализующее, расслабляющее чувство собственной бесполезности, лежащее свинцовою тяжестью на всех словесных выступлениях буржуазных партий и превращающее рейхстаг в тоскливейшую духовную пустыню.

И в довершение всего буржуазно-феодальный компромисс поставил под знак вопроса краеугольный камень парламентаризма — всеобщее избирательное право. Последнее, с буржуазной точки зрения, имело исторический смысл лишь как орудие в борьбе между двумя великими фракциями имущих классов. Оно нужно было буржуазии, чтобы двинуть «народ» против феодализма. Оно нужно было феодализму, чтобы мобилизовать деревню против промышленного города. Но после того как самый конфликт разре-

[1] Виги и тории — либеральная и консервативная партии в Англии.

[2] Конфликт либерального большинства палаты депутатов в 1862 г. с Бисмарком.

шился компромиссом и оба опорных пункта — город и деревня — дали вместо либеральных и аграрных отрядов нечто третье — социал-демократию, всеобщее избирательное право, с точки зрения интересов буржуазно-феодального господства, стало нелепостью.

Таким образом, буржуазный парламентаризм проделал цикл своего исторического развития и пришел к самоотрицанию. Но, обусловливая собою эти судьбы буржуазии, как причина и следствие одновременно, социал-демократия заняла в стране и парламенте определенную позицию. Если для капиталистического общества парламентаризм потерял всякое содержание, то для подымающегося рабочего класса он стал одним из могущественнейших и необходимых средств классовой борьбы. Спасение буржуазного парламентаризма от буржуазии и против буржуазии является одной из насущных политических задач социал-демократии.

В такой формулировке задачи кроется, казалось бы, внутреннее противоречие. Но, как говорит Гегель, «противоречие есть движущий стимул». Из этой противоречивой задачи социал-демократии по отношению к буржуазному парламентаризму для нее вытекает обязанность защищать и поддерживать эти разваливающиеся остатки былого буржуазно-демократического величия в такой форме, которая одновременно ускоряет окончательное крушение всего буржуазного строя и захват власти социалистическим пролетариатом.

II

В наших рядах часто встречается взгляд, что объективное освещение внутреннего разложения буржуазного парламентаризма и открытая резкая его критика имеют ту опасную сторону, что этим парламентаризм развенчивается в сознании народа, и облегчается для реакции ее подкапывание под всеобщее избирательное право.

Для того, кто тесно сросся с идеологией социал-демократии, несостоятельность таких соображений заранее очевидна. Никогда нельзя обеспечить истинные интересы социал-демократии, как и демократии вообще, затуманиванием фактически существующих взаимоотношений перед широкими народными массами. Дипломатические трюки могут временами годиться в качестве средств для мелких парламентских шахматных ходов буржуазных клик. Великое же всемирно-историческое движение социал-демократии знает лишь самую беспощадную правдивость и искренность по отношению к рабочей массе. Ведь и подлинное ее существо, ее историческое призвание заключается в том, чтобы принести пролетариату ясное сознание социальных и политических движущих сил буржуазного развития как в целом, так и во всех деталях.

В частности, в отношении парламентаризма, безусловно, необходимо максимальное ясное сознание истинных причин его разложения, как они с железной логикой вытекают из буржуазного развития, для того, чтобы предостеречь классово-сознательный пролетариат от той губительной иллюзии, будто смягчениями и притуплением социал-демократической классовой борьбы возможно искусственно вдохнуть буржуазной демократии и оппозиции в парламенте новую жизнь.

Крайние последствия в применении этого метода спасения парламентаризма мы переживаем сейчас в министериалистической тактике Жореса во Франции. Она покоится на двойном ухищрении. С одной стороны, на том, чтобы распространять в рабочих кругах самые преувеличенные надежды и иллюзии в отношении тех положительных достижений, каких они вообще в праве ожидать от парламента. Буржуазный парламент прославляется не только как призванное орудие социального прогресса и справедливости, поднятия рабочего класса, всесветного мира и т. п. расчудес; он выставляется даже как средство, призванное для осуществления конечных целей социализма. Таким путем все упования, все стремления, все внимание рабочего класса концентрируются на парламенте.

С другой стороны, в самом парламенте все поведение социалистов-министериалистов бывает направлено исключительно на то, чтобы привести к господству и сохранить живым жалкие, внутренне-мертвые остатки буржуазной демократии. Для этой цели совершенно отрицается классовая противоположность пролетарской политики по отношению к буржуазно-демократической политике, прекращается социалистическая оппозиция, и жоресистские социалисты выступают в конце концов в своей парламентской тактике даже как чисто буржуазные демократы. От настоящих демократов эти ряженые демократы отличаются только лишь своей социалистической вывеской и.... большею умеренностью.

Большего самоотречения, большего заклания социализма на алтаре буржуазного парламентаризма нельзя себе, пожалуй, и представить. А результаты?

Роковое влияние жоресистской тактики на классовое движение французского пролетариата общеизвестно: роспуск рабочих организаций, идейная смута, деморализация социалистических депутатов. Но здесь нас интересует не это, а последствия указанной тактики для самого парламентаризма. Последствия же эти крайне фатальны. Об усилении, обновлении политики буржуазных демократов, республиканцев, «радикалов» не может быть и речи; наобо-

рот, они потеряли всякий страх и почтение к социализму, который раньше хотя бы в некоторой мере их поддерживал. Но гораздо опаснее другой симптом, появившийся за самое последнее время, а именно — растущее разочарование самих французских рабочих в парламентаризме. Преувеличенные иллюзии, культивируемые среди пролетариата жоресистской политикой фраз, должны были, естественно, повлечь за собой сильную реакцию, и они, действительно, привели к тому, что в настоящее время значительная часть французских рабочих не хочет ничего больше знать не только о жоресизме, но и о парламенте, о политике вообще.

Обычно столь разумный и полезный орган молодых французских марксистов Mouvement socialiste поместил только что совершенно неожиданно ряд статей, в которых проповедует отход от парламентаризма к чисто профессиональной работе и усматривает «истинную революционность» в исключительно экономической борьбе рабочих. Одновременно другая провинциальная социалистическая газета, Travailleur de l'Yonne, выступает с еще более оригинальной идеей, доказывая, что парламентская акция для пролетариата совершенно бесполезна и оказывает на него разлагающее влияние, почему было бы лучше отныне отказаться от выбора социалистических депутатов вообще и посылать в парламент только хотя бы буржуазных радикалов.

Таковы прекрасные плоды спасительной работы жоресистской фракции в области парламентаризма: растущее отвращение в народе ко всякой парламентской акции, отход к анархизму, словом, величайшая действительная опасность для существования парламента, а также и республики вообще.

В Германии такие отклонения социалистической практики от классовой борьбы при данных условиях, конечно, немыслимы. Но крайние выводы, до которых дошла в своем развитии эта тактика во Франции, служат и всему международному движению пролетариата недвусмысленным предостережением, что свою задачу — охранять гибнущий буржуазный парламентаризм — он должен преследовать не на этом пути. Истинный путь заключается не в затушевывании и отказе от пролетарской классовой борьбы, а, наоборот, в самом резком подчеркивании и развертывании этой борьбы как в парламенте, так и вне его. Для этого необходимо как усиление внепарламентской акции пролетариата, так и определенное формирование парламентской акции наших депутатов.

В полную противоположность ложному принципу жоресистской тактики, основы парламентаризма охраняются тем лучше и вернее, чем больше наша тактика рассчитана не

на один только парламент, но и на прямую акцию пролетарской массы. Опасность, грозящая всеобщему избирательному праву, уменьшается в той мере, в какой господствующие классы проникаются, благодаря нашей деятельности, ясным сознанием того, что истинная сила социал-демократии покоится отнюдь не на влиянии ее депутатов в рейхстаге, а находится вне его, в самом народе, «на улице», и что социал-демократия, в случае надобности, сможет и захочет мобилизовать народ для непосредственной защиты своих политических прав. Этим мы не хотим сказать, что достаточно, например, держать в кармане наготове всеобщую стачку как автоматическое, так сказать, средство, чтобы считать себя достаточно вооруженным против всех случайностей политики. Политическая всеобщая стачка есть без сомнения одна из наиболее важных форм выявления массовой акции пролетариата, и безусловно необходимо, чтобы германский рабочий класс приучился рассматривать и это средство, испытанное доныне только в романских странах, без всякого предубеждения и преднамеренного доктринерства, как одну из форм борьбы, которая могла бы быть применена и в Германии. Но еще важнее общее построение нашей агитации, нашей печати в том смысле, чтобы рабочая масса все больше опиралась на собственную силу, на собственную акцию и не смотрела на парламентскую борьбу как на центральную ось политической жизни.

С этим связана самым тесным образом наша тактика в самом рейхстаге. Что всякий раз так облегчает нашим депутатам их блестящую кампанию и выдающуюся роль? Причина этого заключается ведь в отсутствии в германском рейхстаге всякой буржуазной демократии и оппозиции, которая заслуживала бы такого названия; это необходимо вполне себе уяснить. Для социал-демократии, как единственной последовательной и выдержанной защитницы интересов народного благосостояния и прогресса во всех областях общественной жизни, критика реакционного большинства больших трудностей не представляет.

Но из той же своеобразной ситуации вытекает для социал-демократической фракции трудная задача — выступать в качестве представительницы не только оппозиционной партии, но и революционного класса. Иными словами: ее задача заключается не только в том, чтобы критиковать политику господствующих классов с точки зрения народных интересов данного момента, т. е. с точки зрения существующего ныне строя, но и в том, чтобы противопоставлять ей на каждом шагу социалистический идеал общества, опережающий самую прогрессивную буржуазную политику. И если все дебаты в рейхстаге дают народу полное основание заключить, насколько разумнее, прогрессивнее и выгоднее

в хозяйственном смысле складывалось бы положение в современном государстве, если бы всякий раз выполнялись пожелания и предложения социал-демократии, то нужно, чтобы еще гораздо чаще, чем до сих пор, народ из дебатов в рейхстаге выносил убеждение, насколько необходимо ниспровергнуть весь этот строй, чтобы осуществить социализм.

В последнем номере «Sozialistische Monatshefte», в статье одного из вождей итальянских оппортунистов, Биссолати, об итальянских выборах имеется, между прочим, такая фраза: «По моему мнению, это служит доказательством отсталости политической жизни, когда борьба отдельных партий вертится еще вокруг их основных тенденций, вместо того чтобы выявлять отдельные вопросы, вытекающие из насущных интересов повседневной жизни, в которых эти основные тенденции находят свое выражение». Ясно, что это типичное рассуждение оппортунизма извращает действительность, ставит ее вверх ногами. По мере развития и укрепления социал-демократии, становится все более настоятельно необходимым, чтобы именно в парламенте она не погрязла в отдельных вопросах повседневной жизни и не занималась исключительно только политической оппозицией, а все сильнее выдвигала свою «основную тенденцию»: стремление к захвату политической власти пролетариатом, с целью совершения социалистического переворота.

Чем громче будет раздаваться в рейхстаге, в резкий разнобой с пошлым, трезвым тоном и плоской деловитостью всех буржуазных партий, свежий могучий голос социал-демократии, проводящий широкую агитацию не только за свою программу-минимум, но и за свои конечные социалистические цели, тем выше будет подниматься авторитет рейхстага в представлении широкой народной массы. И тем вернее можно будет рассчитывать, что народная масса не даст спокойно реакции вырвать из своих рук эту трибуну и всеобщее избирательное право.

«БАВАРСКИЕ ДЕЛА» [1]

I

Fränkische Tagespost в номере от 1 сентября цитирует из моего доклада, с которым я выступила в Лейпциге 29 августа, то место, где я выразила свое суждение о выборах в баварский ландтаг, и пишет по этому поводу:

«Судя по этим словам, г-жа д-р Люксембург пребывает, повидимому, в столь блаженном неведении о баварских условиях, что ее отзыв теряет всякую цену. Такие выражения, как «выборный союз», «помогли», «стрелка весов»... Поэтому мы не видим никаких оснований защищать баварскую тактику от подобного рода наскоков» [2].

[1] Leipziger Volkszeitung от 6, 7 и 13 сентября 1899 г.

[2] В упомянутом своем лейпцигском докладе, посвященном задачам ближайшего партийного съезда, Роза Люксембург сказала, между прочим, следующее:

«Новейший букет оппортунизма был нам преподнесен во время последних выборов в баварский ландтаг в форме выборного союза с заклятым врагом социализма, центром союза, который совершенно порывает с старыми традициями партии. До сих пор важнее всего считалась не погоня за мандатами, а рост сознательности масс, благодаря агитации, и если при перебаллотировках социал-демократы отдавали свои голоса буржуазным элементам, то делалось это для того, чтобы усилить оппозицию. В Баварии уже помогли наиболее реакционной и лицемерной партии достичь абсолютного большинства... Все проявления оппортунизма имеют одну общую характерную черту, которая заключается в повседневной погоне за непосредственным успехом любой ценой. Осуществление социализма,—говорят застрельщики оппортунизма,—прекрасная вещь, но она находится в дали веков; научимся ценить синицу, которую имеем в руках, звонкую монету успеха. Поэтому—для оппортунизма хороши все средства, ведущие к цели. В ущерб подъему сознательности масс ведутся выборные шашни с центром, партией народного обмана; чтобы добиться от правительства уступок, готовы вотировать ему пушки. Таким образом, принципы идут на смарку, утрачиваются правильные критерии для всей деятельности, она определяется от случая к случаю. Эдуард Бернштейн нашел удачную формулу для выражения этого оппортунизма, когда сказал: конечная цель для меня ничто, движение все...

Допустим, что пролетариат получил избирательное право, по рецепту тов. Гейне, ценою вотирования военных требований. Разве такое достижение было бы практичнее и прочнее, чем в том случае, если бы мы его

В партии уже с давних пор нас приучили к тому, что когда заходит речь о каком-нибудь новом шедевре **баварской государственной** партийной политики, начинают ссылаться на особенности баварских условий, причем эти особенности сводятся к двум положениям: во-первых, то, что повсюду на свете бело, в Баварии обязательно оказывается черным, и наоборот; во-вторых, чтобы составить себе основательное мнение о баварской тактике, необходимо родиться в Баварии или, по меньшей мере, прожить там безвыездно ряд лет.

Правда, эти общие положения с течением времени потеряли в значительной степени кредит партии. Но как раз история последних баварских выборов в ландтаг особенно пригодна, чтобы разрушить миф о «баварских особенностях». Небезынтересно поэтому разобрать вопрос именно с этой стороны.

В последнем выступлении баварских товарищей особенно поражают блестящие его практические результаты. Сделка с центром оказалась настолько выигрышной в таких различных направлениях, что обычные наши выборы в рейхстаг и вообще все прежние бескомпромиссные выборы рядом с нею совершенно тускнеют.

Подумайте только: по **Парвусу**—мы нашли путь отнять у центра **избирателей**; по мнению одного «компетентного» баварского товарища, мы подкопали **политическое господство** центра в Баварии; тов. **Эрхардт** говорит, что разрушено политическое господство **либерализма**, а тов. **Фольмар** утверждает, что, сверх того, нанесен смертельный удар теперешнему выборному закону в ландтаг... Все сие совершенно независимо от огромного прироста социал-демократических голосов и значительного увеличения социал-демократической фракции.

Такое обилие столь многосторонних успехов, что поневоле сейчас же приходит в голову вопрос: не **слишком** ли много всякого добра, тем более, что одно противоречит другому.

авоевали решительной революционной борьбой, как в Бельгии? Если бы мы получили избирательное право в обмен за пушки, то на завтра, когда мы потребуем своего избирательного права, жерла этих пушек направятся против нас. Или же посмотрим, какую практическую пользу принесли нам новейшие выборные комбинации в Баварии. Раньше, когда ни центр, ни свободомыслящие не имели большинства в баварской палате, вопрос часто решался голосами социал-демократов; в настоящее время, когда они сами обеспечили центру большинство, они образуют пятое колесо в телеге. При этом еще, в довершение всего, социал-демократия теряет доверие народа. Католические рабочие, которых баварские социал-демократы надеются частично привлечь на свою сторону путем резкой критики центра в ландтаге, скажут себе: хорошенькая банда, нечего сказать. Вчера они сами помогли нам получить большинство, а сегодня обливают нас грязью».

В самом деле, непосвященному после всего сказанного могло бы быть первым делом не совсем ясно, чего ради необходимо было голосовать за центр. По мнению **Парвуса**,—по той причине, что реакция центра более старой даты, т. е. потому, что центр **реакционнее** либералов. По мнению Münchener Post,—наоборот, потому что **либералы** реакционнее центра. Точно так же неясен и второй вопрос: против какой партии, собственно говоря, было направлено заключенное социал-демократией соглашение. По уверению одной стороны, нужно было положить конец политическому господству либерализма. По другой расшифровке, хитроумная политика имела прямо противоположную цель: скомпрометировать и политически подорвать центр тем, что теперь он вынужден был принять на себя ответственность за политику ландтага.

Ко всем прочим аргументам исследователь может сам точно таким же образом придумать прямо противоположные.

Социал-демократы своим выборным соглашением пробили себе путь к массам, находящимся под влиянием центра. Тот факт, что центр сам заключил выборное соглашение с социал-демократией, должен убедить массы избирателей, что социал-демократический чорт не так страшен, как его малевал центр. Но этот аргумент обоюдоострый и с таким же успехом может быть обращен **против** социал-демократии и в **пользу** центра. Масса избирателей может с таким же правом сделать из компромисса тот вывод, что **центр** не такой злокозненный чорт, как им его рисовала раньше социал-демократия, раз она сама помогла ему получить большинство. Вдобавок та ограниченная агитация **против** центра, которую теперь хочет поднять усилившаяся социал-демократическая фракция, может легко создать у массовых избирателей центра, простых, неискушенных государственной яростью людей, впечатление о социал-демократии, как об изолгавшейся двуличной партии, которая сначала способствует своим противникам получить господство, а затем клеймит их господство и борется против него.

Важнейший же аргумент заключается в том, что результаты выборов в ландтаг нанесли смертельный удар ныне действующему выборному закону. По выражению Фольмара, современная выборная система «была использована для основательного потрясения существующей выборной процедуры». В чем же состоит это потрясение? В том, что ужас и горе либералов по поводу столь же неожиданного, сколько и заслуженного поражения, а также долженствующее возникнуть у центра сознание, что «при дальнейшем сохранении теперешнего выборного бесправия и его может постигнуть подобная же неудача», побудят ландтаг «двинуть, наконец, вперед так долго откладывавшуюся избирательную реформу».

И здесь опять-таки что-то слишком уж много сделано для избирательной реформы. Ибо реформа должна исходить в одинаковой мере и от либералов, которым избирательный маневр нанес чувствительное поражение, и от центра, которому он обеспечил абсолютное большинство. Если допустить, что истекшая избирательная кампания послужит действительно для обеих партий толчком в деле избирательной реформы, то возникает вопрос, в каком направлении они будут проводить эту реформу. Очевидно, и даже по собственным словам Фольмара,—лишь в том направлении, что центр будет стремиться сделать свое господство независимым от голосов социал-демократии, а либерализм — обезопасить себя от ударов социал-демократии. В обоих случаях все сводится лишь к тому, чтобы уменьшить шансы социал-демократии при выборах, а не увеличить их.

Но при этом обилии всякого рода успехов — избирательная реформа должна ведь еще продвигаться третьим путем, собственной деятельностью усилившейся теперь социал-демократической фракции. Это и есть фактически единственно основательная перспектива в вопросе об избирательной реформе. Какую роль, однако, играет здесь возросшее число социал-демократических депутатов? Когда утверждали, что социал-демократическая фракция обязана была своим значением в последнем ландтаге взаимному соотношению числа депутатов обеих буржуазных партий, то Münchener Post возражала возмущенно: «...Маленькая социал-демократическая фракция достигла своих успехов не в роли «стрелки весов», в которой при данных обстоятельствах ей было совершенно отказано, эти успехи являются исключительно результатом ее искусной и энергичной работы, ее принципиального и решительного противодействия обеим большим партиям!»

Это прекрасно сказано. Не количественные соотношения дают партии оппозиционного меньшинства влияние и значение в народном представительстве, а ее «искусная и энергичная работа», «ее принципиальное и решительное противодействие» всем партиям большинства. Но как понять тогда погоню за мандатами любою ценою? Вновь приобретенные при помощи компромисса места в ландтаге, казалось бы, ослабили, а не усилили «принципиальное и решительное противодействие»...

Итак, если проанализировать вопрос, то от всех блестящих успехов, достигнутых при помощи выборной сделки, остается, в последнем счете, как неоспоримый, наглядный факт, один только прирост мандатов в ландтаге, а все прочие ожидаемые завоевания преподносятся больше для вящшего оттенения этого главного результата.

В баварском ландтаге депутат центра Ортерер заявил как-то в ответ на замечание, что избранные в 1893 г. пять социал-демократов образуют только острие топора: «нужно принять меры, чтобы это острие не поранило центр». На этот раз социал-демократический топор помог центру получить большинство в ландтаге...

II

Мы спрашиваем теперь: что же специфически «баварского» во всей баварской выборной сделке?

Быть может, это относительно прогрессивный демократический характер баварского центра в отличие от политики этой партии в остальной Германии?

На это справочник для избирателей в баварский ландтаг дает нам следующий ответ: «Нет, в германском центре нет ни следа духа таких людей (как Кеттелер и Маннинг), в нем нет места новым социально-экономическим или политическим идеям. И в армии германского центра баварцы составляют самый отсталый отряд» (курсив в оригинале, стр. 35).

Или это, быть может, сочувственное отношение баварского центра к избирательной реформе, к всеобщему избирательному праву, в противоположность его реакционности по другим вопросам?

На это нам дает ответ речь депутата Ортерера, который заявил в баварском ландтаге от имени центра: «Ни при каких обстоятельствах мы не дадим согласия на избирательный закон, который таил бы в себе опасность, что при быстром росте пролетариата больших городов крестьянское население с его интересами будет не только оттеснено, но даже угнетено» (Справочник для избирателей в баварский ландтаг, стр. 16). В справочнике (стр. 12) сказано еще дословно: «Из собственных заявлений этих господ (из центра) следует неопровержимо, что по важнейшему пункту — проведению прямого избирательного права — может быть немедленно достигнуто необходимое большинство двух третей голосов, как только этого пожелает решающая партия центра».

Ответ дает и заявление, сделанное на Мюнхенском социал-демократическом партийном съезде: «не препятствия конституционного характера или иные, но исключительно злая воля центра и других господ виною тому, что избирательная реформа до сих пор еще не проведена» (там же, стр. 16).

Итак, на сей раз «баварские особенности», во всяком случае, не заключаются в свойствах соответствующих буржуазных партий. Правда, выборная тактика баварских

товарищей обнаруживает некоторое своеобразие, но оно заключается в другой области, а именно; в методе политической борьбы социал-демократии. Так, например, крайне своеобразно, что, в целях ниспровержения существующего избирательного закона, им пользуются для создания абсолютного большинства партии, наиболее враждебной реформе этого самого избирательного закона. Обычно, по старой традиции, социал-демократия привыкла иначе бороться за реформу избирательного бесправия, а именно тем, что она его при каждом подходящем случае возможно яснее разоблачает перед народом. С этой точки зрения, наиболее действительным мыслимым средством при выборах в ландтаг было бы, если бы баварская социал-демократия оперлась исключительно на собственные силы. Какою это было бы сокрушительной уликой против существующего выборного закона, если бы социал-демократия при удвоенном количестве избранных выборщиков не завоевала ни одного нового места! На какое кровное позорище была бы выставлена перед всей страной запутанная избирательная процедура, если бы некоторые выборные округа, несмотря на повторное участие в выборах, «остались совсем без представительства», как выразился Фольмар в журнале Die Wage! Такой результат должен был бы послужить могущественным стимулом для массового движения в пользу избирательной реформы и оказать сильное давление на буржуазные партии.

В этом смысле тактика баварских товарищей имела неблагоприятное влияние, ибо теперь они ведь обеспечили себе на основе существующего избирательного закона изрядный прирост мандатов, благодаря чему их жалобы на этот закон теряют значительную долю своей убедительности.

Баварские товарищи подошли к избирательной реформе не с той стороны, с какой следовало: они ожидают непосредственно от буржуазных партий, что результат последних выборов побудит их добиваться реформы в интересах своего собственного господства, в интересах реакции. Между тем как в первом случае можно было дать сильнейший толчок движению в самом народе, во всей стране, теперь реформа ожидается от буржуазных партий ландтага, от их парламентских интересов.

Так можно было толкать буржуазные партии к реформе путем натиска народного движения; здесь предполагается побудить их к этому, при помощи парламентской комбинации на окольном пути, апеллируя к их собственным враждебным народу интересам.

Словом: вместо того, чтобы действовать исключительно путем давления народа, баварские товарищи надеются на возможность реформировать избирательный закон при помощи парламентских фокусов. Эта тактика, действительно,

в высшей степени своеобразна, но не представляет, очевидно, ничего особенно специфического именно для Баварии. Напротив, она характерна для политики всех буржуазных партий различных стран, у которых точно так же центр тяжести политической борьбы лежит не в народных массах, а в парламенте.

Не менее своеобразно, когда несколько мандатов в ландтаг покупаются ценою усиления противной партии и перемещения соотношения сил агитационной деятельности социал-демократии. Мы говорим о передвижке соотношения сил в ущерб социал-демократической агитации. Правда, баварские товарищи отвергают приписываемую им роль стрелки весов в прежнем ландтаге при важных голосованиях. Но дело не в голосованиях, не в решениях по поводу законопроектов, а прежде всего в общем агитационном влиянии социал-демократических представительств. Указание Münchener Post совершенно правильно: социал-демократия обязана везде своим значением только «своей энергичной работе и, главным образом, своей принципиальной оппозиции буржуазным партиям». Но при этом ее успех зависит в значительной степени от обстоятельств. И если где-либо были налицо условия, облегчающие социал-демократии ее работу, и в частности ее принципиальную оппозицию, то именно в прежнем баварском ландтаге. В нем обе буржуазные партии, против которых направлена борьба, были одинаково враждебны народу, но взаимное соотношение сил заставляло их при каждом реакционном акте вступать в коалицию; при таких условиях домашние распри обоих буржуазных лагерей отступают на задний план, они противостоят народу, как «одна реакционная масса». Было не трудно поэтому разоблачать каждый раз обе буржуазные партии и самым ясным образом обнаружить классовый характер ландтага, социальную подоплеку всей буржуазной политики.

Это самое служило основой для блестящей деятельности социал-демократической фракции.

В настоящее время положение вещей иное. Благодаря господству центра и поражению либералов, опять обостряется противоречие между ними, и прежнее ясное и четкое классовое деление в такой же мере затемняется. Правда, центр будет нести «ответственность» за реакционный режим в Баварии, но классовое сознание, однако, выигрывало, когда эту ответственность вместе с центром несли и либералы, т. е. вся буржуазия, как таковая.

Таким образом, своеобразие тактики баварских товарищей заключается здесь в том, что мандаты в ландтаге они приобрели ценою общих интересов классового сознания,

т. е. они рассматривают мандаты не как средство лишь к достижению цели, а как самоцель.

Но и эта своеобразная политическая точка зрения отнюдь не характерна именно для Баварии. Если она до сих пор не находила себе применения у социал-демократии, то характерна она, опять-таки, для всех буржуазных партий во всех странах. Подлинно своеобразное в баварской выборной тактике ожидание избирательной реформы от парламентских фокусов, а не от массового движения, погоня за мандатами за счет роста сознательности масс,—все это при ближайшем рассмотрении не заключает в себе ничего специфически баварского и составляет, напротив, верные симптомы обычного оппортунизма, как он проповедуется не только в Баварии, но и в Франкфурте-на-Майне, в Эльберфельде, в Майнце. И в этих, как и во всех прежних, случаях оказывается, что там, где в вопросе партийной политики начинают ссылаться на «особенности баварских условий», они служат фактически лишь прикрытием для «обычной» государственной политики, для доброго старого оппортунизма.

Подтверждением этому служит, впрочем, еще одно обстоятельство, о котором не мешает вспомнить в связи с предстоящим партийным съездом.

Если бы оппортунистическая политика, поскольку она проявляется у баварских товарищей, обусловливалась действительно особенностями баварских условий, то во всех вопросах общей политики, имеющей силу для остальной Германии, баварские товарищи должны были бы логически высказываться за самую радикальную, самую революционную тактику. Как это ни странно, фактически дело оказывается как раз наоборот, как показало выступление тов. Фольмара в Штутгарте. «Практическая политика» представляется ему целесообразной также и для всей германской социал-демократии, также и там, где пресловутые «баварские условия» совершенно отсутствуют. Стало быть, дело здесь в тактике, а не в стране, в оппортунизме, а не в Баварии.

И если Баварии уж суждено играть при этом особую роль, то заключается она, по нашему мнению, лишь в том, что баварские эксперименты лучше всего как раз и пригодны, чтобы скомпрометировать эту тактику, как показывают и последние «выборные завоевания». Правда, шесть мандатов в ландтаге — вещь недурная, но... habent sua fata — mandata (мандаты имеют свою судьбу).

III

Наша оценка баварского выборного соглашения вызвала ответ в передовой статье Fränkische Tagespost от 9 сентября и в политическом обзоре Münchener Post от 12 сентября.

Мы уже обращали внимание на внушающие тревогу обилие и разнообразие блестящих успехов, достигнутых этим избирательным маневром. Но теперь оказывается, что мы были посвящены далеко еще не во все успехи, и что достаточно чуть-чуть затронуть баварских товарищей, чтобы они постепенно раскрывали все более серьезные основания для своего компромисса. В частности Fränkische Post поведала нам о совершенно новом мотиве: социал-демократия может теперь, благодаря своему усилению, избрать представителя в финансовую комиссию, а последняя является «душою ландтага».

Если кто-нибудь не был до сих пор непоколебимо убежден в необходимости сделки с центром, то теперь должен проникнуться этим убеждением. Социал-демократ в финансовой комиссии, этой «душе ландтага»,— неужели это не стоило компромисса с центром? Правда, нас несколько должна удивить проявленная баварскими товарищами скромность. Ибо на том же пути компромисса можно пробраться гораздо дальше финансовой комиссии; можно, без сомнения, добраться до министерства финансов, этой «души правительства». Заключив соглашение с центром, можно с таким же успехом заключить соглашение с правительством. Во всяком случае, в вопросе о реформе избирательного закона баварское правительство прогрессивнее и надежнее центра.

«Но центр,—восклицает Fränkische Tagespost,—и без нас получил бы большинство; и мы бы на этом ничего не выиграли!» Это — блестящая аргументация, живо напоминающая нам рассуждения русских чиновников-взяточников, уговаривающих своих более совестливых сослуживцев: «Бери, чудак! Если ты не возьмешь, то хапнет кто-нибудь другой!»

Эта аргументация заключает в себе крайне важное общее правило для социал-демократической тактики. Если нам следует поддерживать все, «что осуществляется и без нашего содействия, и чему мы не можем воспрепятствовать, да... в таком случае мы могли бы, собственно говоря, голосовать и за броненосцы, и за хлебные пошлины, и за военные законопроекты, ибо все это будет, несомненно, и без того вотировано помимо нас.

За этим рассуждением кроется следующий тезис: не следует бороться против вещей, которым мы не можем воспрепятствовать, напротив,— необходимо их поддержать, чтобы таким путем извлечь для себя выгоду. Такие соображения нам знакомы, эту песню мы уже слышали в Гамбурге, где нам говорили: «Солдаты, новые военные контингенты и все прочее уже вотировано, мы ничего в этом изменить не можем, это находится вне зависимости от нас... В таком положении,

когда мы не можем помешать войнам, то нельзя уже давать нашим солдатам плохие ружья, плохие пушки[1].

Это точь-в-точь ход мыслей баварских товарищей. Но тем самым они дали убедительнейшее доказательство, насколько они с своим выборным соглашением сошли с почвы принципиальной оппозиции. Ибо что такое, в сущности, принципиальная оппозиция? Не что иное, как сопротивление и там, где мы еще не имеем силы изменить условия. Именно потому, что в капиталистическом обществе мы не в состоянии устранить хозяйничанье господствующих сил, мы боремся, по крайней мере, принципиально, отклоняя свою долю ответственности за их наличие. В этом именно и состоит вся «принципиальность» социал-демократической борьбы в буржуазном обществе, что мы ему, по крайней мере, отказываем в нашей поддержке там, где мы не в состоянии изменить положение вещей.

Но ни сейчас, ни в предвидимое время, мы не можем устранить капиталистическое государство, и, следуя баварскому правилу, мы должны были бы поддерживать его везде, где при этом пахнет выгодою для нас. Стоит только обобщить таким путем мотивировку баварского выборного компромисса, и мы из социалистической рабочей партии превращаемся... в буржуазную.

К таким выводам приводят «баварские особенности». Впрочем, эти особенности — очень деликатная материя. Если мы, северо-германцы, так мало знаем баварские условия, что не в состоянии вынести компетентное заключение о применимости социал-демократических принципов в Баварии, то как же, например, баварская социал-демократическая печать берется судить об управлении колониями в Восточной Африке? Мы опасаемся, что если тов. Фольмар возьмет себе слово в рейхстаге по поводу колониальных дел, то как бы с правительственных мест не раздался окрик: Что, плохая администрация? Телесные наказания для женщин противоречат принципам гуманности? Это абстрактное принципиальничанье; нужно знать условия; там, в Африке, нас бы совершенно не поняли, если бы мы не употребляли кнута. «Кто участвует в практической политической работе, не может настолько увлекаться чувствами и принципами, чтобы ради догматических причуд... скажем, подрывать авторитет власти и из вредного принципиального фанатизма мешать тому делу, которому призван служить»[2].

Но со стороны баварских товарищей это лишь уловка, когда они изображают дело так, будто их выборное соглашение оспаривается только во имя абстрактного принципа. Было бы слишком много чести этой политике и в то же время величайшей несправедливостью по отношению к социал-демократическим принципам, если бы мы хотели видеть в баварской истории только нарушение принципов.

[1] Шиппель на партийном съезде 1897 г. в Гамбурге (протоколы, стр. 137).

[2] Münchener Post от 12 сентября, № 205, стр. 2.

Важнейшую роль в этой истории играет именно практическая сторона, «наглядный успех». Последний заключался, как известно, прежде всего в том, что товарищи утверждали, будто созданием враждебного избирательной реформе большинства центра они самым действительным путем способствуют осуществлению избирательной реформы. Мы указывали на превратность этой «практической политики». Что же отвечают нам на это баварцы? Fränkische Tagespost отвечает смущенно: «Очень вероятно, что необходимое преобразование (выборной процедуры) постараются провести в ущерб социал-демократии, это соответствует обычным тенденциям буржуазии... Но нам придется на ближайших порах выяснять, как далеко в Баварии реакция захочет и сможет пойти в этом направлении».

Вот и все, что осталось от пресловутого «сокрушения избирательного закона», от нанесенного ему «смертельного удара!» Fränkische Tagespost вынуждена признать, что путем выборного маневра не удалось достичь гарантии за основательную выборную реформу, и утешает себя тем, что нужно на первых порах «выждать» результатов! Таков «наглядный успех» блестящей «практической политики» оппортунизма.

Право, приходится очень сожалеть, что мы не можем себе позволить применить к оппортунистам ту же гениальную тактику, которую они сейчас применили в Баварии к центру, т. е. дать им на некоторое время книги в руки, чтоб они несли ответственность за движение и вволю себя скомпрометировали. Мы уверены, что было бы достаточно одного только года, чтобы наши «практические политики» с их «наглядными успехами» свели на-нет все движение — не принципиально, об этом здесь мы уже совсем не говорим, а чисто практически, чисто практически!

К сожалению, такая тактика в «баварских условиях» выдается за политическую мудрость. Партия должна, в противовес оппортунизму, прибегнуть к противоположной тактике. Она, с своей стороны, не должна вместе с Fränkische Tagespost «выжидать на первых порах», а сказать вместе с Münchener Post: «Кто участвует в практической политике, не должен быть человеком чувства» и, в соответствии с этим, должен основательно разделаться с «практическими политиками».

БЫЛ ЛИ ЭТО КОМПРОМИСС [1]

Товарищ Парвус, о котором мы упомянули лишь мимоходом при рассмотрении выборов в баварский ландтаг, в своем ответе в Sächsische Arbeiterzeitung, защищает по всей линии образ действий баварских товарищей. Прежде всего, он нас упрекает в том, что мы стоим за создание реакционного блока центра с национал-либералами, вместо того, чтоб содействовать их раздроблению.

Это, конечно, большой промах с нашей стороны! Поддерживать реакционный блок, вместо того, чтобы добиваться раздробления буржуазных партий,—это, можно сказать, прямая противоположность тому, чего требуют интересы рабочих... Добрейший Парвус забывает только, что в данном случае вопрос был не в том, блок или раздробление, а в том: блок или обеспеченное большинство одной реакционной партии. Но если вопрос стоит так, то, конечно, социал-демократия должна выбрать блок, а не большинство. Положительные практические достижения в ландтаге в обоих случаях были одинаково невозможны для социал-демократии, блок же разоблачает и компрометирует, по крайней мере, одинаково все буржуазные партии, и поэтому с агитационной точки зрения гораздо благоприятнее, чем господство какой-нибудь одной партии, которое дает возможность другим партиям, нисколько не лучшим ее, играть роль «оскорбленной невинности». С этой точки зрения мы считаем, что именно действия баварских «практических политиков» являются большим промахом.

Что центр «и без нас» получил бы большинство, это нас в данном случае не интересует. Закон о социалистах также был принят «без нас», и все же мы не оказывали содействия при его принятии.

Но, говорит Парвус, центр менее опасен для нас, чем национал-либералы, именно потому, что от него более пахнет стариной (т. е., по-нашему, он более реакционен). Он и прежде по этому поводу писал:—средневековый ночной сторож с косою на голове представляет собою просто комическую фигуру... Мы, со своей стороны, полагаем,—и в этом мы опираемся на уверения баварского руководства для социал-демократических избирателей,—что реакцию баварского центра и баварских национал-либералов так же трудно различить, как сделать выбор между монахом и толедским раввином в известном стихотворении Гейне. Если же для Парвуса центр является лишь комической фигурой ночного сторожа с косою, то необходимо заметить, что именно центр, в особенности же в Баварии, применяет самые современные формы реакционной агитации. Ибо, позвольте спросить, кто основывает рабочие союзы, центр или национал-либералы? Кто, как не центр, старается старое прогнившее ядро реакции облечь в самую что ни на есть новую — социалистическую — скорлупу? Таким образом, и «средневековая коса» центра и его незначительная опасность для нас мало обоснованы.

Правда, Парвус утверждает, что мы именно теперь отнимаем у центра его рабочих избирателей. Спрашивается: почему? «Причина очень проста: мы одни являемся представителями интересов рабочих». Да, на этом основании мы безусловно рано или поздно склоним на свою сторону избирателей центра. Мы так глубоко верим в силу социалистических идей, что, по нашему мнению, даже тактические глупости и игра в компромисс баварских товарищей не в состоянии помешать тому, чтобы мы в конце концов привлекли на свою сторону массы. Вопрос только в том, насколько примененная теперь тактика в состоянии оправдать наше название «единой рабочей партии».

Рабочие избиратели центра теперь, конечно, перейдут к нам, после того как они удачно заключили с нами выборную сделку! Те самые католические рабочие, которые были, собственно, инициаторами этого шахермахерства — с определенным желанием, как писал Фольмар, избавиться от ненавистного господства национал-либералов, т. е. просто из холодного расчета, чтоб использовать нас как орудие для своих целей! Эти рабочие теперь якобы сами сняли те шоры, которыми они отгораживались от социал-демократии, и перейдут к нам! Да, в известном смысле они действительно утратили свои шоры: прежде они, может быть, думали, что «единая рабочая партия» не может быть использована для их реакционных партийных целей, теперь они от этой боязни во всяком случае избавились... «Вообще нужно,—говорит Парвус,— уметь отличать буржуазные фракции от их избирателей. На этом основывается вся наша агитация. С первыми мы боремся, вторых мы стараемся привлечь на свою сторону». Теперь, после баварской практики, мы, по крайней мере, уже знаем, как это делается: мы «привлекаем на свою сторону» буржуазных избирателей, позволяя им пользоваться нами как средством для своих партийных целей, и мы «боремся» против буржуазных фракций, помогая им получить большинство...

Что при борьбе за избирательное право нельзя полагаться «исключительно на давление со стороны народа», но следует принимать в расчет и парламентскую конъюнктуру, это, опять-таки, совершенно правильно, как и вообще самой сильной стороной у Парвуса в данном случае являются общие

[1] Leipziger Volkszeitung от 28 сентября 1899 г.

политические директивы. Но еще раз, какое применение имеют эти директивы к выборам в баварский ландтаг?

Забудем на минуту о том, что Парвус вообще никогда не стоял за создание благоприятной «парламентской конъюнктуры» какой угодно ценой (например, расширение народных прав в обмен за голосование за пушки). Нас интересует сама конъюнктура! Повидимому, давление со стороны народа в Баварии недостаточно для проведения избирательной реформы, если пришлось еще создавать в баварском ландтаге благоприятную партийную конъюнктуру. Чем же это было достигнуто? Тем, что той партии, которая до настоящего времени, пока она еще не имела большинства, умела препятствовать проведению всякой избирательной реформы, что этой партии теперь было обеспечено на шесть лет большинство в ландтаге... Вот какова была необходимая для избирательной реформы «парламентская конъюнктура»! Подумайте, милейший Парвус, что вы тут нам рассказываете!

Перед лицом этого режущего глаза факта наличия в ландтаге враждебного в избирательной реформе большинства, купленное такой ценой удвоение социал-демократических мандатов является для проведения избирательной реформы не улучшением, а ухудшением «конъюнктуры». Правда, теперь одиннадцать депутатов могут говорить в ландтаге вдвое больше, чем прежде пять. Но их речи будут теперь, поскольку парламент остается парламентом, гласом вопиющего в пустыне. В настоящее время баварским депутатам приходится ведь произносить речи исключительно «через окно». Таким образом, наши «практические политики» очутились в великолепном противоречии с самими собою: преисполненные стремлений к «положительным результатам» они лишили себя всяких шансов достигнуть этих результатов и осудили себя на чисто агитаторскую роль в ландтаге.

Для нас эта сторона их деятельности является, конечно, самой важной и значительной. Но, опять-таки, с агитационной точки зрения число мест в ландтаге играет второстепенную роль, и выборный компромисс, с целью их удвоения, представляется именно с этой точки зрения совершеннейшим абсурдом.

Но была ли баварская предвыборная сделка собственно компромиссом? Мы подходим теперь к последнему и самому важному вопросу. Ясный и определенный ответ на него кажется нам важным не только для оценки последних выборов в баварский ландтаг, но и для выработки общей линии при выборах в ландтаг, которая будет обсуждаться на ближайшем партейтаге.

В партии за последнее время много было споров о том, что называть компромиссом. Если в наших выступлениях

совместно с буржуазными партиями руководиться принципом голосования за «меньшее зло», то нет пределов компромиссам, так как даже у самой черной реакции можно будет найти неуловимые нюансы, подобно тому, как и сейчас баварский центр оказывается «меньшим злом». Если же нам, наоборот, вообще запретят голосовать «за реакцию», то у нас не окажется никакой почвы для совместных выступлений с буржуазией, ибо какая буржуазная партия в настоящее время не реакционна?

Мы полагаем, что вполне надежную линию поведения можно вывести из практики наших прежних перевыборов в рейхстаг, именно: мы можем голосовать за буржуазную партию лишь тогда, когда ее усиление в рейхстаге или в ландтаге по политическим соображениям само по себе желательно в интересах рабочих, но ни в коем случае не тогда, когда это усиление само по себе вредно и является для нас лишь условием какого-нибудь побочного успеха или компенсации.

Руководствуясь этим правилом, мы можем себе в ясном свете представить политическую ценность баварского соглашения. Если бы мы сказали баварским товарищам, что, по нашему мнению, они безоговорочно усиливают в ландтаге центр в интересах рабочего класса, то они сочли бы такое предположение безумием. Но в данном случае они проделали что-то совершенно необычное, а именно: усилили представительство центра в ландтаге не для достижения какой-нибудь политической выгоды, как, например, мы это делаем, усиливая в рейхстаге свободомыслящих, а просто потому, что ценою поддержки партии, по существу вредной и нежелательной, они получили несколько лишних мандатов.

Таким образом, компромисс и подлинное выборное шахермахерство у нас теперь налицо. И в этом, милейший Парвус, ничто не меняется от того, что наши предвыборные летучки и речи самым резким образом нападают на центр. От этого наше голосование за центр не становится лучше; этим голосованием мы только насмеялись над собственными летучками и речами...

Итак, мы рассматриваем баварскую предвыборную сделку как принципиально недопустимое шахермахерство, которое, сверх того, как это всегда бывает, и с практической стороны оказалось порядочной глупостью.

В заключение Парвус обвиняет нас в том, что мы попросту всегда стараемся утверждать противоположное тому, что говорит тов. Фольмар, и он протестует против этого из уважения к «социал-революционной критике».

Оставляя в стороне «социал-революционную критику», тов. Парвус вполне прав. Мы также полагаем, что если тов. Фольмар заявит, что земля кругла, нет надобности назло ему утверждать, что она имеет цилиндрическую форму.

Но это настолько очевидно, что в заявлении Парвуса мы видим не столько упрек нам за наше *разногласие* с Фольмаром, сколько косвенное оправдание его *единомыслия* с Фольмаром.

Но он может быть спокоен: никто из нас не станет отожествлять *его* точку зрения в этом единичном случае с точкой зрения Фольмара. Что у Фольмара является следствием его общей оппортунистической политики, то у Парвуса оказывается лишь неправильным истолкованием единичного явления.

Эти-то соображения, а не недостаточное чувство юмора и уменье показать его читателю (Парвус может поверить нам в этом на слово), являются причиной того, что мы так мягко отвечаем на его резкий выпад. Случайная ошибка не идет в счет, вообще же мы с Парвусом стали на одной линии. Мы надеемся, что хотя Парвус, как он утверждает, за недосугом мало может уделять внимания нашим разногласиям, все-таки зорко будет следить за жизнью партии, и что каждый оппортунистический уклон встретит с его стороны тот сокрушительный отпор, в котором он так неподражаем.

ПЕРЕД ЛЮДВИГСГАФЕНОМ[1]

Мы переживаем, повидимому, эру *оппортунистических поражений*. За жалким падением министериализма во *Франции* последовало блестящее фиаско выборной кампании в *Бельгии*; но не успело улечься возбуждение международного пролетариата по поводу этого фиаско, как уже приходят вести из *Баварии* о новом поражении «духа государственной политики» в рабочем движении. Во всех этих трех случаях специфической чертой социалистической тактики является надежда путем услужливого парламентского сотрудничества с буржуазными партиями добиться практических выгод и боязнь действовать путем непосредственного давления масс. Результатом этой тактики во всех трех случаях является ряд практических поражений и, вдобавок к этому, *политическая деморализация рабочих масс*.

С этой точки зрения, случай Баварии является классическим примером. Когда шла речь о голосовании бюджета, то главный аргумент баварских и баденских сторонников принятия бюджета базировался на том, что принципиальное отклонение бюджета социал-демократией является лишь простой «церемонией», условным актом без всякого практического значения, своего рода ритуалом. С точки зрения оппортунизма, это возражение было, по крайней мере, последовательно. Для «практических политиков» социал-демократии все то, что имеет лишь моральную, агитационную или просветительную ценность, и не обещает непосредственно дать в руки звонкую монету осязаемой выгоды, столь же бесполезно и бессмысленно, как и для всякого буржуазного политика,—будь то из центра, или свободомыслящих, или национал-либералов. Таким образом, в вопросе о голосовании бюджета необходимо агитационную точку зрения социалистической политики противопоставить буржуазной точке зрения оппортунизма.

С *вопросом об избирательном праве в Баварии* дело обстоит гораздо проще. Здесь уже не может быть речи о «церемонии», о «ритуале», о действии преимущественно морального характера. Нет, здесь речь идет просто о таких осязаемых, практических вещах, как об избирательных правах широких масс, о цензе, о возрасте избирателей, об избирательных округах. Больше того! Предмет, о котором в данном случае идет речь, является настоящим оплотом оппортунизма, «практической политики». Ведь здесь мы имеем дело с теми самыми *парламентскими правами*, с тою самою *демократией*, которые, по социалистическому евангелию ревизионизма, являются рычагом Архимеда, с помощью которого капиталистический мир должен быть перевернут и сброшен в пропасть! Но что же мы видим на деле? «Практические политики» настолько сбиваются с пути на скользкой почве своей «практики», что в конце концов жертвуют этими самыми парламентскими правами и демократией и голосуют за цензовое избирательное право, за повышение избирательного возраста,—одним словом, за *ухудшение избирательного права*! Таким образом, как по отношению к баденской бюджетной политике, так и по отношению к бельгийскому эксперименту, баварский случай является дальнейшим шагом вперед: в Бельгии мы, благодаря парламентскому соглашению с буржуазией, сохранили избирательное право, в Баварии мы таким же путем даже должны получить самое избирательное право.

С поразительным единодушием социалистические государственные политики всех стран полагают, что их поражения становятся фактом лишь в тот момент, когда о них начинают говорить. Высшим принципом «практической политики» служит поэтому под всеми широтами и долготами — яростное сопротивление всякой публичной дискуссии. *Жорес* в Petite République, *Вандервельде* в Neue Zeit,

[1] Leipziger Volkszeitung от 13 июня 1902 г.

баварская фракция в Münchener Post одинаково возмущаются предъявляемым им дерзким требованием поведать миру об их «практических успехах». Возражения, приводимые ими в свое оправдание, во всех этих случаях, по существу, стоят на одинаковой высоте.

Парвуса, которому принадлежит та заслуга, что он первый самым объективным образом осветил проделки баварской фракции, Münchener Post награждает чрезвычайно едкой кличкой «русского социал-революционера» и легко разделывается с ним с помощью общих фраз, вроде «безумных выдумок» и «ругательств». А Бебель, который в Neue Zeit резко ополчился против баварской тактики, в один прием развенчивается тем, что ему ставятся в упрек недостаточное знакомство с баварскими отношениями и его страстный темперамент.

Мы можем лишь искренне пожалеть, что тов. Бебель предпочел ответить на эти детские увертки лишь после баварского партейтага в Людвигсгафене, в то время как было бы гораздо полезнее и внушительнее, если бы он как раз накануне совещания баварских товарищей осветил им возможно исчерпывающим образом тактику их парламентариев. Во всяком случае, тех немногих аргументов, которые были приведены баварской фракцией, вполне достаточно, чтобы поставить вне всякого сомнения царящую в ее среде безнадежную политическую путаницу по вопросу об избирательном праве.

Было бы смешно придавать значение старому заезженному аргументу о «незнакомстве с особенностями баварских условий». Уже за последние десять лет в партии привыкли к тому, что как только становится в Мюнхене известно о каком-нибудь новом шедевре политического искусства, сейчас же начинают рассказывать про Баварию чудеса, словно она не находится в десяти часах езды от Берлина, а представляет собою какую-то готтентотскую страну, куда предварительно необходимо посылать научные экспедиции для детального изучения страны, ее нравов и обычаев. В действительности, вся особенность Баварии заключается лишь в том, что то, что во всем мире считается самыми элементарными социал-демократическими требованиями, как, например, всеобщее избирательное право без ценза и с 21-летнего возраста, баварскими социал-демократами рассматривается как «безумные выдумки» и «ругательства».

Специального упоминания заслуживает, однако, единственный дельный аргумент, приведенный Münchener Post в ответ на бебелевскую критику. Это указание на то, что, вопреки предположению Бебеля, необходимое для проведения избирательной реформы большинство в две трети

голосов не может быть достигнуто без 11 голосов социал-демократов, так как либералы, вероятно, будут в конце концов голосовать против проекта реформы. Этот блестящий аргумент живо напоминает нам сделанное Вандервельдом в Neue Zeit указание на то, что все утверждения о союзе бельгийской социал-демократии с либералами не имеют под собой почвы, так как, мол, бельгийские либералы, в сущности говоря, противники движения за избирательную реформу. В обоих случаях следует с удивлением воскликнуть: вот как! Для чего же и каким образом мог в таком случае состояться заключенный социал-демократией компромисс?! Если даже баварские либералы выступают против проекта избирательной реформы, если, таким образом, из этого становится еще яснее, что он сводится лишь к закреплению на вечные времена господства центра, как об этом писал Бебель в Neue Zeit, то одобрение социал-демократией этого законопроекта является политической загадкой, разгадать которую не сможет ни один человек, живущий вне пределов Баварии.

Но этого мало. Именно аргумент Münchener Post является самым сильным, какой можно только себе представить, ударом для тактики баварской фракции. Если положение дел таково, что без социал-демократов избирательная реформа не может быть проведена, что они играют роль стрелки на весах, тогда у них имеется полная возможность *воспрепятствовать ухудшению избирательного закона* и добиться проведения действительной избирательной реформы в интересах пролетариата. Тогда она является уже не невинной жертвой враждебного народу большинства, а *подлинной ответственной создательницей реакционной избирательной реформы*.

Так логика фактов под всеми широтами приводит к одинаковым результатам, а отказ от принципиальной социалистической позиции везде приводит к одинаковому политическому упадку. Жорес, защищающий в своем министериалистическом усердии правительственную политику против буржуазных радикалов, вроде Клемансо, Пельтана, Лакруа; баварские парламентарии, в основных уступках в отношении избирательного права идущие дальше, чем баварские либералы,—вот результаты оппортунистической науки.

Теперь по поводу этих баварских дел должен высказаться партейтаг в Людвигсгафене. Голосование в комиссии фракции является уже поражением и достаточно хорошим уроком для партии. Надо надеяться, что партейтаг помешает сделать последний шаг, который завершит компромисс и сделает его памятником политического упадка социал-демократии.

ГОЛОСОВАНИЕ БЮДЖЕТА В БАДЕНЕ

На одном из наших партейтагов как-то было сказано, что мы были бы рады, если бы в наших рядах выплыли «новые точки зрения», которые внесли бы некоторое разнообразие «в старую и неизменную агитационную шумиху». И что же, кажется, все время не перестают искренне заботиться о том, чтобы в однотонную «агитационную шумиху» партии время от времени вносить интересные моменты. Таким именно освежающим действием отличаются периодически повторяющиеся в наших рядах среди однообразной интенсивной оборонительной борьбы против наступающей реакции уклоны, примером которых может служить голосование за бюджет, проведенное нашими депутатами в баденском ландтаге.

Для объяснения, или точнее, для оправдания этого акта, который опрокидывает вверх ногами наши прежние всеми признанные способы борьбы, приводятся основания не только очень слабые, но давно уже отметенные дискуссией.

Действительно, то, что мог сказать Фендрих со своими товарищами на последней партийной конференции в Оффенбурге, было лишь старой песней о том, что голосование за бюджет является лишь вопросом тактики, а не принципа, и что бюджеты немецких отдельных государств, в отличие от имперского бюджета, содержат в большинстве случаев расходы не на военные, а на культурные нужды. Таким образом, социал-демократические депутаты имеют полную свободу сообразовать свое поведение, как и во всех вопросах тактики, с политическим положением данного момента, т. е., смотря по обстоятельствам, голосовать за или против бюджета, и, вместе с тем, в отдельных государствах для партии нет никаких принудительных оснований к тому, чтобы, как это делается в рейхстаге, ввиду его огромных военных затрат, постоянно отклонять бюджет.

Как ни мало убедительна эта аргументация, она все еще в некоторых кругах партии принимается всерьез. В сущности говоря, дело идет не о чем ином, как о проведении на практике тех самых взглядов, которые в их общей формулировке лишь недавно были отвергнуты значительным большинством партии на партейтаге в Ганновере. И так как баденские товарищи являются не первыми и не единственными, вступившими на путь голосования за бюджет, то необходимо, чтобы партия основательно занялась этим вопросом и, наконец, раз навсегда положила предел дальнейшим экспериментам с буржуазной политикой наших депутатов в ландтаге.

[1] Neue Zeit, XIX год издания, 1900/01 г.

I

Тенденция рассматривать поведение социал-демократии как вопрос тактики, т. е. отдельных решений от случая к случаю, исходя из оснований чистой целесообразности, характерна вообще для того направления в нашей партии, для которого социал-демократические принципы не являются необходимой руководящей нитью в борьбе, но скорее препятствием к ведению так называемой «практической политики». При этом, повидимому, исходят из того наивного представления, что достаточно назвать какой-нибудь вопрос тактическим, чтобы получить таким путем право свободно нарушать программу и принципы партии. «Тактика», по этому представлению, мыслится как своего рода укромный уголок без полицейских предостерегающих надписей, где можно по желанию сваливать всякий мусор и нечистоты. Таким образом, достаточно было бы всю нашу классовую борьбу переплавить по частям из области принципов в область тактики, чтобы этим остроумным и удобным способом «выхолостить» не капитализм, а социал-демократическую программу и самый социализм сделать «вопросом тактики», т. е. сделать партию чисто буржуазной.

При этом забывают, что социал-демократическая тактика предоставляет разнообразие не в нарушении принципов социал-демократии, но в их применении. Рамки, внутри которых может развиваться наша тактика, заранее определены нашими принципами. Лишь в границах партийных принципов тактика может варьировать, и обозначение какого-нибудь вопроса тактическим не отнимает у нас ни возможности, ни обязанности проверять то или иное решение этого вопроса с его принципиальной стороны. Дело в том, что существует и противная принципам тактика, и в этом достаточно убедиться, чтобы понять бесцельность излюбленной в последнее время манеры ссылаться на тактику. При ближайшем рассмотрении она всегда оказывается лишь приемом замаскирования противных социал-демократическим принципам действий, что относится и к рассматриваемому нами случаю.

С тех пор как существует буржуазный парламентаризм, голосование за финансовый закон всегда считается за вотум доверия, а отклонение его, напротив,—за выражение недоверия государству. Правительству, которым мы недовольны, мы не предоставляем средств к существованию — это всегда было принципом всякой серьезной оппозиционной буржуазной партии, начиная от английских либералов и кончая прусскими прогрессистами.

Но социал-демократия именно тем и отличается от буржуазных партий, что ее оппозиция направлена не против

того или иного правительства, но против всякого буржуазного правительства, так как она против классового государства вообще. Отказ в материальных средствах этому государству для нас так же мало может быть вопросом целесообразности, как наша борьба против классового господства буржуазии, как наше устремление устранить систему найма и осуществить победу пролетариата. Вопрос идет в данном случае о самой нашей сущности, как партии классовой борьбы, и с этой точки зрения не существует ни малейшего различия между бюджетами империи и отдельных государств.

Содержит ли бюджет в большей или меньшей мере расходы на военные или культурные нужды,—эти количественные соображения имели бы для нас лишь в том случае руководящее значение, если бы мы вообще стояли на почве современного государства и боролись лишь с его отдельными недостатками, например, с милитаризмом. Объясняя отклонение нами имперского бюджета исключительно содержащимися в нем расходами на милитаризм, Фендрих с товарищами этим самым приписывают нам политику, которая для буржуазных партий может быть мыслима, но к которой социал-демократия до сих пор никогда не прибегала. В действительности мы не желаем предоставлять Германской империи сумм из народных средств не просто потому, что она является милитаристическим государством, но прежде всего потому, что она есть буржуазное классовое государство. Последнее же относится в одинаковой мере ко всем германским союзным государствам.

Для Фендриха и его товарищей бюджет Бадена заключает в себе «на девять десятых культурные расходы», и поэтому «нет никакого смысла предъявлять правительствам требования на социальные нужды и одновременно отклонять бюджет, предназначенный, главным образом, на культурные нужды» (Volksfreund (Карлсруэ) от 27 февраля 1901 г. Отчет о партийной конференции в Оффенбурге). Таким образом, делается попытка представить внутреннюю политику германских союзных государств как культурную работу, которая «в большей своей части» лишена классового характера и находится в соответствии с «социальными требованиями» социал-демократии. Нам, однако, пока еще не известно ни одно такое «социальное требование» нашей программы, которое было бы выполнено баденским правительством. Что же наша фракция в ландтаге рассматривает как «культурные» статьи баденского бюджета в духе социал-демократических идей? Очевидно, оклады жалования баденской бюрократии, на назначения которой массы народа не имеют никакого влияния, расходы на полицию, на жандармерию, на суды и тюрьмы, которые служат для

защиты частной собственности, для поддержания «порядка» и для карания социал-демократических преступлений; далее, расходы на управление баденскими государственными железными дорогами, получающими свою прибыль от эксплоатации рабочих и служащих, затраты на сельское хозяйство, которые под предлогом земледельческих «культурных целей» на девять десятых идут на поддержку крупного землевладения, наконец, расходы на просвещение, которое по самому своему духу рассчитано преимущественно на имущие классы. И все это должно быть покрыто из средств, которые преимущественно берутся из карманов бедноты. Одним словом, вся классовая политика баденского правительства, которое, как всякое другое, всей своей деятельностью показывает, что оно является «административным органом господствующей буржуазии», является для Фендриха культурной работой, поддержание которой вытекает из самой сути «социальных требований» нашей партии.

Мы не в состоянии проследить здесь в деталях деятельность нашей баденской фракции в ландтаге. Если судить по мнениям, высказанным на конференции в Оффенбурге, где Фендрих, например, заявил, что «у социалистов конечной цели вообще не существует», то в поведении Фендриха и товарищей в качестве народных представителей Бадена трудно вообще усмотреть следы социализма. Но если бы даже они и выступили с самой решительной и строго социал-демократической критикой против всей правительственной политики, все же последовавшее за ней голосование за предоставление средств существования этому самому правительству свело бы всю их оппозицию к пустой фразе. Решающим критерием для суждения о политической позиции партии,—тем, что отличает в парламенте социал-демократию от всех буржуазных партий,—является принципиальная борьба против буржуазного правительства вообще, которая ярче всего выражается в отклонении бюджета. Голосуя за бюджет, Фендрих и товарищи, посланные своими избирателями в ландтаг для борьбы с классовой политикой баденского правительства, приняли на себя ответственность за соучастие в этой классовой политике и, таким образом, не оправдали своего назначения как социал-демократических народных представителей.

II

Внутренняя зависимость, существующая между принципами и тактикой социал-демократии, обусловливает то, что политика, недопустимая с принципиальной точки зрения, ни-

когда не может оказаться годной с тактической точки зрения.

Попробуем стать на точку зрения Фендриха и товарищей, и на одну минуту допустим, что поведение социал-демократических депутатов при голосовании бюджета в отдельных государствах является лишь вопросом тактики.

Допустим также вместе с ними, что наша партия отклоняет в рейхстаге финансовый закон потому, что он в большей своей части составлен применительно к милитаристическим целям. И в этом случае, т. е. с собственной тактической точки зрения баденских депутатов, принятие ими бюджета является грубой политической ошибкой.

Действительно, при том органическом единстве, которое существует в политическом отношении между Германской империей и ее составными частями, является прямой непоследовательностью отказывать империи в средствах и в то же время предоставлять их отдельным государствам. Милитаризм, которым хотят объяснить отклонение имперского бюджета, культивируется Германской империей не где-нибудь вне союзных государств или в промежутках между ними, но в нем участвуют активно и пассивно и Баден и все другие государства. Именно ввиду реакционного поведения германских союзных государств в вопросах милитаризма и внешней политики, как оно проявилось в последнем проекте о флоте, ответственность за нынешний курс в Пруссии падает на них. То же самое относится и к таможенной и к внутренней политике. Участвуя в милитаристической политике на суше и на море, южные государства участвуют также и в хлебных операциях империи и в каторжном законопроекте против рабочих и во всей внутренней и внешней реакции.

Стремление устанавливать принципиальное различие между бюджетом империи и отдельных государств, между политикой империи и отдельных государств, является результатом встречающихся во многих партийных кругах на юге взглядов, что господствующая реакция исходит лишь из империи, именно из Пруссии, южные же государства должны быть рассматриваемы как самостоятельные политические организмы, которые, будучи от природы демократическими, лишь вследствие своего бессилия по отношению к Пруссии принуждены участвовать в ее безобразиях. Но это не что иное, как *некритическое повторение болтовни южно-германских партикуляристов* à la Зигль, которые, как настоящие представители мелкой буржуазии, не в состоянии уразуметь исторической, диалектической связи между «демократией» юга и реакцией севера. Они не прочь были бы использовать все преимущества современных централизованных крупных государств — хозяйственный расцвет и политическую мощь, а на обратную сторону этого самого развития — на имперский германский милитаризм с имперской реакцией под гегемонией Пруссии — смотрят лишь как на досадные и ненужные придатки.

В действительности, именно то обстоятельство, что милитаризм культивируется имперской властью *во имя и за счет* южных государств, дает возможность южным государствам разыгрывать у себя дома оскорбленную демократическую невинность и посвящать себя «главным образом» фендриховским «культурным задачам». На ряду с экономическим, т. е. крупно-капиталистическим развитием, именно *милитаризм*, как его политическое дополнение, образует в Германской империи, в ее теперешнем виде, сильнейшее связущее звено, элемент *единства*, взаимной зависимости, соединяющий отдельные государства. Поэтому не имперская реакция является следствием политического бессилия южных государств империи, но, наоборот, это *бессилие является следствием общего милитаристического развития германских отдельных государств*, которое железными цепями приковывает их к империи и к Пруссии.

И как все союзные государства Германии в военном и политическом отношениях образуют лишь *одну* территорию, точно так же и бюджеты отдельных государств являются лишь дополнениями к имперскому бюджету, с которым они в политическом отношении образуют органическое целое, и лишь в силу внешних исторических особенностей эти бюджеты выставляются и вотируются отдельно от имперского.

Для того, чтобы это понять, вовсе не требуется социал-демократических принципов. И всякая буржуазная партия, которая захотела бы серьезно бороться с милитаризмом в Германии и вести сколько-нибудь дальновидную политику, должна была бы и в отдельных государствах, как и в империи, вести оппозиционную линию. С точки же зрения социал-демократии, которая в своей деятельности всегда имеет в виду общее политическое развитие во всей его совокупности, такое искусственное отделение политики отдельных государств от политики империи является возвращением к мелкобуржуазно-партикуляристической ограниченности, а предоставление финансовых средств отдельным государствам оказывается поддержкой in partibus (по отдельным государствам) того самого милитаризма и той самой реакции Германской империи, с которыми она борется, отклоняя имперский бюджет.

III

Всякий раз, когда партии предлагают жертвовать своей принципиальной позицией, это делается во имя «*практи-*

ческой политики». И Фендрих заявил в своем докладе на баденской местной конференции, «что при вступлении в такую законодательную корпорацию (ландтаг) убеждаешься в том, что попадаешь из мира идеальных представлений в мир реальных отношений, где суровая действительность на каждом шагу заявляет о себе. Мы должны наше внимание направлять скорее на достижимое, чем на желаемое» (Der Volksfreund от 27 февраля).

С точки зрения «достижимого», Фендрих и товарищи уже раньше не раз голосовали за баденский бюджет, как это теперь делают по отношению к министерству Шенкеля. Чего же они достигли этим?

Перейдем снова на один момент на точку зрения наших «практических политиков» и допустим, что дело идет, прежде всего, об обеспечении пресловутых «культурных требований». Если бы судьба бюджета зависела от голосования социал-демократической фракции, то принятие ею бюджета, при всей абсурдности с принципиальной и с тактической точек зрения, все же имело бы, по крайней мере, некоторый практический смысл. Но наша фракция с ее семью представителями образует в баденском ландтаге ничтожное меньшинство. Голосовали бы Фендрих с товарищами за или против,—бюджет и с ним милые сердцу «культурные расходы» все равно были бы приняты. Каких-нибудь принудительных оснований к голосованию за бюджет у социал-демократов вообще не было, таким образом все практическое значение фендриховской тактики сводится к нулю.

И это-то и есть самое замечательное. Пока социал-демократия образует в буржуазном парламенте меньшинство, ее вотум, в большинстве случаев, и особенно там, где дело касается общей политики и строя государства, имеет чисто агитационное значение. Давая ей возможность отчетливо показать свою непримиримую позицию по отношению к буржуазному классовому господству, отклонение бюджета является для социал-демократии могущественным средством просвещения народных масс о ее роли в парламенте. Итак, при отклонении социал-демократами бюджета решающую роль играет моральное воздействие на народ, но только постоянное и принципиальное отклонение бюджета сохраняет на него такое воздействие.

Если социал-демократическое меньшинство желает, по примеру буржуазных партий, применять отклонение бюджета лишь в особых случаях, как практическое средство ведения парламентской борьбы, то она не только упускает из рук агитационное влияние своей оппозиции, но и не приобретает никакого влияния на правительственную политику.

Чтобы убедиться в практических результатах, которые удалось пожать Фендриху и товарищам повторными голосованиями за баденский бюджет, достаточно собрать все те жалобы, которые раздавались против правительства на местной конференции в Оффенбурге. Во-первых, мы узнаем от докладчика Опифициуса, что баденская полиция—та самая полиция, оклады которой были приняты социал-демократической фракцией,— конфисковала у наших баденских товарищей напечатанную в 100 тыс. экземпляров агитационную летучку, и также, что она на последнем майском празднике «уж очень энергично» вела себя и во многих городах наложила на рабочих штрафы за уличные шествия. Докладчик Фендрих рассказывает нам, что правительство — то самое правительство, которому было вотировано доверие,— не удостоило ни малейшим вниманием петицию железнодорожных рабочих о повышении их окладов, а также петицию строительных рабочих о государственном контроле при постройках. От Фендриха и Дресбаха узнаем мы, наконец, что все старания социал-демократии добиться всеобщего прямого избирательного права и в коммунальный совет до сих пор оказывались тщетными. Этого одного обстоятельства уже достаточно, чтобы представить в ярком свете «практическую сторону» баденской тактики в ландтаге. Предоставлять средства к существованию государству, которое всеми возможными способами вставляет палки в колеса социал-демократам в их борьбе, государству, которое бессовестно эксплоатирует своих собственных наемных рабов и остается глухо к их самым скромным требованиям, государству, отказывающему своему рабочему классу даже в самом элементарном политическом праве, а именно — во всеобщем прямом избирательном праве — это, конечно, оригинальнейший из способов добывания власти и влияния на политику государства. Таков постоянно наблюдаемый факт, что социал-демократия, лишь только она оставляет твердую почву принципиальной политики, падает гораздо глубже, чем буржуазные партии. Не найдется, наверное, такой буржуазной партии, которая, если бы с ней так обошлись, как с социал-демократией в Бадене, повергла бы к стопам своего правительства вотум доверия. Если буржуазия предает свои собственные принципы, то она, по крайней мере, знает, для чего она это делает; она всегда при этом имеет в виду более или менее жирную чечевичную похлебку, которую ей предложат. Но припадать к ногам в порыве совершенно бескорыстной любви, чтобы получать за это оплеухи и пинки,— это остается исключительной привилегией гениального политического чутья наших «практических политиков». Здесь, как и всегда, лишь самообман и самопереоценка заставляют их воображать, что они нарушают принципы из практического расчета. То, что они в действительности делают, это есть

беспринципность без всякой практической цели, точнее,— принципиальная беспринципность.

Баденский случай представляет очень благоприятный повод, чтобы пролить свет на тактику многих наших фракций в ландтагах. И если Фендрих и товарищи уверяют, что они ведут свою тактику «строжайшим образом придерживаясь принципов партии», то делом партии будет при первом удобном случае дать им понять, что предоставление средств буржуазному классовому государству при строжайшем соблюдении социал-демократических принципов — это все равно, что, например, война при строжайшем соблюдении любви к ближнему, что воровство при строжайшем соблюдении прав собственности, что проституция при строжайшем соблюдении добродетели.

ПАРТЕЙТАГ И ГОЛОСОВАНИЕ ЗА БЮДЖЕТ [1]

I

Предстоящему партейтагу в Любеке предстоит важная задача — окончательно разрешить вопрос, который семь лет тому назад был затронут во Франкфурте, но формально остался открытым — вопрос о голосовании бюджета в ландтагах.

Не только сам вопрос стал с 1894 г. более жгучим, так как участились случаи голосования за бюджет социал-демократических депутатов в южной Германии, но и само решение вопроса стало легче, так как несовместимость голосования за бюджет с принципами партии, благодаря сделанным экспериментам, стала значительно очевиднее, чем это могли доказать семь лет тому назад самые убедительные рассуждения Бебеля и Ауэра. В этом отношении баденский эксперимент для нас особенно ценен.

Если сторонники голосования за бюджет с самого начала добивались того, чтобы этот вопрос рассматривался с точки зрения не принципа, а тактики, то это могло иметь только один смысл: они хотели сохранить за собой свободу действий на случай каких-нибудь исключительных обстоятельств, когда особенная политическая ситуация потребует от них принятия бюджета. Штадтгаген, который своей поправкой к резолюции Бебеля во Франкфурте хотел обеспечить себе лазейку, имел в виду — а с ним и большинство, голосовавшее за поправку,— случай в гессенском ландтаге, где, по словам майнцкого депутата Йёста, отклонение бюджета могло повлечь за собой увеличение налогового бремени в Гессене. Жорес в своей полемике против принципиального отклонения бюджета ссылался на имевшее однажды место много лет тому назад исключительное положение, когда отклонение бюджета должно было вызвать во Франции падение министерства и, вместе с ним, закона о светской школе, чем был бы нанесен большой ущерб делу прогресса и демократии. Да и баварские депутаты в 1894 г. все, как один человек, заявляли своим критикам в свою защиту: «У нас есть основания!..»

Во всех этих случаях спор, таким образом, сводился к следующему: в то время как одна сторона утверждала, что социал-демократия никогда и ни при каких обстоятельствах не может вотировать буржуазному государству средств к существованию, другая сторона настаивала на том, что возможны случаи, когда наша непримиримая оппозиция может столкнуться с непосредственными, реальными интересами рабочего класса, когда, благодаря отклонению бюджета, могут пострадать существенные интересы народных масс.

Итак, когда принимаются во внимание исключительные случаи, когда считаются с непосредственными практическими результатами, осуществлению которых якобы мешает принципиальное отклонение бюджета,— это, несомненно, и будет тактическим подходом к вопросу.

Каковы же были особые основания баденских депутатов, когда они трижды в течение последних лет голосовали за бюджет?

Фендрих в своей статье в Sozialistische Monatshefte (сентябрь 1901 г.) приводит два основания: во-первых, в государственном хозяйстве Бадена преобладают «культурные расходы», и если мы приняли большинство статей бюджета, было бы бессмысленно отклонять бюджет в целом; во-вторых, массы нас не поняли бы, если бы мы требовали реформ и в то же время не давали бы средств к их осуществлению. Можно отнестись к этим основаниям как угодно, но ясно одно: они не имеют никакого отношения к какой бы то ни было исключительной политической ситуации в Бадене, к какому бы то ни было конфликту между принципом и практической политикой, к каким бы то ни было соображениям тактического характера в связи с данным моментом. Это просто указания на определенные обстоятельства самого общего характера. Дело в том, что это обычное явление для бюджетов отдельных немецких государств, для Баварии так же, как и для Бадена, для Гессена так же, как и для Вюртемберга, что статьи, рассматриваемые Фендрихом как «культурные расходы» (все, за исключением полиции, цивильного листа и удельного ведомства), составляют бо́льшую часть бюджета. Надо думать, что не менее обычным явлением должно бы быть и непонимание со стороны «масс» нашей

[1] Neue Zeit, XIX год издания, 1900/01 г.

парламентской политики. Итак, если бы для баденского голосования за бюджет не было других оснований, кроме приведенных, то из этого прежде всего вытекала бы необходимость всегда и во всех отдельных государствах голосовать за бюджет. Это подтверждает и сам Фендрих: «Если рассматривать вещи с этой точки зрения,—пишет он,—то не может быть никакого сомнения в том, что социал-демократические депутаты в ландтагах — если только они не предполагают сделать какого-нибудь чрезвычайного выступления против правительства, как, например, поступила баденская фракция в 1898 г. по поводу вотума недоверия министру Эйзенлору — вообще должны голосовать за бюджет» (Sozialistische Monatshefte, стр. 657).

Мы видим, что вопрос, таким образом, перевернут вверх ногами. Вначале говорилось: вообще мы голосуем, конечно, как оппозиционная партия, против бюджета, но могут быть такие особенные случаи, когда нам приходится голосовать за бюджет. Теперь же говорится наоборот: вообще мы голосуем во всех ландтагах за бюджет, но могут быть также и такие особенные случаи, когда мы голосуем против бюджета. Итак, вначале принятие бюджета было исключением, теперь отклонение бюджета является им; вначале оппозиция социал-демократии в парламенте была правилом, теперь она является исключением.

Таким образом, положение вещей, с которым придется иметь дело Любекскому партейтагу, коренным образом отличается от того, которое составляло предмет обсуждения Франкфуртского партейтага. Противники принципиального отклонения бюджета постепенно, незаметно для себя, сделали необходимый вывод, и теперь дело сводится уже не к тому, следует ли нам в исключительных случаях голосовать за бюджет, но к тому, должно ли быть нашим постоянным руководящим принципом в ландтагах отклонение бюджета или же голосование за бюджет.

Ясно, что этот вопрос, другими словами, означает следующее: должны ли мы вести социал-демократическую или буржуазную парламентскую политику?

Ведь если принципиально всегда голосовать за предоставление средств к существованию классовому государству и лишь в исключительных случаях отказывать ему в них, превращая таким образом постоянный вотум недоверия классовому государству в случайный вотум недоверия против отдельного министерства, то это значит—принципиально становиться на почву существующего государства и бороться лишь с некоторыми его отдельными явлениями, с его «несовершенствами». Это обычная точка зрения блаженной памяти

немецких прогрессистов, теперешних свободомыслящих английских либералов,—словом—буржуазной оппозиции во всех ее разновидностях.

II

Эта буржуазная точка зрения находит свое подтверждение не только в общей постановке вопроса, но и во всех частностях баденской аргументации.

Фендрих и его товарищи рассуждают следующим образом. Из всего бюджета Бадена мы при постатейном голосовании отклонили лишь $^1/_{26}$, как же теперь мы можем, при общем голосовании, из-за этой несчастной $^1/_{26}$ каких-то 18 млн. марок отклонять весь бюджет?

С буржуазной точки зрения это безукоризненная аргументация.

Там, где в общем живут душа в душу с правительством и спорят с ним лишь из-за маленьких нарушений механизма, там вся парламентская политика сводится к простой арифметической задаче, к сложению и вычитанию. Здесь несколько миллионов урезали, там прибавили, еще несколько зачеркнули—и противники поквитались. Но в Бадене, очевидно, забыли об одном маленьком обстоятельстве: что мы живем в капиталистическом обществе и в классовом государстве,— и это маленькое обстоятельство портит всю музыку.

Ведь если мы даже и допускаем, что современное государство, как и всякая другая историческая организация общества, исполняет определенные общественные функции, то все же мы не забываем о том, что способ выполнения государством этих функций во всем носит на себе отпечаток буржуазного классового господства. Мы, конечно, стоим за развитие средств сообщения, но не за железнодорожную политику капиталистического государства. Мы стоим за поднятие народного образования, но не за его теперешние формы. Мы желаем общественного порядка и спокойствия, но осуждаем современное законодательство, юстицию и администрацию, проникнутые духом частной собственности. Поэтому мы не можем удовлетвориться только тем, что будем выступать против расходования средств на содержание полиции, удельных имений и придворных штатов и вообще против излишних расходов, но мы должны, как социал-демократы, бороться со всем режимом классового государства. Этот капиталистический характер каждого действия, каждого прихода и каждого расхода государства не может быть выражен в цифрах и не может быть отклонен вместе с какой-нибудь определенной статьей бюджета. Лишь окончательное отклонение всей суммы бюджета, даже там, где отдельные статьи сами по себе были приняты нами, лишь полное отклонение бюджета, отражаю-

щего в себе материальное существование классового государства, дает нам возможность выразить нашу оппозицию к классовому государству в его целом.

Что же делают Фендрих и его товарищи? Они начинают с обширной критики всей деятельности правительства, чтобы в конце концов признаться в том, что им собственно в теперешнем государстве мешают лишь «полиция» и цивильный лист. Но если они из общего бюджета баденского государства сперва выторговывают себе несколько миллионов, а затем все вместе принимают, то этим они высказывают не более и не менее как следующее: если бы мы, социал-демократы, сегодня стали у руля, мы также ограничились бы только тем, что упразднили несколько лишних полицейских и великого герцога, а в остальном продолжали бы так же хорошо править, как и современное государство. Они этим не только признают право на существование современного государства, как исторического явления, но и право его на современную его форму, на его образ действий, на его внутреннюю и внешнюю политику. А что они при этом, прежде чем дать свое согласие на все, сперва находят маленькие недостатки, то это уже не социал-демократическая оппозиция, но мелочность и непоследовательность. Ведь если мирятся со всей системой управления, юстиции и законодательства,—то отчего должны голодать бедные полицейские? И если не мешают жить милому отечеству со всем, что в нем живет и прозябает, то с какой стати, благодаря какой-то мелочной скупости, лишать отца отечества его нескольких марок дохода? Голосовавшие в Бадене за бюджет как раз не заметили того, что они превратили парламентскую борьбу за бюджет из средств борьбы с существующим строем общества в средство урвать у министра финансов несколько миллионов.

В одном Фендрих, конечно, прав: от простого отклонения бюджета нашими семью воинами в ландтаге стены капиталистического Иерихона еще не упадут. Конечно, мы нашей «непримиримостью» ничего не «достигнем»,—именно ничего такого, что можно было бы счесть, измерить или положить в карман. Но и повторным принятием бюджета, как это показывает как раз баденский эксперимент, мы тоже ничего осязательного не «достигнем», кроме обычных пинков, которыми баденское государство награждает рабочий класс.

Если мы, таким образом, материально и непосредственно так же мало выигрываем от принятия нами бюджета, как и от отклонения его, то с тем более легким сердцем мы можем отклонить его, что наша прежняя упорная «непримиримость» принесла нам большую нематериальную выгоду: именно доверие народных кругов и уважение противников, 2¼ млн. социал-демократических голосов в империи и огромную

славу непреклонной и честной партии,—все, правда, идеальные величины, но которым мы в конце концов обязаны как всей германской социальной реформой, так и всеми практическими достижениями, которые мы до сих пор отвоевали себе. И — не следует забывать об этом — наша «непримиримость» дала нам и наших достоуважаемых депутатов в ландтаге, которые, очевидно, были избраны на основании морального доверия к старой «ортодоксальной» социал-демократии, а не, скажем, из расчета на особые способности Фендриха и товарищей голосовать за бюджеты, так как это делает еще с большей ловкостью и грацией любой национал-либерал.

Возьмем другой их аргумент: опасение, что «массы» нас не поймут.

Такова уже действительно наша печальная участь, что пока мы ведем какую-нибудь определенную политику, то, как бы мы ни изворачивались, «массы», т. е. какая-нибудь часть этих масс, нас все равно не поймут. Спрашивается только: кем мы хотим быть поняты и чьего понимания мы в нашей политике должны добиваться?

Если социал-демократия, несмотря на все частичные реформы, которых она требует от государства и которых иногда и добивается, под конец при каждом голосовании бюджета заявляет государству свое упорное «нет», то, разумеется, всегда и везде находятся среди населения такие элементы, которые сочтут подобный образ действий неправильным, бесцельным, противоречивым, непрактичным,—наконец, даже безумным. Но кто эти элементы? Это будут мелкие торговцы, ремесленники, крестьяне или прочие мелкие буржуа, для которых вся цель парламентской деятельности народной партии заключается в том, чтобы уменьшать налоговое бремя, облегчать военную службу и проливать прочие земные услады на капиталистическую юдоль скорби. Это будут те круги народа, для которых важна наша практическая деятельность, а наши конечные цели для них Гекуба, и которых в нашей политике поддерживают лишь ее реформистские элементы, а не революционные. Одним словом, народные слои, которые во всех своих помыслах и стремлениях сами стоят на буржуазной почве.

И наоборот: если социал-демократическая партия, несмотря на свои конечные революционные цели и несмотря на свою смертельную вражду к капиталистическому классовому государству, все же будет систематически предоставлять ему средства к существованию, то безусловно «массы» этого снова не поймут и будут считать их действия противоречивыми, бесцельными, даже безумными и лицемерными. Но на этот раз это будут не мелкобуржуазные круги, которые лишь временно идут с нами, но наши собственные основные

кадры, индустриальные рабочие, которым мы десятилетия под ряд внушали, что мы всеми средствами стремимся к тому, чтобы современное государство превратить в его противоположность, перед которыми мы это государство развенчали до основания, которым мы бесчисленное количество раз объясняли недостаточность социал-реформаторского латанья и необходимость социалистического переворота.

В первом случае наши попутчики не поняли бы нас, так как, отклоняя бюджет, мы становимся в противоречие с их необоснованными ожиданиями и превратными представлениями о социал-демократии. Во втором случае нас не поняли бы наши испытанные приверженцы, так как, принимая бюджет, мы становимся в противоречие с нашими собственными словами и заявлениями. То обстоятельство, что для Фендриха и его товарищей в этой альтернативе имеют решающее значение мнения мелкой буржуазии, а не сознательных рабочих, служит лишним доказательством того, что принятие бюджета рассчитано на буржуазную идеологию.

Так называемая «глупость масс», которая испокон веков при всякого рода отступлениях от принципов играет роль козла отпущения, является, в сущности говоря, не чем иным, как ограниченностью тех, кто ссылается на эту глупость. Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает, и каждая партия имеет ту «массу», которая ее стоит. Если бы когда-нибудь «масса» действительно не поняла нашей деятельности там, где мы оставались верны себе, то из этого следовало бы только то, что мы недостаточно познакомили народные круги с нашей истинной сущностью и стремлениями и тем вызвали у них ложные представления, или что мы обратились к тем кругам, которые по своему социальному положению не в состоянии — или еще не в состоянии — нас понимать, и понимание или непонимание которых для нас поэтому не может быть решающим.

Когда Фендрих и товарищи твердят нам об «общем впечатлении» и «интуитивном (получаемом по наитию) познании трезвого человеческого разума у людей из народа», то они подсовывают «людям из народа» собственные взгляды «практической политики», т. е. оппортунизм, а там, где они ссылаются на непонятливость «масс», они показывают лишь собственное непонимание сущности социал-демократической парламентской политики.

III

Фендрих и товарищи могут, конечно, также представить себе такой случай, что и они когда-нибудь восстанут и основательно напугают правительство своим вотумом недоверия. Но прежде чем такое «чрезвычайное выступление» будет

инсценировано в Бадене, должно произойти что-нибудь уже очень страшное. А пока социал-демократические фракции в ландтаге признаны во всех отношениях равноправными с другими (стр. 656 и 661), и пока существует это «равноправие», Фендрих и его друзья торжественно обещают не выступать с вотумом недоверия против своего правительства.

В чем состоит это пресловутое «равноправие» баденских социал-демократов в ландтаге — трудно, собственно, сказать. Очевидно в том, что Фендрих имеет право свободно разгуливать в ландтаге, и никто ему нарочно не наступит на мозоль, что как только он начнет говорить, президент не закричит ему: «замолчите вы, вы бестолковый социал-демократ!» Конечно, чем это не райская жизнь! Но вот только с Фендрихом и его товарищами случилась маленькая ошибка, что они себя, семь человек, смешали с баденским рабочим классом. Рабочие-то не совсем уж так «равноправны» в государстве, как их достойные зависти представители в палате. Им полиция даже очень часто наступает на мозоли, например, когда они хотят справлять свой классовый праздник — 1 мая. Им государство не всегда позволяет раскрывать рот в общественных делах, например, при выборах. В Бадене не существует всеобщего прямого избирательного права в ландтаг, но Фендрих чувствует себя «во всех отношениях равноправным!» Не существует всеобщего прямого избирательного права в общины, и все же Фендрих утопает в блаженном упоении конституционными свободами! Рабочие и служащие баденских государственных железных дорог напрасно подают прошение о повышении их жалких окладов,—но Фендрих не перестает чувствовать себя «равноправным»!

Мало этого: баденское правительство, совместно с другими союзными правительствами, вырабатывает с похвальным усердием исключительные законы против немецкого рабочего класса, оно участвует вместе с ними в германской мировой политике, в войне с Китаем, в грабеже чужих земель, оно вместе с ними занимается хлебной спекуляцией,— а Фендрих восседает в ландтаге в Карлсруэ и заявляет: моя хата с краю, я ничего не знаю, я вполне «равноправен». И наконец, или, скорее, прежде всего: рабочий класс живет в положении систематического наемного рабства, живет под режимом капиталистического классового господства,—а его представители в парламенте чувствуют себя «во всех отношениях равноправными»! Социал-демократические депутаты посылаются в ландтаг в виде протеста против бесправия, против закабаления и притеснения рабочего класса,—а они по приходе в ландтаг заявляют: к сожалению, мы «во всех отношениях так равноправны», что для нас невозможно выносить вотум недоверия капиталистическому государству!

Здесь мы опять имеем перед собой уже в новом аспекте буржуазное понимание парламентской борьбы. Не социальные, не политические условия страны, не общее положение народных масс являются руководящими для поведения в парламенте, но формальное отношение внутри самой палаты. Пока есть возможность наравне с другими изощряться без конца в парламентском красноречии, до тех пор нужно говорить о «полном равноправии», и Фендрих не признает классовую бесправность баденского пролетариата до тех пор, пока швейцар прямо не вышвырнет его из залы заседания ландтага, бросив ему вдогонку пальто. Тогда!.. Да, тогда, пожалуй, и он будет готов отклонить бюджет.

IV

Совершенно очевидно, что вся аргументация наших баденских парламентариев является **о т р и ц а н и е м с а м ы х э л е м е н т а р н ы х п о н я т и й с о ц и а л - д е м о к р а т и и**. Оценка классового характера государства по отдельным статьям бюджета, а не по всему характеру его деятельности, приспособление социал-демократической тактики к понятиям и желаниям тех кругов населения, которые ничего не знают и знать не желают о конечных целях социал-демократии, наконец, выделение парламентской политики из общего социального положения пролетариата и политики немецких отдельных государств из общего политического положения в империи,—это все признаки того, что некоторые круги партии успели уже благополучно вылинять до того предела, где начинают исчезать социал-демократические принципы. Поэтому теперь наступил крайний момент, чтобы напомнить этим кругам, что для социал-демократов негодность современного государства выражается не в его расходах по удельному ведомству, полиции и содержанию двора, но во всей его сущности, во всей его деятельности; что социал-демократические депутаты избираются не для того, чтобы потакать взбесившимся мелким буржуа, но чтобы представлять желания и взгляды сознательных пролетариев; что, далее, не существует баденской, баварской, гессенской социал-демократии, из которых каждая ведет лишь свои отдельные политические счеты со своим государством, но существует лишь единая немецкая социал-демократия; и что, наконец, всякий немецкий социал-демократ до тех пор не должен чувствовать себя в парламенте «равноправным» и обязанным выносить вотум доверия правительству, пока немецкий рабочий класс не сбросит с себя капиталистическую систему найма.

Вначале теория голосования за бюджет выступала под флагом «практической политики». Дело было, мол, «в исключительных случаях», где упорная «непримиримость» заставляла упускать из рук верные материальные выгоды, и где принятие бюджета могло бы предохранить рабочий класс от тяжелых последствий.

Между тем «исключительные случаи», вроде гессенского случая, больше с тех пор не повторялись, социал-демократия больше не попадала в безвыходное положение, однако, принятие бюджета стало на юге почти что приятной привычкой.

На вопрос,—какую практическую непосредственную пользу получает партия от этого систематического нарушения социал-демократических принципов,—ответом является смущенное молчание. А если спросить, на каком основании оно все же без всякой видимой цели практикуется,—то оказывается, что голосование за бюджет вообще само по себе вещь прекрасная и не нуждается ни в каком особом оправдании.

Поэтому, если бы Любекский партейтаг и теперь дал бы вовлечь себя в дебаты о принципах и тактике, о «чрезвычайных ситуациях» и о конфликтах между «практическими интересами» и жестким отклонением бюджета, то это было бы с его стороны непростительной наивностью. Ведь уже вполне достаточно ясно выявилось, что эти абстрактные случаи и «тактические соображения» являются лишь средством пробить брешь в принципах.

Само собой разумеется, что в действительности не может быть таких случаев, где бы мы были принуждены изменять нашей программе. Совершенно ясный ответ на все сетования по поводу возможного материального ущерба от таких чрезвычайных ситуаций дал уже **Б е б е л ь** во Франкфурте: «Мы не виноваты,—сказал он,—если буржуазное большинство случайно воспользуется отклонением нами бюджета для своих реакционных целей. Мы, с своей стороны, отклоняем всякое обременение народа, мы боремся со всякой реакцией». И это заявление поймут все те круги народа, которые достаточно зрелы для того, чтобы вообще понимать наши стремления.

Таким образом, нашим депутатам в ландтаг должен быть наконец дан наказ без всяких «тактических» лазеек, и это, надо надеяться, осуществит умудренный семилетним опытом Любекский партейтаг с большим успехом, чем предъидущий партейтаг.

РЕЧЬ ПО БЮДЖЕТНОМУ ВОПРОСУ НА НЮРНБЕРГСКОМ ПАРТЕЙТАГЕ В 1908 г.

В течение последних лет ни один почти партийный съезд не обходился без оживленной дискуссии о наших принципах и об основных вопросах нашей тактики. Сейчас как раз миновало десятилетие со времени того памятного кон-

гресса в Штутгарте, на котором впервые развернулась большая дискуссия с так называемым ревизионистским течением. С тех пор мы имели почти ежегодно такие дискуссии по тому или другому поводу, и не один раз те, которые усматривали в этом течении величайшую опасность для партии, навлекали на себя обвинение в пессимизме и преувеличенно мрачных предсказаниях.

Я полагаю, однако, что происходившие на настоящем партийном съезде дебаты обнаруживают с небывалой раньше остротой, ясностью и четкостью, куда держала бы руль партия, если бы сдала свои позиции этому течению (Совершенно верно!) Здесь мы имели дискуссию не об абстрактных теоретических вопросах, здесь идет речь о вопросе, имеющем существенное практическое значение: о вопросе политической работы партии, о вопросе, значение которого понятно самым широким массам. И что же при этом оказывается? Что при дальнейшем движении в том направлении, которое теперь преобладает в южной Германии, мы будем, в конце концов, поставлены перед альтернативой: буржуазная реформистская партия или анархизм! Куда клонилась вся аргументация Тимма, Франка, Гильденбранда? Лейтмотив их речей, равно как и основная идея всех появившихся в печати статей их соратников — Давида, Кольба и других, сводились к этой альтернативе: или мы признаем, что можем на почве современного государства добиться важных положительных достижений, и в таком случае необходимо отказаться от нашего бесполезного, принципиально враждебного отношения к существующему государству, с неизбежно из него вытекающим отклонением бюджета классового государства,—или же мы должны открыто признать, что на почве существующего государственного строя никакие серьезные достижения невозможны. Но тогда мы должны сделать необходимый вывод и уйти из парламентов, ибо наша борьба за завоевание политических прав потеряла бы всякий смысл. Вчера это было нам здесь заявлено. Повидимому, наши южно-германские товарищи, по крайней мере, заседающие в парламентах, совершенно утратили сознание того, что может существовать политика, одинаково далекая как от буржуазно-реформистской политики, так и от анархистских химер; что может существовать социалистическая классовая политика, борющаяся со всею силою за положительные достижения, но с такой же силой выявляющая на каждом шагу свою принципиальную враждебность к существующему государственному строю,—в частности, и в форме отклонения бюджета. Своими защитительными речами они сами дали наилучшее доказательство того, к каким уклонам ведет их точка зрения.

Далее, к чему вела защита Тимма? К непреднамеренному, но тем более многозначительному прославлению партии центра в Баварии (Совершенно верно!). А к каким выводам клонилась защита Франка? К столь же ненамеренной, но тем более действительной апологии прогрессистских министров баденского правительства (Совершенно верно! Возражения среди южно-германцев). Я знаю, в ландтаге вы совершенно иначе характеризовали поведение правительства. Но противоречие между тем, что вы говорили там и что говорили здесь, показывает особенно выпукло, в какое двусмысленное положение вы себя поставили чересчур тонкой дипломатией (Очень хорошо!) Вряд ли я ошибусь, предполагая, что вчерашние ваши речи попадут нам вторично в руки, и именно, в листовках центра и в местных правительственных органах. Там будет сказано: правда, эти же самые люди в парламенте обходились с нами совершенно иначе — конечно, по причинам дипломатического свойства, но своим братьям и товарищам они скорее выложили сокровенные свои убеждения, а там они хвалили все то, что мы делали. Вместо того чтобы на каждом шагу доказывать массам, как ничтожно и жалко все то, чего вы достигли, вы логически вынуждены были (Возглас: кто в этом виноват?) — не прерывайте меня, ваше время не было ограничено (Очень хорошо!) — раздувать эти пустяки в великие события, выставлять их нам как нечто чрезвычайно важное, как большие достижения.

Из того, что разрешена продажа партийной прессы на вокзалах, Франк делает тот вывод, что мы находимся на пути к достижению политического равноправия (Смех), а то, что бюджет семьи госрабочего повысился с 600 — 700 до 1000 марок, лишает нас оснований выражать свое недоверие правительству; кстати сказать, эта прибавка далеко не покрывает нехватки, вызванной голодным тарифом. Да, дорогие товарищи, политика дипломатии и государственной мудрости является школою скромности (Очень хорошо!). Первые проявления этой скромности показали нам южно-германские парламентарии, а законченную ею форму дает соглашение с свободомыслящими в Германии (Оживленные одобрения).

Франк ссылался на авторитет великого Лассаля, который будто бы понимал лучше нас чувства и чаяния народных масс в Германии. Не кому иному, однако, как Лассалю, принадлежат чеканные слова о проклятой нетребовательности масс; свою задачу, как социалиста, Лассаль видел в том, чтобы воспитывать в массах недовольство, поднять их требования на такую высоту, по сравнению с которой все возможные достижения, о которых здесь говорилось, кажутся сущими пустяками. Мы, как социал-демократы, до сих пор

в точности так и действовали. Мы учили массы оценивать те достижения, которые можно вырвать у современного государства, не с точки зрения былой нищеты, а по сравнению с грядущими еще завоеваниями, по сравнению с конечной нашей целью (Совершенно верно!). Мы воспитывали в массах сознание этой конечной цели, как критерия, показывающего, что все, не только право продажи партийной прессы на вокзалах, но и все остальное, чего мы можем добиться, представляет собою лишь жалкие подачки. Говорят о необходимости привлечь на нашу сторону индиферентные массы. Когда вопрос ставится так, будто приверженность пролетарских масс мы доныне приобретали, главным образом, благодаря этим мелким достижениям, благодаря этим жалким социальным реформам, то я утверждаю, что это неслыханное и незаслуженное оклеветание пролетарских масс в Германии, и в то же время огромная недооценка притягательной силы нашей социалистической конечной цели.

Чем же завоевывали мы массу во время закона против социалистов, когда ничего не могли им предложить? Чем мы их завоевывали в Пруссии, где мы вообще не имели до настоящего времени доступа в парламент? И подумайте, чем удержим мы в будущем миллионы наших приверженцев и будем привлекать новых, если из все возрастающего обострения политических противоречий в Германии неопровержимо явствует, что положительные достижения в области социальной реформы становятся все меньше и скоро станут совершенно невозможны (Очень хорошо!). До сих пор мы приобретали доверие миллионных масс не подачками и мелкими уступочками, а нашей беспощадной критикой всего существующего строя и нашим социальным идеалом будущего (Оживленные одобрения). Куда приводит отступление от этого пути и предположение, что массы можно купить только положительными мелкими подачками — показывает судьба буржуазных реформистских партий и, в первую очередь, национал-социальной партии: в конце концов, — к потере доверия масс и уважения политических противников. Ничего не выигрывается, а теряется все.

В речах, которые мы здесь слышали, был один лейтмотив: буржуазная реформистская политика. А другой лейтмотив сводился к следующему: как бы вы ни голосовали, мы не подчинимся. Когда товарищи Франк, Тимм, Гильденбранд и иже с ними изображают дело так, будто их обижают, преследуют и хотят подвергнуть насилию, они переворачивают вещи вниз головой. Вспомним по возможности спокойно и объективно, как обстояло дело. Южно-германские парламентарии голосовали за бюджет вопреки всем заявлениям значительного большинства партии, хотя товарищи заранее их предостерегали, что это вызовет

в партии скандал. Они отказали высшему партийному центру во всякой информации о своих решениях (Возражения), они заранее называли партийный съезд полицейской комедией (Совершенно верно!). Они пытались уговорить южно-германских партийных товарищей, наших братьев, не посылать делегатов на наш общепартийный съезд (Совершенно верно!) и после всего этого они здесь выступают против резолюции, которая в самой сдержанной и деловой форме (Смех) говорит: минимум того, что совершенно необходимо, чтобы сохранить точку зрения партии. Все остальное прикрывается плащом христианской любви, и, тем не менее, они приставляют нам к груди револьвер и угрожают расколом. Товарищи, единство, купленное ценою отказа большинства демократической партии от его основного права формулировать свои взгляды и постановлять обязующие всех членов партии решения, есть иллюзия. Мы не должны итти навстречу таким тенденциям, необходимо сохранить внутреннее единство. Мы имеем все основания призвать, наконец, к порядку представителей этого течения, несущего нам политическую и организационную гибель, энергичным окриком: до сих пор — и не дальше (Шумные рукоплескания)!

БАДЕНСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ БЮДЖЕТА (1910 г.)[1]

Поразительно, что баденские события везде, где они встречают должное осуждение, оцениваются, главным образом, как крупное нарушение дисциплины. Заведомое и развязное нарушение точных постановлений высшей инстанции и явно выраженной воли всей партии особенно глубоко возмущает широкие круги наших партийных товарищей, и вызывает сильнейшее желание, чтобы Магдебургский партийный съезд энергичным выступлением положил раз навсегда конец подобной развязности. Здесь здоровый пролетарский инстинкт восстает против недосягаемости этих привилегированных натур с парламентским мандатом, которые цинично попирают ногами волю «партийного стада», потому что милостивая улыбка его превосходительства буржуазного министра им дороже, чем одобрение сотен тысяч пролетариев. Всякий рядовой рабочий, который так же сознательно нарушил бы дисциплину и постановления своей организации, был бы немедленно и беспощадно исключен из организации, будь то из профсоюза или партийной организации. Но партия никоим образом не может иметь два закона, — один для простых пролетариев, другой для парламентских деятелей. Партийная дисциплина, являющаяся лишь механическим средством сделать волю

[1] Bremer Bürgerzeitung, август 1910 г.

пролетарских масс мерилом действий каждого, либо имеет одинаковое для всех значение, либо совсем не существует. Как раз официальные представители партии, парламентские ее представители, прежде всего и гораздо более чем всякий рядовой солдат нашей армии, обязаны строго соблюдать партийную волю и дисциплину, потому что всякое отклонение на этом ответственном посту задевает всю партию и бесконечно больше ее компрометирует и ей вредит, чем даже самые тяжелые проступки какого-нибудь безвестного пролетария из рядов великой армии.

Так чувствует и так мыслит огромное большинство товарищей, потому со всех сторон раздается нетерпеливое требование примерного наказания для голосовавших за баденский бюджет и для ходивших на поклон ко двору,—исключения из партии, дабы раз навсегда дать устрашающий пример и предупредить повторение подобных фактов в будущем.

Как ни приятна обнаруживаемая в этих требованиях решимость, все же необходимо сказать, что этим вопрос далеко не исчерпан. В пролетарской классовой партии партийная дисциплина является столь существенным условием единства выступлений, а следовательно, и существования самой партии, что ее нельзя достаточно высоко ценить и достаточно заботливо охранять. Однако, подходить к вопросу в данном случае чисто формально, как к нарушению дисциплины, и требовать лишь наказания за этот проступок, это значило бы недооценить всю важность вопроса. Истинное значение совершившегося и трагическая его сторона заключаются в том слишком мало отмеченном обстоятельстве, что поведение баденской фракции ландтага встретило почти безраздельное, почти безусловное одобрение со стороны баденской партийной организации. Пусть в этом выражении доверия играет известную роль формальная точка зрения чести, вменяющая в обязанность верную защиту собственных депутатов против всяческих нападков. Пусть это является выражением большого раздражения против «Северной Германии» в том смысле, что баденская организация, не смущаясь бурей негодования по ту сторону Майна, отвечает на нее градом вотумов доверия фракции ландтага. Эти психологические мелкие мотивы не могут сполна объяснить поведение баденской партийной организации в столь важном деле, где речь идет о самом существовании социал-демократии. Все же здесь, главным образом, обнаруживается отсутствие правильного понимания политики пролетарской классовой борьбы и основных требований революционной точки зрения социал-демократии. В широких кругах товарищей, поскольку они способны приветствовать поведение своей фракции в ландтаге, очевидно, отсутствует чувство

принципиального различия между парламентской тактикой социал-демократии и парламентской тактикой буржуазных партий, понимание того, что положительная работа социал-демократии вполне может быть соединена с ее принципиальной позицией революционной партии пролетариата, и что только именно благодаря этому работа становится плодотворной и успешной. Если бы это было не так, если бы классовый инстинкт, живое чувство пролетарской политики было развито в массах баденских товарищей так сильно, как этого, в сущности, следовало ожидать, баденские депутаты не посмели бы зайти так далеко. Для того чтобы так открыто попирать ногами самые элементарные принципы социал-демократической тактики, сознательным выступлением против всей партии, они должны были заранее знать, что они могут себе позволить по отношению к собственным партийным товарищам.

Правда, отчасти они пожинают плоды той систематической смуты, которую сами годами сеяли в рядах баденской партии, в чем им усиленно помогала такая пресса, как издаваемый Кольбом Karlsruher Blatt. Как показывает пример Италии и Франции, роль оппортунистических парламентариев сводится, главным образом, к развращению пролетарских масс партии. Но какая польза от классового воспитания пролетариев, от социал-демократической выучки, от традиций партии, если достаточно дюжины депутатов и журналистов, чтобы сбить пролетариев с пути классовой политики? Ведь с точки зрения социал-демократии депутаты должны быть только слугами, только послушным орудием сознательной рабочей массы, и если дюжина товарищей с мандатами может оказывать такое решительное влияние на партийные массы, систематически их развращая, то это само по себе есть верный симптом значительного уклона в сторону буржуазности.

Если от баденской фракции ландтага мы обратимся к стоящим за нею пролетариям, то увидим, что способ действия депутатов — лишь внешнее выражение распространенного в баденских партийных кругах понимания политической борьбы и задач социал-демократии. Бунт Франка и Кольба, в связи со многими другими фактами прошлых лет, вскрывает глубоко скрытую язву. А если мы кроме того примем во внимание отношение баварской, вюртембергской и гессенской прессы к баденскому инциденту, то история баденского голосования бюджета и низкопоклонства вырастает в такое зло партийной жизни, которое мы явно недооцениваем, принимая это лишь за «нарушение дисциплины», требующее соответствующих мер. Франк и Кольб, быть может, действительно повинны в сознательном нарушении дисциплины и в

сознательном провоцировании всей партии, — но прямодушные товарищи из Неккарау, Брухзаля, Фуртванген, Зульцфельда и Карлсруэ, конечно, чужды всякой провокации. Их безусловное одобрение голосовавшей за бюджет фракции ландтага свидетельствует о чем-то гораздо более печальном, чем «нарушение дисциплины», а именно о том, что они смешивают мелкобуржуазную политику реформ с социал-демократической классовой борьбой.

Поэтому исключением баденской фракции из партии вопрос не был бы решен. Мы не можем исключить депутатов ландтага и игнорировать стоящие за ними партийные организации, выражающие им полное одобрение. Мы не можем допустить два закона, — один для депутатов, другой — для обыкновенных товарищей, даже и в этом обратном смысле, спуская рабочим то, за что мы взыскиваем с их парламенских представителей. Но мы не можем исключить из партии тысячи баденских товарищей, и сверх того еще прочих южно-германских товарищей, им сочувствующих. Мы не можем сами вызвать на этой почве раскол в северо- и южно-германской социал-демократии. И не можем мы этого сделать не потому, что нам «предстоят выборы в рейхстаг», и не потому, чтобы нас страшил раскол, будь он действительно неизбежен, но потому, что дело идет о тысячах пролетариев, составляющих плоть от плоти нашей, которых мы должны не «наказать», а убедить в нашей правоте. Социал-демократическая идея не должна капитулировать перед границей Майна, и если мы не теряем надежды обратить в нашу веру рабочих центра, то тем более успешно мы должны одолеть задачу завоевать мелкобуржуазно-настроенных рабочих, уже примыкающих к социал-демократии, в пользу идеи революционной классовой борьбы.

И поэтому прежде всего встает вопрос о том, действительно ли вся партия исполнила свой долг в этом смысле, сделала ли она все возможное для того, чтобы в самых широких партийных кругах пробудить политическую совесть и укрепить революционный классовый инстинкт.

Первая ошибка баденской фракции заключается в полном пренебрежении республиканским характером нашей партии. Но разве на совести партии нет в этом смысле тяжелых грехов? Если бы республиканский лозунг должным образом выдвигался во всех важных случаях, если бы путем систематической агитации в широких партийных кругах обострялось сознание того, что социал-демократ вместе с тем принципиальный республиканец, тогда было бы невозможно столь яркое самоунижение, подобное баденскому, или оно, во всяком случае, вызвало бы бурю негодования в собственном баденском лагере. Но уже десятками лет у нас совершенно пренебрегают республиканской агитацией. Даже по такому насущному поводу, как, например, кризис, связанный с делом Daily Telegraph[1], наша партия в рейхстаге ни одним звуком не обмолвилась о республиканском лозунге и не пошла дальше свободомыслящего лозунга ответственного министерства. Точно так же не было ничего сделано для распространения республиканских принципов по поводу недавнего увеличения цивильного листа. Приходится ли удивляться тому, что целое поколение партийных товарищей, не испытавшее на себе действия закона о социалистах, выросло, ничуть не задумываясь над республиканским характером нашей партии. За все это время обычная фраза о том, что республиканские убеждения «сами собою понятны» для каждого социал-демократа, служила только удобной отговоркой. Ведь совершенно так же «само собою понятна» для каждого социал-демократа и вражда против милитаризма, и тем не менее из года в год мы посвящаем тысячи собраний, газетных статей, листовок задаче внедрения в сознание масс этого «само собою понятного» убеждения. Для республиканской «самоочевидности» мы пока что решительно ничего не сделали, и вот нам приходится видеть, что для значительной части партийных масс юга кажется «само собою понятным», когда социал-демократы расшаркиваются в великогерцогской прихожей баденского дворца.

Вторым источником баденских уклонов следует признать переоценку парламентаризма, которому приносятся в жертву интересы агитации среди масс. Но разве партия не согрешила также и в смысле поощрения парламентского кретинизма, с тою лишь разницей, что это делалось в связи с выборами в рейхстаг? Разве как раз в данный момент мы не видим воочию удивительный пример этого парламентского кретинизма, когда события в Бадене со всех сторон встречают возгласами: «это вы решаетесь делать, когда мы стоим перед выборами в рейхстаг и имеем такую блестящую ситуацию!» Подумайте только! Тактика, принятая баденской фракцией ландтага, задевает жизненный нерв, основу существования социал-демократии. Стоит распространить эту тактику на всю Германию, и социал-демократия просто перестанет существовать, обратится в презренный мяч, которым будут перебрасываться враж-

[1] 28 октября 1908 г. Daily Telegraph опубликовал интервью Вильгельма II, в котором он, между прочим, хвастал тем, что дал Англии план кампании против Бурской республики в начале XX столетия. Он предлагал совместное с Англией разрешение «проблемы Тихого океана». Опубликование этого интервью с явного разрешения кайзера повело к правительственному кризису, во время которого парламенту была сделана кажущаяся уступка и был устранен Бюлов.

дующие буржуазные партии, в смехотворную карикатуру социалистически-монархистски-реформистской правительственной партии. Вопрос стоит о «быть или не быть» социал-демократии, — а между тем, все это дело рассматривается, прежде всего, как вопрос конъюнктуры при ближайших выборах в рейхстаг. Как будто бы сотни мандатов могли нас вознаградить, когда нам угрожает опасность потерять почву непримиримой классовой политики.

А разве только недавно внушительное массовое выступление в борьбе за избирательное право в Пруссии не было просто-напросто прервано для того, чтобы мы могли без всяких помех на год отдаться приготовлениям к выборам в рейхстаг? В Северной Германии у нас установился культ выборов в рейхстаг, накладывающий печать на всю партийную жизнь; на мелкобуржуазной почве юга этот культ парламентаризма вырождается в отвратительную карикатуру.

Но надо, наконец, задать себе вопрос: когда партия интересуется событиями и положением вещей на юге? Когда разыгрывается скандал на весь мир, вроде утверждения бюджета,—повседневными делами партийного руководства фракцией ландтага и прессой на юге вся партия никогда не интересуется. Когда обнаруживаются такие резкие нарушения социал-демократической политики, как отказ от всякой агитации среди масс за борьбу против реакционной реформы коммунальных выборов в Бадене, как отказ социал-демократов от своих требований при обсуждении школьного закона в баденском ландтаге,—наша партийная пресса молчит и не интересуется ни полной информацией о партийной жизни на юге, ни подобающей критикой и противодействием. Вот уже двенадцать лет, как партия в отношении ко всем ревизионистским тенденциям занимает вообще оборонительную позицию и играет роль ночного сторожа, который появляется на сцену и трубит в свой рог лишь тогда, когда на улице разыгрывается скандал. Но результаты показывают, что этим методом нельзя пресечь зла. Мы должны себе уяснить, что ревизионизм может быть преодолен только систематическим противодействием изо дня в день. Вся партийная агитация и партийные выступления должны быть направлены на борьбу с этим бичом. Тяжелый туман парламентскую кретинизма, политики соглашений с буржуазией и мелкобуржуазного духа может быть разогнан не внешними формальными запретами и не одной дисциплиной, но прежде всего возможно более широким развитием крупных массовых выступлений везде, где только их допускает ситуация массовых выступлений, мобилизующих широкие круги пролетариата, открывающих более далекие горизонты политической жизни и укрепляющих перед лицом

великих задач чувство спаянности и единства социал-демократии всей Германии. И потому крайне близоруко — не понимать, что удушением прусского движения за избирательное право, которое в своем дальнейшем развитии могло бы охватить также и партийные массы юга, и отказом от празднования 1 мая, в силу соглашения с профсоюзным центром, оказывается сильнейшая поддержка тому самому ревизионизму, от которого теперь всячески стараются «отгородиться». Поэтому партийный съезд в Магдебурге должен во всех пунктах порядка дня откликнуться на баденские события: по вопросу о праздновании 1 мая, о борьбе за избирательное право, об агитации и прессе приходится только пожалеть, что, — не учитывая вышеуказанного нами общего значения этих вопросов,— на берлинских партийных собраниях баденский партийный спор рассматривали, как единственный предмет обсуждения предстоящего партийного съезда, а все остальные вопросы партийной жизни, стоящие в порядке дня, были просто забыты. Строгая пролетарская классовая политика на всех поприщах, открытая республиканская агитация устным словом и в печати, возможно более широкое развертывание крупных массовых выступлений при соответствующей благоприятной политической ситуации, смелое применение методов и форм социал-демократической борьбы к новым проблемам,—вот единственное действительное средство, которое может в будущем уберечь нас от новых происков ревизионизма и сделать пролетариев юга сторонниками классовой политики и революционной точки зрения социал-демократии.

Но чтобы этого действительно достичь, партия должна прежде всего ясно и определенно показать, что она решила остаться тем, чем она до сих пор была в своем подавляющем большинстве. Если неуместно исключать баденских товарищей из партии, то еще более неуместно оставлять в положении официальных представителей партии людей, сознательно действующих вопреки принципам партии. Баденские депутаты ландтага являются представителями не только местной организации, но и всей германской партии. Это вытекает не только из общей политической установки, в силу которой за действия своего парламентского депутата отвечает не только его избирательный округ, но и вся партия. Возлагаем же мы на каждом шагу, и с полным основанием, ответственность на центр национал-либералов, свободомыслящих за слова и за голосование любого их депутата в каком-нибудь ландтаге. Такое отношение к своим депутатам для социал-демократии тем более обязательно, что оно обусловлено всей историей нашей партии.

Баденские товарищи никак не могут с чистой совестью утверждать, что 20 мест в баденском ландтаге — это их собственное достижение, что они отвоеваны только их собственной агитационной работой. Нет, это — достижения всей партии, сорокалетняя работа в рейхстаге, закон о социалистах, огромный рост социал-демократии на промышленном севере, где решаются политические судьбы Германии, колоссальные материальные и духовные средства, которые здесь тратятся для рабочего движения — вот что также и в Бадене подняло до современного уровня влияние, значение и численность социал-демократии. 20 мандатов в баденский ландтаг, так же как и каждый мандат в рейхстаг, являются плодом полувека безмерных усилий и жертв всей партии Германии на севере и на юге, на востоке и на западе. Только как часть этого целого, только как маленькая фаланга этой исполинской армии связаны баденские рабочие с этими отвоеванными ими мандатами в ландтаге. Поэтому, даже при самом большом уважении к баденским пролетариям и при самом снисходительном отношении к их поступку, простой закон справедливости, простая политическая самоочевидность подсказывают, что баденские товарищи не должны навязывать всей партии таких представителей в парламент, которые обращают в ничто волю и убеждение всей партии. Мы хотим и должны обратить в нашу веру баденские партийные массы, но п а р л а м е н т с к и е п р е д с т а в и т е л и, которые своими действиями компрометируют партию и препятствуют распространению тех социалистических идей, которые мы считаем необходимыми, — н е и м е ю т б о л ь ш е п р а в а о с т а в а т ь с я н а с в о е м п о с т у. Ясно это высказать, — п р и н у д и т ь 17 б а д е н с к и х д е п у т а т о в к о т к а з у о т и х м а н д а т о в — это минимум того, что должен сделать магдебургский партийный съезд. Трехмиллионной партии волей-неволей приходится мириться с тем, что всякие мелкобуржуазные реформисты, вроде Франка, Кольба, Квесселя и др., не находя другого, более заманчивого поля деятельности, упорно желают повсюду сойти за социал-демократов. Но партия не должна выдвигать таких личностей и доверять им посты, которые обязывают действовать в качестве руководителей масс.

Впрочем, осуществление наших требований не создает нового положения. 17 социал-демократических мандатов в баденском ландтаге действиями фракций уже обращены в ничто, они уже вырваны из рук партии, которой они стоили немалых трудов и жертв, и являются уже представительством мелкобуржуазно-монархической партии реформ, а не социал-демократии. Требуя от 17 депутатов отказа от мандатов, партия только санкционирует то, что уже есть. Как всегда, так и в данном случае, этот сам по себе простой и не крупный акт будет шагом, очищающим путь.

Мы не должны при этом закрывать глаза на возможность осложнений. Вполне возможно, что баденские «мятежники», несмотря на требование партии, будут настаивать на сохранении своих мандатов, опираясь на своих избирателей. История оппортунизма во Франции и Италии дает и такие примеры нарушения дисциплины. Однако, морально, а также и политически в глазах буржуазных партий, с которыми так считаются баденские депутаты ландтага, эти мандаты, после аннулирования высшей партийной инстанцией, теряют свое значение. Дальнейшие действия «мятежников» уже более не обязывают партию, они уже не могут ее скомпрометировать, а это самое главное. Решительное слово социал-демократии внесет свет в смуту, внесенную в сознание баденских пролетарских масс развращающей политикой фракции ландтага. Если 17 депутатов ландтага будут далее сопротивляться воле всей партии и настаивать на сохранении аннулированных мандатов, то они сами поставят себя вне рядов партии, п е р е с т а н у т с у щ е с т в о в а т ь д л я н е м е ц к о й с о ц и а л-д е м о к р а т и и. Решение партийного съезда разъяснит положение и очистит атмосферу, оно встряхнет пролетарскую совесть широких партийных кругов Бадена и официально освободит всю партию от соучастия в ревизионистских уклонах.

Если бы, однако, баденские товарищи захотели из-за своих 17 депутатов вступить в открытую борьбу со всей партией, — ну, тогда партия может с полным спокойствием итти навстречу дальнейшим событиям. Мы не будем стремиться к р а с к о л у в п а р т и и, но если бы к нему привело своеволие баденских товарищей, то вся партия не будет за это нести ответственность. И достаточно было бы самого короткого времени, чтобы баденские товарищи, виновные в создавшемся положении, вернулись в лагерь своих товарищей по борьбе. Во всяком случае никакие угрозы не должны помешать партии сделать то, чего требует от нее право на существование. Никогда нельзя покупать внешнее единство партии ценою допущения внутренней розни и раскола. Но если партийный съезд не решится просто аннулировать мандаты 17 баденских депутатов ландтага, то новая резолюция, осуждающая баденскую келейную политику, после таких же прежних резолюций, будет только н е н у ж н о й т р а т о й с л о в. И чем резче будут эти слова, тем нагляднее они обнаружат, что партия бессильна подкрепить свои слова соответственными действиями.

РЕЧЬ НА МАГДЕБУРГСКОМ ПАРТИЙНОМ СЪЕЗДЕ 1910 г. О ВОТИРОВАНИИ БЮДЖЕТА

Если что особенно наглядно показало полную ненужность и неосновательность предположений Брауна и товарищей[1] и насущную необходимость высказать, наконец, ясное и бесповоротное решение по вопросу о вотировании бюджета, то это защитительные речи Франка, Кольба и товарищей. Все вы согласитесь со мною, что при самом внимательном отношении в этих речах нельзя было услышать ни одного аргумента, который хотя сколько-нибудь убедительно говорил бы в пользу необходимости вотирования бюджета (Одобрения и возражения). Ни одна новая мысль не была внесена в дебаты, которые мы, к сожалению, уже шестнадцать лет ведём в партии по этому спорному вопросу. К чему сводилась большая защитительная речь содокладчика Франка, в чем ее смысл? Это был длинный и обстоятельный отчет о всей деятельности баденской фракции ландтага, перечислялся длинный ряд законодательных предположений, изменений законов и тому подобных подвигов, и при этом сам же Франк вынужден был признать, что нашим товарищам в баденском ландтаге ни в одной области не удалось действительно провести в жизнь наши принципиальные требования (Одобрения и возражения).

Если наши товарищи в баденском ландтаге и выставляли свои требования,— что мы с радостью признаем,— то в конце концов они добивались лишь пустяков, они копали землю в поисках золота и радовались, если находили дождевых червяков. («Ого» — со стороны меньшинства. Одобрение большинства). На это ваше «ого» я сейчас отвечу доказательствами. Я не хочу вдаваться в критику всех тех больших достижений, которые здесь перед нами раскрывались во всем своем блеске, но все мы могли убедиться, что венцом успешной практической политики в баденском ландтаге является знаменитый закон о школах. Разве у вас не забились радостно сердца, как у меня (Крики: нет! Смех), когда сообщалось о том, что мы добились утверждения должности школьного врача? Вы можете себе представить, как теперь радикально улучшится состояние здоровья баденской школьной молодежи! (Смех). Обстоятельно описывались также другие завоевания в области школьного дела. Как лицо, не проживающее в Бадене, я не беру на себя смелость высказывать компетентное суждение насчет школьного закона, проведенного при участии нашей баденской фракции ландтага; но, к счастью, я имею возможность привести авторитетное суждение одного баденского товарища, и притом голосовавшего за бюджет (Слушайте, слушайте!). На той же неделе, когда я проводила свое собрание в Леррахе, в местном партийном органе, редактируемом другом Кольба и Франка, тов. Решом, появилась следующая оценка баденского школьного закона:

> В «Правительственном вестнике» опубликован новый порядок приведения в действие пересмотренного школьного закона. Закон вводит целый ряд различных новшеств, однако, все еще не тех, которых давно требуют весь баденский учительский мир и интересы успешного развития школьного дела. Хотя закон этот и является созданием блока большинства, однако, старые либеральные требования, как, например, отделение школы от церкви, в нем не выполнены. Требование закона о назначении школьных врачей инструкцией несколько смягчено: назначение школьного врача обязательно лишь в том случае, когда на следующие три учебных года утвержден штат из десяти преподавателей. Такое же условие введено и для утверждения и упразднения должности ректора. Дети, принадлежащие к определенной религиозной общине, обязаны посещать уроки закона божия этой общины до окончания своего религиозного воспитания. Для рабочих семей важное значение имеет постановление, в силу которого по требованию родителей девочек отпускают из школы к пасхе того года, когда им исполнится 14 лет... Далее, новый закон устанавливает ряд важных изменений в порядке назначения и оплаты учительниц и вносит существенные изменения в способ финансирования школ общинами и государством. Насколько уже теперь можно об этом судить, новый закон о школах не встречает сочувствия среди населения, в частности им недовольны учителя, так как он попрежнему лишает их прав государственной службы. Этот школьный закон вряд ли может рассчитывать на долговечность. (Слушайте, слушайте!)

Если вам не нравится такая оценка, то обратитесь к вашим собственным коллегам по ландтагу. Так вот что представляет собою самое блестящее из достижений практической политики в баденском ландтаге, в собственном освещении сторонника этой самой политики. Второе крупное достижение, на которое здесь настойчиво указывается, это новый закон о коммунальных выборах. По поводу этого завоевания у меня тоже есть интересный комментарий, опять-таки исходящий от представителя большинства в ландтаге. На одном из проведенных мною собраний в Визентале тов. Адольф Мюллер, голосовавший за бюджет, выступил против меня с полуторачасовой речью, в которой он, между прочим, сказал: Да, вам угодно смеяться над тем, что мы считаем крупным достижением, а именно, разделение на шестые доли, вместо двенадцатых[1], потому что вы незнакомы с положением вещей в Бадене. Мы уже в настоящее время не имеем возможности действительно использовать этот новый избирательный закон, и не можем этого сделать по той причине, что не имеем нужного числа экономически-неза-

---

[1] Они предложили назначить комиссию для изучения бюджетного вопроса.

[1] До 1911 г. баденские коммунальные выборщики выбирали $^1/_{12}$ в I классе, $^2/_{12}$ во II, $^9/_{12}$ в III классе. «Реформа» изменила это в том смысле, что в I классе выбирают $^1/_6$, во II—$^2/_6$, в III—$^3/_6$.

висимых людей, которых могли бы выдвинуть в качестве кандидатов (Слушайте, слушайте!). Потому что — так сказал Мюллер — достаточно нам выставить пролетария кандидатом в коммунальный совет, чтобы он немедленно потерял свой заработок (Слушайте, слушайте!). Вот оно — это особое положение вещей в Бадене. А кто лишает этих пролетариев хлеба? Поставьте-ка этот вопрос в Визентале перед изможденными текстильщиками. Они вам ответят: это наши товарищи по блоку: национал-либералы (Бурное одобрение большинства). Да, вот таково особое положение вещей, если ближе к нему присмотреться.

А теперь главный вопрос. Даже если мы закроем глаза на то, что фактические достижения практической политики в Бадене сводятся к судорожно раздуваемым пустякам, более того, если мы даже признаем, что это сплошь замечательные подвиги, то все же возникает вопрос: что все это имеет общего с вотированием бюджета? (Правильно!). Разве судьба какого-либо из этих исторически важных законов зависела от вашего окончательного голосования? Этого вы никак не решитесь утверждать! (Смех в рядах меньшинства!) Но вы не сможете также ответить утвердительно на вопрос, зависело ли от ваших голосов утверждение бюджета. Нет, голосованием наших товарищей достигнуто лишь то, что бюджет утвержден единогласно: следовательно, классовому государству в Бадене средства были бы предоставлены безразлично, и с согласия, и без согласия наших товарищей. Способ защиты голосовавших за бюджет замечателен тем, что он нам объясняет, каким образом создавались резолюции баденских рабочих, выражающих доверие большинству фракции. Выступая перед рабочими Бадена, наши товарищи, чтобы оправдаться за голосование бюджета, повсюду давали обзор всей своей деятельности в ландтаге. Вопрос о голосовании за бюджет нигде не ставился отдельно от обсуждения всей деятельности в ландтаге, и баденские рабочие, которым их депутаты докладывают — против чего никто из нас не спорит — о многосторонней, прилежной и полезной работе в течение всей сессии, не в состоянии отказать в выражении доверия, так как от них вместе с тем требуют оценки всей деятельности. Если бы в баденских собраниях вопросы эти ставились отдельно, и если бы рабочие имели возможность судить просто об отклонении или утверждении бюджета, тогда суждения их во многих случаях оказались бы совсем иными (Правильно!). Да, если к баденским пролетариям апеллировать совершенно теми же доводами, какими среди немецкой социал-демократии мы привыкли с давних пор апеллировать к классовым интересам пролетариев, то мы и там встретим совершенно такой же отклик, как у рабочих всех остальных частей Германии.

(Председатель собрания, Дитц, замечает оратору, что речь затянулась сверх положенного времени).

У меня двадцать минут, так как я должна обосновать предложение моего избирательного округа (Крики: нет! нет!). Отчего нет? Это такое же самостоятельное предложение, как и всякое другое, и для его обоснования мне должно быть предоставлено двадцать минут.

(Председатель Дитц, переговорив в частном порядке с Р. Л., заявляет: «если товарищ Люксембург не желает подчиниться регламенту, то мне во всяком случае придется обратиться к съезду и спросить, согласен ли он продлить предоставленное ей время. Самостоятельного предложения не имеется. Тов. Люксембург, как и всякий оратор, выступающий в прениях, имеет право на десять минут, но я уже допустил нарушение, и предоставил ей пятнадцать минут).

Вопрос исчерпан, я подчиняюсь. Выступление вюртембергской фракции более чем что-либо другое доказало, как необходимо самым решительным образом выступать против политики баденской фракции ландтага. Заявление Кольба и его товарищей по ландтагу доказывает нам, какую цену имеют ссылки баденских депутатов ландтага на одобрение рабочих масс (Правильно!). Это заявление показывает нам, что наши парламентарии относятся к воле народа совершенно так же, как аграрии к королю, что они говорят: народу вся власть, если он творит нашу волю! (Сильное беспокойство на местах южно-германских товарищей, живейшее одобрение большинства). Если рабочие заявляют о своем несогласии с вашей политикой, то это вас не смущает, и через головы большинства вюртембергских товарищей вы на партийном съезде производите демонстрацию в пользу баденской фракции ландтага.

Оказывается, что эти парламентарии не придают цены демонстрациям против классового государства (непрерывные крики: «кончайте!» со стороны южно-германской группы, на которые северо-германская группа отвечает: «тише!»), а стоят за демонстрации против собственных рабочих. Франк закончил вполне правильным замечанием[1].

(Крики: «кончайте!» повторяются с такой силой, что Р. Л. не в состоянии закончить начатую фразу. Председатель Дитц предлагает оратору прервать речь; она заявляет, что подчиняется, но ее слова совершенно теряются в общем шуме. Из рядов меньшинства раздаются непрерывно крики: «кончайте!» Франк кричит: «Ваше время истекло, тов. Люксембург». Среди южно-германской группы смех. С другой стороны

[1] Франк выразил надежду, что будет найдено средство для единения в борьбе против общего врага. Ясно, что Р. Л. усматривала это средство в революционной тактике.

кричат: «уступите!» Шум так усиливается, что председатель грозит, если не удастся восстановить тишину, закрыть на время заседание. Тов. Люксембург под бурные крики одобрения большинства покидает, наконец, трибуну).

НАРУШЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ КАК МЕТОД [1]

Выборы обербургомистра в Штутгарте прошли, и тем самым для всей партии отпадают всякие соображения, удерживавшие ее вначале от критического разбора дела Линдемана. Поражение социал-демократического кандидата вывело партийное движение в Штутгарте из неприятной ситуации и спасло от неизбежных трений и столкновений. Но вместе с тем интересно наблюдать, как «практическая политика оппортунизма», склонная с легким сердцем отбрасывать партийные принципы, как ненужный хлам, здесь подготовила себе самой поражение. Ведь это направление, для которого завоевание места обербургомистра важнее партийной дисциплины и партийной традиции, рассчитывает, главным образом, на будущие успехи либерализма, который в Южной Германии должен действовать сообща с социал-демократией.

Но что же показывают выборы на должность обербургомистра? Они обнаруживают резкий сдвиг всех буржуазных слоев вправо, к реакции, и неудержимое исчезание, уменьшение рядов народной партии [2].

Лучше всего то, что по признанию самих свободомыслящих газет, как, например, Berliner Tageblatt, около 1000 выборщиков народной партии изменили своему собственному партийному кандидату Кек, и перешли в лагерь реакционного кандидата смешанных партий, Лаутеншлегера! Таким образом, оппортунистические спекулянты, как всегда, потерпели в Штутгарте полное крушение. Однако, условия, при которых в Штутгарте была выдвинута и проводилась социал-демократическая кандидатура, остаются важным предостережением для партии, с которым она должна во что бы то ни стало считаться.

Всего два года тому назад на Лейпцигском партийном съезде высшая инстанция партии обсуждала вопрос об участии социал-демократических представителей в монархических выступлениях. Повод к тому дали как раз некоторые вюртембергские депутаты ландтага, между ними д-р Линдеман, своей экскурсией в Фридрихсгафен и своим посещением короля. Всеобщее возбуждение и удивление, вызванное в партии этим «придворным низкопоклонством»,

[1] Leipziger Volkszeitung от 15 мая 1911 г.
[2] Южно-германская народная партия (демократическая).

выразилось в ряде предложений, требовавших от партийного съезда сурового осуждения всяких монархических выступлений. Наконец, все сошлись, как известно, на предложении 49 из Штутгарта I, которое объявляло участие социал-демократических депутатов в придворных церемониях «нарушением принципов партии» и гласило, что «содействие такого рода начинаниям выходит из границ тех полномочий, какие даются партийным товарищам при их избрании на ответственную должность. На будущее время в подобных случаях эта директива партии должна служить руководящим принципом при исполнении ответственных функций». Как раз перед тем, как это предложение должно было быть принято партийным съездом, — а в принятии его не могло быть никакого сомнения, — штутгартские «царедворцы» подали заявление, в котором заверяли, что вовсе не имели в виду принимать участие в монархической демонстрации.

«Но если бы мы могли предположить, — продолжали они, — что эта экскурсия будет использована для монархической манифестации, то, согласно традиции партии, с которой мы считаемся, мы бы уклонились от всякого в ней участия».

Так как это объяснение выражало безусловное подчинение взглядам партии, выраженным в предложении Штутгарт I, то партийный съезд счел себя удовлетворенным, и предложение 49 было взято обратно. Однако, следовало еще более четко выявить положение вещей. Павел Зингер, который в Лейпциге в последний раз председательствовал на германском партийном съезде, воспользовался этим случаем, чтобы с привычной ему спокойной твердостью подчеркнуть республиканскую точку зрения социал-демократии, как обязательную на всех ответственных постах. Зингер сказал:

«Я хотел бы в связи с этими сообщениями высказать мнение, с которым, как я предполагаю и уверен, согласится партийный съезд, что заявление, сделанное участниками этого дела, хотя формально необязательно для социал-демократической фракции вюртембергского ландтага, но фактически обязательно для всех остальных членов фракции. Далее, я выражаю полную уверенность в том, что все будут считаться с мнением партии, что задача наша заключается не в том, чтобы принимать участие в монархических демонстрациях, а, наоборот, в том, чтобы выявлять наши республиканские убеждения, считаясь с тем, что все правительства буржуазного общества не только преследуют другие цели и принципы, чем мы, но и враждебно против нас настроены и всячески преследуют наши взгляды. Я высказываю полную уверенность в том, что все наши партийные органы будут и впредь, как до сих пор, поступать в подобных случаях в строгом соответствии с господствующими в партии взглядами».

Речь Зингера встретила живейшее одобрение со стороны партийного съезда.

Уже ближайшему партийному съезду пришлось вновь обсуждать вопрос о монархических выступлениях. На Магдебургском партийном съезде ЦК партии и контрольная комиссия предложили по бюджетному вопросу известную резолюцию, последний абзац которой гласит:

«Далее, партийный съезд объявляет участие в придворных церемониях и в изъявлении верноподданнических чувств несовместимым с нашими социал-демократическими принципами и вменяет партийным товарищам в обязанность воздерживаться от подобных выступлений».

Таким образом, высшая инстанция партии дважды высказалась ясно и отчетливо. С тех пор не прошло еще года, и вот вдруг в том самом Штуттгарте, «царедворцев» которого в Лейпциге партия, как мы видели выше, призвала к порядку, в качестве кандидата на пост бургомистра выдвигают человека, который громко заявляет о том, что, «внимательно рассмотрев решения организации, он пришел к выводу, что соблюдение их несовместимо с исполнением обязанностей обербургомистра, и что предпосылкой выполнения этих обязанностей он считает полную свободу (подчеркнуто в Schwäbische Tagwacht, № 103) в выполнении функций по представительству, в частности также — в сношениях со двором»! Для партии до сих пор осталось загадкой, какие такие «решения организации» здесь в сущности имелись в виду, и, быть может, иные миролюбивые члены нашей партии хватаются за эту соломинку и утешаются тем, что речь идет «только» о несогласии господина обербургомистра in spe с местными штутгартскими постановлениями партии. Но текст объяснения Линдемана не оставляет места ни для каких сомнений: речь идет не о каких-либо местных постановлениях, а о постановлениях обоих последних партийных съездов всей партии, Лейпцигского и Магдебургского, на которые наш кандидат без всякого смущения готов наплевать, заявляя, что он требует для себя «полнейшей свободы, также и в сношениях со двором». Для каждой партии, обладающей достаточным самоуважением, должно бы быть в сущности ясно, что человек, открыто восстающий против формальных и повторных постановлений собственной партии, тем самым просто-напросто ставит себя вне рядов партии. Вместо этого случилось нечто невероятное; штутгартское партийное собрание заранее дало д-ру Линдеману полное прощение за явное нарушение дисциплины и благословило его на те самые «выражения верноподданнических чувств», которые самым решительным образом были осуждены обоими последними партийными съездами.

При таком положении вещей, очевидно, мог и должен был выступить высший исполнительный орган партии, Центральный Комитет. Согласно уставу партии, он обязан был выступить против открытого нарушения дисциплины в отношении решений партийных съездов, со всем тем авторитетом, каким он облечен. Но ведь помимо этого речь шла о постановлении, принятом партией по предложению самого ЦК. Что сделал ЦК партии для того, чтобы внушить в Штутгарте уважение к собственному своему предложению, к воле и решениям двух последних партийных съездов? В данный момент вопрос этот должен волновать всякого партийного товарища.

Но этого еще мало. Вторым сюрпризом, приготовленным партии, оказалась сама избирательная борьба, в том виде, как ее вели кандидат на пост обербургомистра и Schwäbische Tagwacht. До сих пор мы придерживались в партии того мнения, что всякого рода общественные выборы служат нам прежде всего для пропаганды среди народных масс в пользу социал-демократии, ее программы, ее взглядов и ее целей. Ничего подобного мы не видим в предвыборной борьбе за место штутгартского обербургомистра, по крайней мере, как ее вела Schwäbische Tagwacht. Здесь борьба велась только за личность кандидата. Мы вновь и вновь слышали о его преимуществах, о его заслугах, о его намерениях, о его программе.

«Цельная натура» д-ра Линдемана, его «блестящие дарования» для должности обербургомистра, его «привлекательная, внушающая доверие личность», его таланты «изящного полемиста», его «абсолютная деловитость, выдержанное спокойствие, уверенность суждения, большая душевная подвижность, неутолимая жажда работы», его «большие способности, безупречный характер, уважение, каким он пользуется во всех кругах», его «огромная популярность в качестве политика и писателя»,—вот о чем кричала Schwäbische Tagwacht на всех перекрестках. Более того, чтобы во всем блеске показать господствующим кругам достоинства своего кандидата, как ученого знатока коммунальной политики, Schwäbische Tagwacht в приложении от 11 мая поместила на трех столбцах петита лестные отзывы всевозможных профессоров, правительственных листков, даже Berliner Morgenpost и Norddeutsche Allgemeine Zeitung об обязательном кандидате,—скучный труд, который, вероятно, по своей любезности проделал сам кандидат,—потому что, кто же другой мог иметь под рукою тщательно подобранный букет лавров, возложенных когда-либо и где-либо в официальной прессе на голову д-ра Линдемана! А большая кандидат-

ская речь д-ра Линдемана! Вступлением к ней послужило не исповедание веры социал-демократии, а трогательные данные о собственной привлекательной персоне:

«Обо мне много говорят, как о чужестранце, о жителе Ганновера. Я, конечно, не считал бы стыдом быть родом из Ганновера, но все же я должен против этого возразить. Правда, явился я из еще более дальних мест, из Бразилии, но я происхожу из штутгартских граждан. Мой отец был родом из Северной Германии и получил право гражданства в Штутгарте, чтобы жениться на природной жительнице Штутгарта, с которой он переселился в Бразилию, по примеру многих своих земляков. Моя же мать происходит из старинного штутгартского рода, и уже мой прадед занимал место *городского советника* в штутгартской ратуше. Таким образом связь с нею у нас давняя» (Schwäbische Tagwacht, № 106).

Доказав таким образом, что он имеет, так сказать, наследственные данные для занятия должности штутгартского обербургомистра, д-р Линдеман рассказывает своим избирателям добродушно и пространно, где он учился, какие совершал путешествия, а затем следовала «его» программа, т. е. «*его*» коммунальные взгляды и намерения. Об общей программе социал-демократии, о политических классовых стремлениях пролетариата речи не было. В конце, правда, упоминалась также и социал-демократия,— когда надо было очиститься от *упрека* в том, что он, д-р Линдеман,— социал-демократ. Здесь кандидат доказывал, что его принадлежность к социал-демократии отнюдь не помешает ему быть отличным обербургомистром, но что даже, наоборот, это окажется на пользу его коммунальной деятельности, так как истинный дух социализма велит действовать для общего блага. Но вот и все, что избиратели узнали о стремлениях социал-демократии, о ее политической программе.

С глубоким стыдом приходится сказать: таких выборов еще не было в истории германской социал-демократии. До сих пор дело партии было для нас все, личность — ничто. Здесь партия была ничто, личность — все. Это не была агитация за социал-демократию и ее цели, а рекламирование д-ра Линдемана и его преимуществ. Мы не знаем, быть может, должность обербургомистра требует как раз такой предвыборной агитации, которая более напоминает американские выборы президента, чем избирательную кампанию германской социал-демократии. Но если это так, тем бóльшие основания имели наши штутгартские товарищи уклониться от такого опасного эксперимента.

«ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА» [1]

I

Schwäbische Tagwacht в длиннейшей серии статей (до сих пор появилось восемь «обзоров») старается наверстать то, что правильнее было бы проделать *перед* выборами обербургомистра в Штутгарте; она пытается разъяснить возможность и условия социал-демократической кандидатуры на пост обербургомистра. В этой запоздалой попытке внимательному читателю прежде всего бросается в глаза одно обстоятельство: как ни пространны «обзоры» нашей штутгартской газеты, они все же до сих пор стараются самым тщательным образом обойти суть вопроса.

Является ли вообще должность обербургомистра подходящей сферою деятельности для социал-демократа? Согласуема ли она со взглядами и принципами нашей партии? Материалом для ответа на эти вопросы, очевидно, могла бы служить критическая оценка деятельности прежних представителей Штутгарта, господ Рюмелина, Гауса и т. д. Но относительно этого теперь, как и прежде, Schwäbische Tagwacht хранит глубокое молчание. Мы указали штутгартским товарищам на очень поучительный пример, на пример Оффенбаха. Но Schwäbische Tagwacht ни словом не упоминает об этом деле. А между тем она как раз имела бы полное основание как следует поразмыслить о случае в Гессене. В свое время оффенбахские товарищи отказались выдвинуть социал-демократа на пост обербургомистра. А между тем они имели большинство в коммунальном совете. Во Франции наши товарищи во многих коммунах занимают пост бургомистра,— но не говоря уже о том, что Франция — республика, там бургомистр избирается большинством коммунального совета, так что местный социал-демократический представитель является с самого начала представителем большинства его единомышленников в коммуне. Как обстоит дело в Штутгарте? Здесь социал-демократическому обербургомистру пришлось бы исполнять свои обязанности без социал-демократического большинства в представительных коллегиях — в коммунальном совете и управе. Но даже не подходя к этому делу с принципиальной точки зрения, а просто рассматривая его глазами «практического политика», приходится все же ответить на вопрос: как в сущности представляет себе Schwäbische Tagwacht положение такого обербургомистра, которому постоянно приходится иметь дело с враждебным, буржуазно-реакционным большинством в коммунальном совете и управе. Бургомистр прежде всего *исполнительный орган* коммунального совета. Вюртембергское положение о коммунах ясно говорит в статье 63, что главный представитель местной власти

[1] Leipziger Volkszeitung от 27 и 29 мая 1911 г.

«заботится о приведении в действие принятых постановлений коммунального совета, на основании их, от имени коммунального совета, дает нужные письменные разъяснения и подписывает издаваемые распоряжения». Правда, обербургомистр является не только исполнительным органом коммунального совета; независимо от последней он имеет еще различные служебные полномочия, о которых мы будем говорить дальше. Но первой его обязанностью все же является выполнение постановлений коммунального совета. В каком положении окажется обербургомистр, который обязан приводить в исполнение постановления городской коллегии, большинство которой почти по всем вопросам коммунальной политики придерживается противоположных ему взглядов? Не придется ли ему на каждом шагу вступать в конфликт либо со своими социалдемократическими убеждениями, либо с большинством коммунального совета? Да, такая ситуация более всего оказалась бы невыносима как раз для социалдемократа. Ведь, согласно всем нашим взглядам, чиновник должен быть не чем иным, как только исполнительным орудием избранного народного представительства. Положение вещей ничуть не изменяется от того, что главный представитель местной власти в Вюртемберге избирается в порядке прямых выборов гражданами коммуны. Наша программа требует прямых выборов для всех чиновников государства. И все же из всей нашей демократической концепции следует, что чиновники должны быть только орудием народного представительства. Но, прослушав большую программную речь д-ра Линдемана, и прочитав статьи Schwäbische Tagwacht во время избирательной кампании, можно было почти притти к убеждению, что штутгартский обербургомистр призван быть неограниченным властителем по собственному усмотрению. Все содержание агитации исчерпывалось «Я» д-ра Линдемана и всевозможными коммунально-политическими реформами, какие может, желает, считает правильным провести это «Я». И подобно тому, как партия с ее взглядами совершенно исчезла за этой американской рекламой личности кандидата, так забыто было сполна и то обстоятельство, что, согласно социал-демократической точке зрения, чиновник должен возможно меньше творить из глубины собственного духа и по возможности быть только послушным слугой коммунального представительства. Ведь не даром же мы принципиально высказываемся против всяких самовольных действий правительства помимо народного представительства даже и тогда, когда случайно мы по существу согласны с мероприятиями правительства и где нам противостоит реакционное парламентское большинство.

Поэтому социал-демократ в качестве чиновника, больше чем всякий другой партийный политик, должен будет считать своим долгом быть верным исполнительным органом данного большинства народного представительства и ему подчинить свои личные убеждения. Как может социал-демократический бургомистр выйти из такой коллизии между долгом демократически мыслящего чиновника и своими партийными убеждениями? Дать ясный ответ на этот вопрос обязаны прежде всего те штутгартские товарищи, которые считали пост обербургомистра таким бесценным завоеванием, что ради него готовы были пожертвовать партийной дисциплиной и республиканскими традициями партии.

Но сюда привходят и остальные полномочия, вся сфера власти обербургомистра, не ограничиваемая коммунальным советом. Она довольно обширна. В чем же она заключается? В обязанностях его в качестве государственного чиновника, в качестве вспомогательного органа правительства; и эти-то обязанности еще скорее могут повести к конфликту с социал-демократическими убеждениями. Укажем хотя бы обязанность представителя местной власти стоять во главе полиции и заботиться о «поддержании порядка». Правда, эти полномочия формально распространяются и на всякого деревенского старосту. Но только сухой формализм, прямо противоречащий действительной практической политике, позволяет считать вопрос о «главе города» Штутгарта исчерпанным ссылкой на бургомистров мелких коммун. Должность главы монархической резиденции, это все же не что иное, чем должность деревенского старосты или представителя власти в каком-нибудь Вайблингене. В современной столице, в центре правительства капиталистического классового государства, социальные и политические противоречия достигают высшего развития, и идиллия коммунального мирка обращается в неприкрашенную действительность современной классовой борьбы во всей ее наготе. И это настолько верно, что даже в республиканской Франции главный мэр — обербургомистр — Парижа превратился в префекта департамента Сены, т. е. в правительственного чиновника без всяких оговорок. В монархической Германии это обнаруживается еще яснее. Само вюртембергское уложение о коммунах предоставляет местному представителю власти в большом городе иное положение, чем обычным старостам. Самый титул обербургомистра пожалован королем, следовательно, является своего рода монархической ливреей. Между тем как отказ в утверждении мелких представителей власти на местах должен быть мотивирован, и против него можно бороться путем обжалования, неутверждение обербургомистра королем не требует никакой мотивировки и обжалованию не подлежит. Эти постановления — далеко не пустые формальности и обнаруживают тот факт, что обербургомистр с самого начала является не только коммунальным, но и чиновником королевского

правительства. В центре политической жизни совершенно иное значение, чем в деревенской общине, получает также и управление полицией и забота о «поддержании порядка». Например, согласно вюртембергскому уложению о коммунах, существует прекрасный закон 28 августа 1899 г. относительно «порядка применения вооруженной силы против многолюдных сборищ» и т. д. Можно себе представить, в какое положение попал бы социал-демократический обербургомистр во время бурных забастовок, вроде Моабитской, или, оставаясь в пределах «либеральной» Южной Германии, во время крупных массовых демонстраций, вроде мангеймлюдвигсгафенской или пфорцгеймской.

А далее идут пресловутое «общение со двором» и «обязанности представительства», ради которых штутгартский депутат заранее хотел себя освободить от партийной дисциплины. Надо признать, что д-р Линдеман вполне последователен: нельзя себе представить обербургомистра Штутгарта без общения со двором и без монархического представительства. Но это только еще более ясно доказывает, что эта должность не годится для социал-демократа.

«Чисто внешние формальности», «пустые церемонии» — этими фразами с легкостью отмахиваются от республиканских традиций социал-демократии. Существуют даже буржуазные партии, которые из оппозиции господствующему правительству отвергают какое-либо участие в выражении верноподданических чувств. Приходится пожалеть, что среди социал-демократии существуют круги, не обладающие той гордостью, как, например, ирландские националисты, которые,— не будучи республиканцами, подобно нам,— резко отказались принять какое-либо участие в траурных торжествах по поводу смерти английского короля, официально обосновывая свой отказ тем, что короли Англии не оказывали этого почета умершим ирландским вождям освободительной борьбы. Фактически речь шла о простой церемонии, но ирландцы поняли, что в политической жизни имеют значение также и формальности. В Англии вся монархия — более или менее формальность. Однако, в Германии речь идет не о формальностях, а об очень ощутимых реальностях классовой борьбы, и так называемые «практические политики» и здесь, как и всегда, при своем воображаемом превосходстве, оказываются в конечном счете игрушкой в руках противников.

II

Hamburger Echo вызвало сильные нарекания своим указанием на то, что товарищу обербургомистру Штутгарта, быть может, пришлось бы, «согнув спину и обнажив голову», принимать участие во встрече германского кайзера. Наше

выражение о «социал-демократических лакеях — низкопоклонниках в дворцовых прихожих» было с негодованием отвергнуто Schwäbische Tagwacht, как «обливание грязью» д-ра Линдемана. В Leipziger Volkszeitung мы говорили вообще о монархических выступлениях, в которых за последнее время принимали кое-где участие отдельные члены партии. Если Schwäbische Tagwacht относит это на счет д-ра Линдемана, то, во всяком случае, он сам себя «обливает грязью», в частности — своим письмом к Лейпцигскому партийному съезду [1], где он отстаивает свою точку зрения насчет визита у короля, который был официально всей партией осужден, как «монархическое выступление», унижающее достоинство социал-демократа, т. е., по существу, как «лакейское низкопоклонство в дворцовых передних», и о котором открыто сожалели даже остальные коллеги д-ра Линдемана по ландтагу. Таким образом, не было никакого основания так особенно рассчитывать на республиканское достоинство штутгартского кандидата; наоборот, как раз личность кандидата и внушала самое сильное недоверие.

Но сосредоточивать внимание на вопросе о том, будет ли бургомистр стоять перед троном с согнутой или с выпрямленной спиной, как это делает Schwäbische Tagwacht и ее единомышленники,— это значит, вообще, при помощи карикатурного искажения — придать делу характер пустяка. Здесь как раз «реальные политики» цепляются за внешнюю форму дела. Общение с двором не есть церемония, не есть вопрос этикета или вежливости, а вытекает из самого характера должности обербургомистра в монархической резиденции. Существует большая разница между формальностью присяги, которую, например, должны были принести наши депутаты в саксонском ландтаге, и монархическими обязанностями обербургомистра по представительству. Присяга в Саксонии — это лишь реакционная формула, не имеющая ничего общего с существом деятельности депутата ландтага. Наоборот, социал-демократы вошли в ландтаг для того, чтобы создавать законы, изменять конституцию, чтобы бороться с существующими реакционными конституцией и законодательством. Обербургомистр — чиновник, он не может и не должен создавать или изменять законы, он должен их только в точности исполнять. Закон о должности обербургомистра, предоставляющий ему звание, как монархическое пожалова-

[1] Вюртембергские депутаты заявили в Лейпциге, что не ожидали при посещении верфи Цеппелина никаких монархических демонстраций и не приняли бы участия в поездке, если бы имели основания их ожидать. В протоколе Лейпцигского партийного съезда на стр. 479 говорится: «Тов. Линдеман из Штутгарта сообщает партийному съезду, что объяснение, данное по поводу вюртембергского дела участниками, ему не было известно, и что в этой форме он бы к нему не присоединился».

ние, делающий его утверждение зависящим от безапелляционной воли короля, обращающей его на половину в коммунального чиновника, а на половину в вспомогательный орган правительства (§ 63 вюртембергского положения о коммунах), поручения которого для него обязательны — этот закон делает обербургомистра резиденции, несмотря на прямые выборы, королевским чиновником, который сносится со двором не в силу советского такта, а по долгу службы и является связующим звеном между коммуной и престолом.

Правда, речь идет только о южно-германском престоле, о «безобидном Вильгельме II Вюртембергском», который «никогда не сказал дурного слова о социал-демократах». «Нам бы следовало — полагает Schwäbische Tagwacht — не оставлять без внимания различия, обнаруживающиеся в личных качествах и в официальных выступлениях монархов крупных германских союзных государств, нам бы следовало при удобном случае их подчеркивать, потому что это было бы полезно во многих отношениях». Таким образом, не монархия, как установление, а личность главы государства, его «личные качества», то, как он откашливается и плюет,—вот что должно определять для нас, как классовой партии пролетариата, нашу линию поведения, и мы должны воспитательно действовать на монархов, «при удобном случае» хваля добродетельных людей и обличая злодеев на троне. Повидимому, Schwäbische Tagwacht забыла, что раньше и вюртембергский король в военных ферейнах говорил речи против социал-демократии и,—что еще важнее,—при обсуждении вюртембергского положения о коммунах в палате министров королевского правительства в свое время заявлял: правительство никогда не потерпит, чтобы на ратуше развевался красный флаг. И с этой точки зрения он высказывался за систему пропорциональных выборов. Отношение правительства к кандидатуре Линдемана, и притом после всех унизительных заверений кандидата, является лишней каплей горечи в чаше тов. Кейль и его друзей.

Но прежде всего здесь снова обнаруживается типично партикуляристический подход в том, что институт монархии оценивается с точки зрения «безобидности» отдельного главы государства, а более глубоким фактам политического развития в целом не уделяется внимания. Но ведь внешняя «порядочность», т. е. относительная пассивность и сдержанность южногерманских представителей монархии является лишь другой стороной агрессивного, откровенно грубого поведения прусско-германского престола, и точно так же южно-германское правительство может себе позволить роскошь некоторой видимости либерализма как раз потому, что прусско-германская имперская политика проводит за общий счет нужную реакционную политику. Для социал-демократии всякий носитель германской короны — не сравнительно безобидная или ненавистная личность, а глава классового правительства, вырабатывающий в союзном совете все реакционные меры порабощения рабочего класса, опора политической раздробленности Германии, милитаризма прусского юнкерства и гегемонии Пруссии в Германском союзе. Здесь опять-таки приходится удивляться «практическому смыслу» «реальных политиков», которые умудряются не замечать, что монархия в Германии вовсе не обращается все больше и больше в фикцию, а наоборот, становится все более значительным фактором общественной жизни, не замечать далее, как от страха и ненависти к рабочему классу буржуазия — также и в Южной Германии — в последнее время все более и более сплачивается вокруг монархии, не замечать, как в буржуазных кругах — также и в Южной Германии — византизм принимает все более и более отвратительные формы. При этих обстоятельствах социал-демократия, меньше чем когда-либо, имеет основание раскланиваться перед монархией,— хотя бы и с гордым видом, «с достоинством» — и штутгартская затея, просто игнорирующая республиканские традиции партии, ясные и повторные постановления партийных съездов против всяких уступок монархизму, более чем когда-либо преступна и заслуживает наказания.

Приведенных соображений достаточно, чтобы показать, что перед нами, во всяком случае, стоит п р о б л е м а, требующая серьезного обсуждения партией. Пусть партия решает вопрос, как хочет, но необходимо, чтобы вся масса товарищей обдумала, исследовала, обсудила этот вопрос и приняла решение. Но тот способ, каким было вынесено в Штутгарте чреватое последствиями постановление, без предварительной дискуссии хотя бы в самом Штутгарте, мимоходом, и допущенное при этом вопиющее нарушение дисциплины — как две капли воды похожи на попирание воли партии при помощи грубого насилия.

Какое имеет значение, когда Schwäbische Tagwacht твердит жалкие слова о том, «что партийные товарищи на русской, польской, датской и голландской границах, которые к тому же на практике вовсе не знакомы с прямыми выборами городских властей, потому что они их, к сожалению, не имеют, не оценивают событий в Штутгарте так, как оценивают их местные партийные товарищи». Разве вся германская партия состоит из товарищей «на русской, польской, датской и голландской границах?». Однако, эта трогательная бедность аргументации, эта неспособность привести хотя бы одно веское основание — характерны для всей политики определенного направления. Дело в том, что для этих «практических политиков» не существует проблем. Только «хватать», не задаваясь вопросом о практических последствиях,—вот в

чем вся их мудрость, хотя бы этим «искателям кладов» приходилось сплошь находить только «дождевых червяков». Для этих «реальных политиков» того голого факта, что вообще можно и з б и р а т ь, достаточно, чтобы из этого выводить необходимость собственной партийной кандидатуры. Так, по мнению J. в Kommunale Praxis[1] кандидатура д-ра Линдемана была «само собой понятным следствием демократического постановления в швабском уложении о коммунах, по которому избрание городских властей является делом всех граждан и производится в порядке прямых выборов. Партия, которая не считает общее избирательное право игрушкой или, в лучшем случае, средством и поводом для агитационной деятельности, должна сделать нужные выводы или же уйти. Третьего выхода нет». Таким образом, решающее значение имеет не должность с ее определенной компетенцией, с ее фактическим, исторически сложившимся содержанием, вытекающим из условий монархического классового государства, и не вопрос о том, как обстоит дело с большинством коммунального совета,— а решает только доктринерский принцип: «избирать!» Так что, если папа будет избираться христианской общиной, то нам придется выдвинуть партийного кандидата на престол св. Петра. Вот как рассуждают «реальные политики», смеющиеся над «доктринерами» и «теоретиками». Для тов. К о л ь б а вопрос еще проще: не нужно вообще никаких рассуждений. Если открывается надежда на какой-либо пост, то, понятно, следует «хватать» без всякого иного основания, кроме старой премудрости: когда-то партия в своем ослеплении многое «отрицала», следовательно, теперь она должна на все говорить просто: «да и аминь!». Более того, Кольб в штутгартской кандидатуре видит просто блестящий pendant к доблестной тактике большого блока и утверждения бюджета в Бадене, и, как enfant terrible ревизионизма, заявляет совершенно открыто, что должность обербургомистра должна неизбежно повести к тяжелым конфликтам внутри партии. И само собою понятно, что как раз эти-то конфликты он и объявляет неизбежным средством, чтобы, наконец, порвать путы партийных принципов и партийной дисциплины, которые периодически затрудняют для него и подобных ему икарийский полет к солнцу национал-либеральной политики. Точно так же и Chemnizer Volksstimme, и Breslauer Volkswacht, и Magdeburger Volksstimme превозносят штутгартскую кандидатуру как смелый натиск ревизионизма, как зарю «новой эры». А несколько преждевременно выпущенные ракеты «Neckar Echo», которые пришлись так некстати для Schwäbische Tagwacht, создали лишь гротескный фейерверк для этого в наспех подготовленного радостного фамильного торжества в

[1] S.-Südekum, в Kommunale Praxis от 24 мая 1911 г.

лагере «практической политики». Тем понятнее теперь взрывы бешенства Chemnizer Volksstimme, Зюдекума и других охотников на медвежью шкуру, у которых, так сказать, из-под носа уплыла эта самая «новая эра». Но это тем более обязывают всю партию взять в свои руки все материалы по делу Линдемана и,— поскольку этого, к сожалению, не сделал ЦК партии,— высказать свое решающее слово на ближайшем партийном съезде.

БАЛАНС ОБСТРУКЦИИ [1]

Дебаты в рейхстаге по поводу Lex Heinze[2] самым неожиданным образом превратились в достопамятное событие как в истории германского парламентаризма, так и в истории германской социал-демократии: они дали нашей партии повод впервые применить давно известный в Бельгии, Италии и Австрии метод о б с т р у к ц и и.

Обструкция, как попытка парламентского меньшинства при помощи парламентских прав помешать большинству в принятии решений, следовательно, попытка бороться против парламентаризма средствами самого же парламентаризма; попытка противопоставить внепарламентское большинство парламентскому — является по существу связующим звеном и переходной формой между парламентской и внепарламентской борьбой.

Этот двуликий характер обструкции обнаруживается в том, что она оказывается возможной только при сильной поддержке «улицы», будь то в форме газетных профессорских статей, либо массовых собраний интеллигенции и рабочих, либо в форме уличных беспорядков народных масс.

Но поскольку обструкция уже является соединением борьбы в парламенте и вне его, введения в парламент внепарламентского давления, постольку она представляет п о с л е д н ю ю и к р а й н ю ю ф о р м у п а р л а м е н т с к о й б о р ь б ы. Более острого оружия для защиты в парламенте народного большинства меньшинство народных представителей не имеет. Поэтому, после того, как это острейшее и последнее оружие впервые было пущено в ход нашими представителями в рейхстаге, сам собою встает вопрос: какова была ситуация, заставившая наших депутатов прибегнуть к этой крайней мере, за какие интересы они боролись?

Если обратиться к непосредственному объекту последней обструкционной борьбы, то нам сразу же бросится в глаза, что он очень резко отличается от поводов к социалисти-

[1] Neue Zeit, XVIII год издания, т. II, 1899/1900.

[2] Lex Heinze получил название от скандального процесса, который хотели использовать ханжи из центра и консерваторы для проведения закона, накладывающего цепи на искусство.

ческой обструкции в Бельгии, Австрии и в Италии. Между тем как здесь речь шла об основных народных политических правах: об избирательном праве, праве собраний и союзов, о свободе печати, или, как в Вене, о принципах народного представительства, поводом для нашей обструкционной кампании оказались некоторые параграфы законопроекта, опасные для свободы искусства.

Правда, социал-демократия, как страж и застрельщик духовной культуры, больше всякой иной партии призвана упорно защищать свободу искусства. Но никто не решится утверждать, что параграфы Lex Heinze об искусстве представляют крайнюю опасность для прогресса народной культуры и тем самым оправдывают применение крайних средств борьбы. Духовной культуре Германии в тысячу раз больше, чем эти параграфы о витринах и о театрах, угрожали исключительный закон против социал-демократов, каторжный закон[1] о спекуляции с хлебом, милитаризм и мировая политика.

Более того. Все эти перечисленные опасности были крайне реальны и несомненны, весьма ощутимы, между тем как культурная опасность Lex Heinze была, как прекрасно известно всякому, более формальная, чем реальная. И в настоящее время полиции и суду предоставляется полная законная возможность опекать искусство и надевать на него реакционные оковы. И если они в этом направлении не заходят еще дальше, то из боязни перед карающей насмешкой общественного мнения. Практически несколько новых параграфов почти ничего бы не изменили в существующем положении вещей.

Поэтому Lex Heinze — неподходящий предлог для того, чтобы пускать в ход последние парламентские резервы. Можно с уверенностью сказать, что широкие народные массы просто бы нас не поняли, если бы мы подняли такой шум из-за формальной опасности, угрожающей свободе искусства, между тем как мы по поводу каторжного законопроекта не сделали ни малейшей попытки прибегнуть к обструкции и так же спокойно — с обычными словесными протестами в ландтаге — ответили на лишение, например, избирательного права в Саксонии[2].

При обычных условиях, если бы речь шла только о Lex Heinze, как таковом, обструкция социал-демократии была бы бессмыслицей. Для того чтобы она показалась нам понятной и обоснованной, мы должны отвлечься от непосредственного объекта и учесть политическое положение в целом,

[1] Umsturzvorlage, своего рода закон против социалистов, 1895 г.; Zuchthausvorlage, законопроект в защиту штрейкбрехеров, 1898 г. Оба проекта были отклонены.

[2] В 1896 г. была введена трехклассная система выборов.

короче говоря, увидеть в борьбе с Lex Heinze только попытку социал-демократии померяться силами с центром.

Lex Heinze, как таковой, во всяком случае отнюдь не может исчерпывающим образом и наглядно воплотить политическое противоречие между прогрессивными интересами народа и реакционными стремлениями католической партии. Столкновение на почве вступления Германии в эру агрессивной мировой политики, вызванного проектом об увеличении флота, поддержанным центром, имело бы, например, само по себе большее политическое значение и большее агитационное воздействие. Но дело в том, что вовсе не наша партия самостоятельно выбрала момент, а центр, который неожиданным даже для себя образом, — в этом-то и заключается своеобразие ситуации, — сделал проведение Lex Heinze «вопросом чести» и этим обратил вопрос о проведении этого законопроекта в пробу сил.

Если уже результаты выборов в рейхстаг в 1898 г. обеспечили центру численное преобладание и руководящую роль в рейхстаге, то господство его должно было стать официально установленным фактом лишь в настоящей сессии. Поводом к этому явился пресловутый проект об увеличении флота, который впервые отдал в руки центра вопрос чрезвычайной национальной и интернациональной важности, вопрос о характере внутренней и внешней политики Германии в ближайшем будущем. С другой стороны, принятие морского проекта должно было стать поворотным пунктом также в истории самого центра, который из прежней оппозиционной демократической партии окончательно повернул на путь реакционной правительственной партии.

Этот поворот, уже до того совершившийся в бюджетной комиссии, в рейхстаге должен был получить свое завершение наглядным преобладанием центра. Католической партии, как раз в силу грандиозного впечатления от принятия морского проекта, было насущно необходимо, как для собственного удовлетворения, так и для приманки более или менее строптивых сторонников в провинции, добиться блестящего подтверждения своего могущества в Германии. Для этой цели как нельзя лучше подходил Lex Heinze, практическая незначительность которого была одинаково ясна как центру, так и его противникам. Именно в силу своего ничтожного политического и практического значения пресловутый законопроект должен был стать «моральной» победой, символом всемогущества центра.

Таким образом, сами по себе второстепенные «параграфы об искусстве» в силу особой ситуации получили высокое политическое значение. Если культурная опасность этих параграфов и была мнимая, то всемогущество центра в Германии, которое должно было получить санкцию при помощи этих

параграфов, было далеко не мнимой величиной. И если это обращение социал-демократии к крайним средствам для отражения минимальной опасности, угрожающей свободе искусства, и кажется непонятным, то эта отчаянная борьба внезапно предстанет пред нами в новом свете, если мы примем во внимание, что за бумажными цепями для искусства прячутся железные цепи для политического и хозяйственного благополучия народных масс,—морской милитаризм, мировая политика, хлебные спекуляции, если, одним словом, мы усмотрели в Lex Heinze только лозунг, под которым было дано генеральное сражение общей политике центра, как правительственной партии.

В этом смысле существует известная аналогия в миниатюре между нашей обструкционной кампанией и недавней серьезной борьбой французских социалистов — тоже против стремящейся к господству клерикальной партии. Здесь также для пробы сил социализма и демократии в их борьбе против объединенных сил реакции было использовано дело капитана Дрейфуса, само по себе не представляющее особого значения ни для классовых интересов пролетариата, ни для общества в целом. И здесь также верный революционный инстинкт французских социалистов заставил их в незначительном лозунге дела Дрейфуса почуять боевой клич милитаристической реакции и всеми средствами броситься в бой.

Указанное нами политическое значение дебатов по поводу Lex Heinze подтверждается их результатами. Они показали, что центр вовсе не так еще близок к вершине своих честолюбивых замыслов господства в Германии, как он думал и вместе с ним другие. Ведь чем ничтожнее сама по себе та карта, на которую ставится честь, тем чувствительнее поражение. А это добавляет значительную каплю горечи в победный кубок, гордо поднятый центром, как вновь испеченной правительственной партией после голосования его в комиссии за морской проект. На деле оказывается, что партия политического жонглерства и систематического отказа от собственных принципов на сей раз поторопилась, продав последние остатки своего оппозиционного демократического первородства, не успев обеспечить себе взамен чечевичную похлебку реакционного господства, что она одела на себя ливрею правительственной партии, прежде чем доказала, что в состоянии выполнять функции господствующей партии.

Для партий, подобных центру, и являющихся искусственным конгломератом разнородных элементов, поскольку они отбрасывают принципиальную политику, успех является очень важным фактором. Чем больше фракция центра нуждалась для своих сторонников в стране в наглядном доказательстве своей политической силы и в блестящей парламентской победе, чтобы оправдать свое голосование за морской проект, тем сильнее оказалось впечатление на сочувствующих центру масс от понесенного поражения. Следует правильно оценить этот факт, как благоприятный момент в предстоящей агитации социал-демократии против морского закона по милости центра.

Дальнейшим следствием, ясно выраженным в прессе центра, в частности, в органах ее фракции, является новый шаг вправо, еще большее сближение с реакционными партиями. Kölnische Zeitung уже угрожает производящим обструкции свободомыслящим, что при ближайших выборах центр уже не будет оказывать поддержки бунтовщикам, а вместо того вступит в союз с консерваторами. При существующем положении вещей в этом нельзя видеть только преходящее проявление досады. То, что здесь подсказывает злоба, есть в действительности естественный путь, на который властно толкает центр им же самим созданное положение. Господство во что бы то ни стало — путем союза с консерваторами, если нельзя достичь его собственными силами! Вот в чем состоит теперь «вопрос чести» для центра.

Вот вкратце результаты борьбы за Lex Heinze: подрыв престижа центра в приверженных ему народных массах, отдаление момента его полного господства, к которому он стремится, ускорение его союза с политической реакцией.

Социал-демократия может быть вполне удовлетворена этими результатами своей обструкционной кампании. Однако, социал-демократическую тактику никогда не следует оценивать только по ее материальному успеху, а, прежде всего, по ее внутренней обоснованности. Даже и тогда, когда она остается безуспешна в отношении к непосредственно намеченной цели, как это чаще всего бывает в парламенте, она находит себе внутреннее оправдание в агитационном воздействии. Эта точка зрения вдвойне уместна в данном случае, так как до последней минуты, т. е. до неожиданной перемены фронта со стороны национал-либералов, обструкцию следовало считать почти безнадежной.

Как мы видим, политическая ситуация в рейхстаге и вне его давала полное основание прибегнуть к крайним мерам, независимо от каких-либо расчетов на успех. Однако, следует заметить, что в самой борьбе с нашей стороны эти основания не нашли должного выражения. Обструкция все время носила только характер сопротивления Lex Heinze, а не сопротивления общей политике стремящегося к власти центра, обнаруживающейся в Lex Heinze; подчеркивалась только угроза интересам искусства, а не угроза политическому и материальному благосостоянию народа. Здесь, конечно, имеются в виду не самые обструкционные речи, служившие лишь техническим средством борьбы, а большие

дебаты, которыми открылась борьба еще перед пасхальными каникулами, и длинные агитационные речи в народных собраниях и прессе. Здесь, как и там, фоном для борьбы служило выводимое из истории и из сущности искусства право на свободное изображение нагого тела, следовательно, вопрос Lex Heinze сам по себе, а не вся политическая ситуация.

Конечно, если бы в борьбе с центром указывалось на его общую политику, на его измену при морском законопроекте, на его хлебные спекуляции, как на опасности, таящиеся за Lex Heinze, то это значительно умерило бы пыл и сочувствие буржуазной интеллигенции и художников. Но зато гораздо острее и сильнее оказалось бы политическое значение и агитационное воздействие на народные массы этой упорной кампании.

И в этом отношении существует аналогия между нашей обструкцией и дрейфусовской кампанией во Франции. Как здесь социалисты совершенно справедливо усмотрели в единичном случае проявление крупных социальных противоречий, но в самой борьбе недостаточным подчеркиванием общего политического фона и слишком сильным подчеркиванием единичной несправедливости в значительной степени лишили это выступление агитационного воздействия, как классовой партии, так и наша партия, повидимому, поставила обструкцию, главным образом, на такую почву, на которой она кажется ненужной затратой сил, и не подчеркнула моментов, служащих ей полным оправданием.

Но каковы бы ни были причины этого, во всяком случае интересы партии и ее будущей борьбы требуют, чтобы она хотя бы задним числом отдала себе строгий отчет в только-что законченной кампании.

РЕВИЗИЯ[1]

Значение утвержденного закона о государственном страховании отнюдь не исчерпывается непосредственным его влиянием на социальное положение рабочего класса. Закон этот призван осветить всю политическую ситуацию и подвергнуть пересмотру лозунг «черно-синего блока», господствовавший за последние годы в нашей политической жизни.

Черно-синий блок[2] создан партийной борьбой на почве финансовой реформы и налоговых вопросов; однако, вопрос о налогах не может служить достаточным и недвусмысленным пробным камнем для определения классовой

[1] Leipziger Volkszeitung от 16 июня 1911 г.
[2] Союз консерваторов с центром, возникший в 1909 г.

физиономии буржуазных партий. Бремя налогов современного крупного государства чувствительно задевает не только пролетариат, но и среднюю и мелкую буржуазию в городах и деревнях. Да, самый кроткий филистер может притти в бешенство, когда «любящее государство» слишком глубоко запускает свои жадные лапы в его карман. У французских «радикалов», типичной партии мелкой буржуазии, в течение десятков лет, на ряду с вопросом отделения церкви от государства, боевым пунктом программы и коньком Клемансо, «свергателя министерств», служил подоходный налог. Правда, в Германии тяжелый сапог милитаризма раздавил мягкие кости наших либералов, и уже бисмарковский режим, развратив их злоупотреблением косвенными налогами, убил в них совесть. Если при финансовой реформе они стояли за легкий налет на кошельки имущих в виде жалкого налога на наследства, то этим имелось в виду получить от избирателей фиговый листок для прикрытия 400 млн. марок косвенных налогов. Во всяком случае, одного этого желания считаться с чувствительностью избирателей к налоговым вопросам было достаточно для того, чтобы либералы лишились своего недолговечного участия во власти, полученного из рук консерваторов.

Политические различия вскрываются гораздо яснее и определеннее в вопросах социального законодательства. Здесь, где речь идет об охране жизни и здоровья, об условиях существования пролетариев, об охране эксплоатируемых от губительных последствий капиталистической эксплоатации,—вопросы касаются самого существа классовых отношений, они затрагивают самые животрепещущие нужды рабочих, как особого общественного слоя, стонущего под беспощадным гнетом капиталистической эксплоатации, здесь вкладываются персты в самые глубокие язвы социального организма. Закон государственного страхования заставил все побочные соображения умолкнуть перед голым интересом эксплоатации, здесь говорила только стихийная ненависть буржуазных классов к подымающемуся рабочему классу, и закон этот счастливо объединил в одну фалангу все партии, от крайней правой до крайней левой, включая и 24 «прогрессистов». Этим самым черно-синий блок сошел с общественной арены. В связи с законом о государственном страховании он растворился в более обширном лагере, объединившем против рабочего класса товарищей по блоку с их противниками; бывшие противники времен борьбы за налоги объединились в высшем единстве: в союзе эксплоататоров против эксплоатируемого пролетариата. Таким образом, на передний план политической сцены вместо финансовой реформы выступило государственное страхование, именно оно-то и должно дать лозунг

для предстоящих выборов в рейхстаг, который должен лечь в основу предвыборной агитации социал-демократии.

Это не значит, что забыты или оттеснены на задний план вчерашние грехи финансовой реформы. Наоборот, финансовая реформа, как враждебный народу грабительский замысел юнкерского и поповского большинства, должна, естественно, занимать в нашей агитации одно из главных мест. Но эта реформа уже не может служить показателем политической ситуации в целом. Закон о государственном страховании внес существенные поправки в эту картину, он вернул политической ситуации ту ясность, которая была затемнена преходящими моментами, и поставил на место парламентского соотношения сил социальное классовое деление, на место черно-синего блока — «единую реакционную массу», от Гейдебранда до Наумана. Если уже прежде было совершенно неправильно сделать клич «против черно-синего блока» лозунгом социал-демократической избирательной тактики, то в настоящее время это значило бы игнорировать закон о государственном страховании, это значило бы вести избирательную борьбу под звуки устарелых напевов из времен финансовой реформы, ориентироваться на ситуацию, уже более не существующую. Более того. Между тем как либералы тем настойчивее будут делать лозунг «против черно-синего блока» руководящим принципом избирательной агитации, чем более они заинтересованы в возможном отвлечении внимания пролетарских избирателей от их презренного пособничества реакции при выработке закона о государственном страховании, тем более социал-демократическая агитация и отличительный ее признак должны будут состоять в том, чтобы на зло либеральным и клерикальным попыткам затушевывания выдвинуть на первый план закон о государственном страховании. Если и могли существовать оптимисты, считавшие «единую реакционную массу» теоретической схемой, о которой можно спорить, то в настоящее время эта «схема» получила самое реальное воплощение в свежем законодательном акте, на котором еще не успела обсохнуть типографская краска.

Ситуация готтентотских выборов[1] снова создастся при ближайших выборах в рейхстаг, с тем крайне важным отличием, что на сей раз центр тоже выступит в своей естественной роли правительственной партии и не будет ломать комедию оппозиции. Да, как раз по отношению к центру закон о государственном страховании дает нам отличное оружие для разоблачения в глазах собственных про-

[1] Выборы в рейхстаг 1907 г., которые велись под знаком так называемого «готтентотского блока», — блока из консерваторов, национал-либералов и части свободомыслящих, созданного Бюловым.

летарских сторонников этой иезуитской партии, как кровного врага рабочего класса. Ведь голосовал же здесь центр за проект, который даже христианскими профсоюзами на конгрессе 1909 г. в Кельне был резко заклеймен, как покушение на права рабочих, которое во что бы то ни стало следует предотвратить.

Когда говорят о нашей избирательной тактике, то, конечно, в первую голову имеют при этом в виду характер нашей агитации при выборах, а не наше поведение при перебаллотировках. Что там, где решение зависит от нас, мы стоим за меньшее зло, это так самоочевидно, что ставить этот вопрос на обсуждение — значило бы ломиться в открытую дверь и уклоняться от существа вопроса. Правда, что решение вопроса — что представляет «меньшее зло», становится для социал-демократов все более затруднительным. Согласно сообщению Vorwärts, Бебель так выразился в своей гамбургской речи в конце марта:

> «При перебаллотировках наши требования к буржуазным кандидатам, которых мы желаем поддерживать, по необходимости становятся все более скромными, потому что буржуазная оппозиция становится все более ненадежной. В настоящее время уже более не существует буржуазной партии, которая бы, как прежде, соглашалась с нами по определенным вопросам. Но мы, по крайней мере, должны требовать, чтобы кандидат, желающий иметь наши голоса при перебаллотировках, твердо нам обещал, во-первых, стоять за сохранение права выборов в рейхстаг, во-вторых, бороться против ограничения права собраний и коалиций, в-третьих, противиться всякому исключительному закону, который бы мог быть направлен против рабочего класса. Если он этого не желает сделать, то ему не получить наших голосов».

Если следовать этому правилу, то возникает серьезный вопрос в отношении большинства теперешних прогрессивных депутатов, которые частью пассивно, частью активно поддерживали худший из всех исключительных законов против рабочего класса, — ведь из 48 человек лишь 10 голосовали против закона о государственном страховании, 24 голосовали за, между тем как 14 воздержались от голосования. Но ведь главное здесь не в проведении при перебаллотировках, которое в каждом отдельном случае тщательно обсуждается нашими товарищами, а в характере агитации, которую мы ведем в прессе, в листовках и на собраниях, будь то при выборах или же при перебаллотировках, будь то в округах, где либералы являются нашими главными противниками, или там, где от них зависит исход борьбы между нами и правыми партиями. Щадить либералов было бы ошибкой также и в чисто парламентарном смысле. Чем резче и беспощаднее мы их критикуем, тем больше симпатии и одобрения мы завоевываем среди скудных действительно прогрессивных элементов буржуазии, которых вгоняют в краску стыда прегрешения их собственной партии.

Также и здесь единственно практической политикой окажется верность принципам. Остальные же элементы либерализма, разъеденные язвой реакции, мы не склоним на нашу сторону никакими дипломатическими тонкостями. Наиболее влиятельные прогрессисты сами по мере сил разрушают всякие иллюзии. Ведь сказал же, например, депутат Эйкхоф совершенно открыто на собрании выборщиков 17 октября в Ремшейде:

«Незабываемы для меня и, вероятно, также для всех вас дни выборов в рейхстаг 1907 г. В то время либеральные партии образовали единый фронт со сторонниками свободно-консервативной партии, и когда при перевыборах другие буржуазные партии, забывая то, что нас разделяло помогли нам, мы подготовили поражение общего врага, такое полное какого никогда не переживала еще социал-демократия нашего избирательного округа... Так пусть же эти выборы 1907 г. послужат всем нам примером».

И этого-то Эйкхофа, которому в его избирательном округе собственные товарищи по партии запретили всякую агитацию против консерваторов, на последнем партийном съезде прогрессивной народной партии Прирейнской области Копш и Вимер оправдывали против обвинений со стороны нескольких свободомыслящих, которые не были в такой мере лишены чувства стыда.

Это не единственное и не случайное явление. В настоящее время все буржуазные слои охвачены глубоким реакционным настроением, стремительный рост которого можно, так сказать, осязать, наблюдать на протяжении нескольких месяцев. Дополнительные выборы последнего года дали радикальным органам свободомыслящих некоторое основание торжествовать по поводу «сдвига избирателей влево». С тех пор сколько событий! Дополнительные выборы в Гиссен-Нидде в марте, выборы бургомистра в Штутгарте в мае, — это две веские пощечины всем мечтателям, верящим в весну либерализма нашей буржуазии. Но и эти два события представляют интересные ступени в охватившей свободомыслящих реакции. При гиссенских выборах победа реакции была обусловлена изменой либералов, которые при перебаллотировках, вопреки единогласному требованию руководителей прогрессивной народной партии, взапуски с национал-либералами голосовали за антисемита, чтобы убить кандидатуру социал-демократа. Двумя месяцами позже, при штутгартских выборах, получилась еще более интересная картина: здесь сторонники народной партии предали уже не социал-демократа, а своего же собственного партийного кандидата, перейдя при первом же голосовании в лагерь реакционеров. Таким образом, свободомыслящие избиратели не следуют указаниям собственной партии, массы еще гораздо реакционнее, чем их официальная партия, точно так же, как партия в действительности реакционнее, чем ее пресса. Это обратно тому, что наблюдается в социал-демократии. Между тем как исполненная классового сознания часть масс, революционная по своему социальному положению, по большей части радикальнее своих руководителей, бунт либеральной буржуазной массы против своих вождей показывает, что слои, реакционные в силу своих классовых интересов, лишь с большим трудом могут хранить верность давно выцветшим, пустым словам либеральной партийной программы.

Совершенно та же тенденция обнаруживается в партии национал-либералов. Свободомыслящие в своем отчаянии следуют теперь той тактике, которую в нашем лагере рекомендуют социал-демократии ревизионистские мечтатели тактики большого блока: отнестись снисходительно к грехам либерализма и, войдя с ним в добровольный союз, спасти свои жалкие остатки из объятий реакции и запречь их в колесницу политического прогресса. Свободомыслящие закрывают глаза на грехи национал-либералов, вся их «либеральная» тактика сводится к тому, чтобы уговорить фракцию, что и она, так сказать, «либеральна», и на основании такого взаимного самообольщения проделывать всякие гешефты с мандатами. Чего же они достигли, следуя «государственной мудрости» наших ревизионистов? Того, что национал-либералы их продают и предают в Дюссельдорфе центру, в Фридберг-Бюденгене—Союзу сельских хозяев, а где случится, и консерваторам. Но и там, где единение между руководителями обеих партий с грехом пополам осуществлено, в отдельных избирательных округах национал-либеральные массы избирателей бунтуют и угощают пинками своих «прогрессивных» союзников. Так, например, Фридберг и Бассерман тщетно надрывают себе горло, чтобы удержать ольденбургских избирателей от выставления контр-кандидата против прогрессиста.

Таким образом, милая картина последних выборов и приготовлений либеральных партий к выборам сливаются в одно целое. Масса избирателей свободомыслящих отказывается следовать за собственными вождями, чтобы создать фронт против социал-демократии, масса избирателей национал-либералов отказывает в послушании своим вождям, чтобы обратиться против свободомыслящих. Каждая партия раскачивается влево и валится вправо, а немногие вожди партии, еще не вполне потерявшие либеральную совесть, бессильно пытаются, подобно мифическому Фаэтону, вытащить безнадежно запутавшихся коней и опрокинутую колесницу либерализма из болота реакции и дикого хаоса неудержимого разложения.

Закон о государственном страховании ярко осветил всю эту картину и вложил в наши руки смертоносное оружие

против центра. Мы бы согрешили против наших самых элементарных задач, если бы не использовали во всей полноте эти признаки и симптомы зрелости капиталистического развития для революционного воспитания пролетариата. **Наша избирательная борьба в этом году, больше чем когда-либо, должна служить строго принципиальной, свободной от всех парламентарных побочных соображений, социалистической агитации.**

СОГЛАШЕНИЕ 1912 г. О ПЕРЕБАЛЛОТИРОВКАХ

НАША ТАКТИКА ПРИ ПЕРЕБАЛЛОТИРОВКАХ [1]

I

Прошло полтора месяца со дня выборов и месяц со дня окончания последних перевыборов, а между тем ЦК нашей партии, к сожалению, не счел до сих пор нужным опубликовать и обосновать перед общественным мнением заключенное им с прогрессивной партией соглашение относительно перебаллотировок. Правда, партийной прессе и заинтересованным организациям избирательных округов было в порядке доверительной информации сообщено то, что было безусловно необходимо для проведения в жизнь этого соглашения, и прессе было, также задним числом, дано обоснование. Однако, широкие партийные круги, масса партийных товарищей, пребывают по сию пору в неведении относительно этого важного политического выступления партии, к обсуждению которого, очевидно, всего удобнее было бы приступить, если бы ЦК партии разъяснил всей партии проводимую им от ее имени тактику, а также свои мотивы и соображения. Приходится очень удивляться, что это не сделано до сих пор, так как ЦК партии всего менее желает помешать публичному обсуждению этого дела. Это было бы совершенно несовместимо с общим характером нашей партии.

В сущности говоря, следовало предать это соглашение гласности во время самих перебаллотировок, и о секретном характере тактики ЦК партии сожалеют, вероятно, даже те товарищи, которые с его тактикой согласны. Буржуазные партии, которые в таких случаях обычно изменяют собственным принципам, имеют всяческое основание скрывать от света дня свои шахермахерские сделки. Наоборот, существу социал-демократической партии противоречит заключение с другими партиями тайных избирательных сделок. Никто не требует, чтобы в процессе переговоров трубили о всякой стадии подготовляющегося соглашения, которое может еще и не состояться. Но после того, как соглашение

[1] Leipziger Volkszeitung от 30 февраля, 1, 2 и 4 марта 1912 г.

состоялось, оно не должно оставаться келейным, и для келейности нет решительно никакого основания. Социал-демократия никогда не заключает политических сделок, которых бы ей приходилось стыдиться, или которые имеют целью обойти, подвести другие партии; социал-демократическая политика не нуждается в тайных путях. Но, прежде всего, демократический характер нашего движения исключает всякие тайные избирательные сделки с другими партиями. Для нас массы избирателей — не голосующее стадо, как для буржуазных партий, которым можно распоряжаться без его ведома, они — не объект нашей политики, а его сознательный, убежденный носитель. Так как всякое соглашение относительно выборов касается тех или иных действий избирателей, то оно должно предаваться гласности для того, чтобы массы избирателей могли судить о лозунге выборов со всеми его условиями, целью и мотивами, и следовать ему по свободному убеждению.

Мы ни минуты не сомневаемся в том, что в данном случае инициатива тайны исходила не от нашего ЦК партии. Если соглашение с прогрессивной народной партией не было официально опубликовано в полном объеме, то это было сделано исключительно в угоду прогрессистам, которые не желали себя компрометировать в глазах реакционных избирателей формальной сделкой с социал-демократией и предпочитали не афишировать своей близости с красными для того, чтобы втайне тем вернее воспользоваться их поддержкой.

Тайный характер соглашения о выборах, резко противоречащий характеру и обычаям социал-демократии — это была первая, к сожалению, не последняя — жертва, принесенная нами союзу со свободомыслящими.

Но, прежде чем обратиться к рассмотрению соглашения, желательно покончить с одним общим вопросом. Находятся конечно, товарищи, которые считают в этом деле наиболее важным вопрос о том, допустимо ли или предосудительно в принципе соглашение между социал-демократией и буржуазными партиями. Признаемся, что при существующем положении мы считаем совершенно лишним заниматься такими невинными размышлениями. Быть может, до того как состоялось конкретное соглашение, могло доставить известное удовлетворение рассмотрение вопроса, приемлемо ли или должно быть отброшено соглашение, которое для нас является чистой абстракцией с неопределенным конкретным содержанием. Однако, в настоящий момент, когда имеется налицо весьма реальный факт данного соглашения о перебаллотировках, со всеми связанными с ним обстоятельствами и вполне ощутительными результатами, мы считали бы довольно праздным занятием хвалить или порицать «идею»

соглашения, а суровую действительность объявлять второстепенной деталью. Соглашение, заключенное ЦК партии с прогрессистами, требует самой резкой критики, независимо от принципиального отношения к соглашениям о перевыборах.

12 января мы одержали беспримерную победу. Весь мир был поражен демонстрацией нашей силы. Зачем нужно было входить вообще в соглашение с буржуазными партиями? Мотивы ЦК партии, сообщенные им партийной прессе, ясны: имелось в виду использовать нашу силу, чтобы обеспечить себе возможно большее число мандатов и разрушить черно-синий блок. Этой цели должна была служить умелая тактика при перебаллотировках. Правда, наше поведение при перебаллотировках было намечено постановлением Иенского партийного съезда. Но нам бы пришлось оказывать помощь при выборах, не получая ничего взамен. Это, очевидно, не удовлетворяло ЦК партии. Имелось в виду приобретенную нами силу не просто отдать другим, без всякой компенсации, а использовать ее для завоевания политических преимуществ как для нас, так и для общего развития. И ситуация была, в этом смысле, подходящая. Либералы были уничтожены, прогрессивная партия снова, как в 1903 г., была сведена к нулю и потому нуждалась в нашей помощи при выборах. Но получить она должна была ее не даром. На этот раз мы имели возможность диктовать ей условия, отрезать ей путь в сторону реакции, предупредить повторение 1907 г. Посмотрим, как это было приведено в исполнение. Практическую сделку надо прежде всего оценивать с чисто практической точки зрения.

На основании соглашения с ЦК нашей партии прогрессисты обязались поддерживать нас против реакции в 31 точно перечисленном избирательном округе. Всякий ожидал бы, что эта поддержка найдет выражение в ясном и недвусмысленном лозунге в пользу социал-демократии. Ведь только при соблюдении этого минимального требования можно было вообще, говорить о взаимности. Ввиду общеизвестной ненадежности прогрессистских избирателей, которые до сих пор, как показывает недавний опыт, не считаясь даже с официальными директивами собственных окружных руководящих центров, неуклонно стремятся вправо — достаточно вспомнить дополнительные выборы в Гиссен-Нидде в прошлом году,—необходимо было требовать от партийного центра прогрессистов, чтобы он по меньшей мере обязался официально выдвинуть на выборах лозунг за социал-демократию. Само собою понятно, что ЦК нашей партии требовал такого обязательства. Но прогрессисты не согласились на это элементарное условие. Отчего? Очень просто. Официальный лозунг в пользу социал-демократии

разоблачил бы прогрессистов в глазах реакционных партий. Прогрессисты не хотели отрезать себе публично все пути вправо; их расчет состоял в том, что, пользуясь помощью социал-демократов при выборах, они отнюдь не хотели этим самым ставить на карту содействие реакционных избирателей. Следовательно, здесь в отказе от официального лозунга в пользу социал-демократов обнаружилась нечестная спекуляция прогрессистов на благосклонности реакционных избирателей, их двуличие, и этим объясняется неизбежность держать в секрете все соглашение. Наш ЦК, к нашему удивлению, счел нужным считаться с этой спекуляцией и согласился на этот отказ от официального лозунга в пользу наших кандидатов. Этот лозунг должен был только сообщаться конфиденциальными циркулярами местным комитетам прогрессистов; ясно, что и местные комитеты должны были «конфиденциально» проводить этот лозунг и сохранять его в тайниках своей души. В качестве эквивалента отвергнутого прогрессистами ясного и отчетливого лозунга был выдвинут лозунг: не избирать вновь прежнее сине-черное большинство. Эта магическая формула, которую даже Vorwärts в № от 22 января называет «довольно двусмысленной», должна была всецело гарантировать политическую добродетель прогрессивных избирателей. И этим буквально исчерпывается все, что нам дали прогрессисты.

Взамен этого ЦК партии обязался от имени социал-демократии. согласно постановлению Иенского партийного съезда, поддерживать прогрессистов во всех избирательных округах, где предстояла перебаллотировка между ними и реакционерами. И в этом случае прогрессивные кандидаты избавлялись даже от необходимости выражать согласие с требованием нашей партии. Решено было считать достаточным заявление о том, что условия иенского постановления соответствуют программе прогрессивной народной партии, и что кандидат признает программу своей партии. Для нашей партии отнюдь не было открытием, что официальная программа партии прогрессистов содержит в себе формулированные в Иене требования, даже во многом идет значительно дальше, и если бы дело сводилось только к словесной стороне программы либеральной партии, то мы легко могли бы в Иене избавить себя от труда формулировать наши условия перебаллотировок. Но если мы сочли такую формулировку необходимой, то веским к тому основанием служит то, что для либеральных политиков их собственная либеральная программа обратилась в ни к чему не обязывающий клочок бумаги. Поэтому-то, не полагаясь на магическое действие либеральной программы, мы хотели добиться обязывающих заявлений, личных обязательств по отношению к нам, и потому требования

оказались настолько скромными, что их значительно превосходит прогрессивная программа. Таков ясный смысл и цель иенского постановления. Но его соблюдение могло бы набросить в глазах реакционных клиентов тень на прогрессистов. Как бы то ни было, каждый кандидат освобожден по отношению к нам от личного обязательства, которое заменено ничего незначащей фразой о прогрессивной программе.

Правда, при всем том наша партия одержала большую победу: впервые удалось принудить прогрессивную партию, устав которой ясно говорит, что соглашения о перевыборах являются делом отдельных округов, к заключению «всеобщего соглашения» в пределах всей империи. Правда, до сих пор даже соглашения и лозунги окружных комитетов партии прогрессистов оставались часто пустым звуком для ее избирателей, подобно тому как обращения центральных и провинциальных комитетов — для окружных комитетов. Правда, прогрессивная партия лишена всякой строгой организации и партийной дисциплины, благодаря которым такие общие соглашения могли бы оказаться чем-то большим, чем нож без клинка. Правда, благодаря секретности и замаскированной форме лозунгов, это соглашение вообще потеряло все свое значение. Тем не менее идея общего соглашения, по-видимому, вполне серьезно казалась нашему ЦК партии чрезвычайно ценным завоеванием, и ему осталось только снова испробовать ее на деле.

II

Если бы соглашение исчерпывалось указанными нами пунктами, то пришлось бы признать, что и в этом случае львиная доля преимуществ оказалась на стороне прогрессистов. Но на этом не остановились. Прогрессисты требовали большего. Они требовали, чтобы мы не только помогли им выбраться из лужи, куда их посадила реакция, но чтобы мы, кроме того, добровольно уступили им те избирательные округа, в которых между нами и ими должны были произойти перебаллотировки. Не заключая блока с реакцией и лишаясь реакционной помощи при выборах, прогрессисты подвергались опасности быть побитыми нами в целом ряде округов. И от этой опасности мы сами должны были их спасти, добровольно отказавшись от борьбы. Соглашение с нами должно было быть для прогрессистов страхованием против реакции и вместе с тем страхованием против нас же самих!

Можно было бы дивиться дерзости этих расчетов прогрессистов, если бы не один еще более поразительный факт:

согласие нашего ЦК. ЦК партии фактически согласился на следующее требование прогрессистов:

В 16 избирательных округах (Обербарним, Лигниц, Шенау-Гиршберт, Апенраде-Фленсбург, Лауенбург, Кверфурт-Мерзебург, Гаген, Зюд-Дитмаршен, Малхин-Варен, Кальв, Балинген, Мейнинген, Шаумбург, Липпе-Детмольд, Ольденбург, Нордгаузен), в которых предстояла перебаллотировка между нами и прогрессистами, наша партия должна «смягчить избирательную борьбу», чтобы помешать возможной победе социал-демократических кандидатов и предоставить округ прогрессистскому противнику.

Здесь более всего поражает совершенно непонятная политическая подкладка. Ведь руководящие принципы всего соглашения сводились к следующему: 1. Цель — сокрушить черно-синий блок. 2. Обеспечить себе самим возможно большее число кандидатов. Здесь же речь шла об избирательных округах, которые могли остаться либо за прогрессистами, либо за нами, которые, значит, во всяком случае оказались бы в руках левых. И как раз эти-то округа мы должны были заранее уступить прогрессистам. Таким образом, здесь речь шла уже не о политических соображениях, представляющих всеобщий интерес, не о прогрессивном развитии,— оно было бы, наоборот, лучше обеспечено, если бы округа остались за социал-демократами, а все дело сводилось к простой спекуляции мандатами со стороны прогрессистской партии. И эта спекуляция должна была производиться как раз за наш счет.

Но при этом не только отрицалась политическая исходная точка соглашения, но приносились в жертву гораздо более важные принципы социал-демократической борьбы. Что должно было, например, означать стыдливое словечко «смягчать избирательную борьбу», не известное до тех пор в лексиконе социал-демократии? Господа прогрессисты оказались очень далеки от прекраснодушной доверчивости нашего ЦК к «конфиденциальным» циркулярам партийного центра прогрессистов, так же как и к верности прогрессивных кандидатов своей бумажной программе; они с ловкостью самых тертых торгашей продиктовали нашему ЦК партии «смягчение»: ЦК обязался от имени нашей партии в названных 16 избирательных округах «до перебаллотировок не устраивать собраний, не распространять листовок, не предлагать избирателям избирательных списков и в день самых выборов не тащить граждан к урнам», взамен чего нам «предоставлялось» — прогрессисты милостиво нам это разрешали — в день выборов распространять списки кандидатов около выборных помещений. Последнее нам «предоставлялось» потому, что иначе, при полном и необъяснимом отсутствии

списков социал-демократических кандидатов, наши партийные товарищи устроили бы публичный скандал и подвергли бы опасности секретность всего соглашения.

Трудно читать эти строки соглашения без того, чтобы в лицо не ударила краска стыда и негодования по поводу этого дерзкого требования прогрессистов. Во всяком случае, с тех пор как существует германская социал-демократия, она не заключала подобного соглашения о выборах.

До сих пор социал-демократия придерживалась того принципа, что избирательная борьба прежде всего и главным образом служит агитации, разъяснению целей социал-демократии, и в этом смысле считалось священным долгом и делом чести использовать всякий день, всякий час избирательной борьбы для максимальной агитационной работы. Здесь, в угоду прогрессистам, ЦК партии запретил нашим товарищам агитировать в пользу собственной партии!—Никаких собраний, никаких листовок, никакого привода к урнам.—Социал-демократы не должны пальцем пошевелить для того, чтобы при перевыборах получить для социал-демократии избирателей, сторонников. Они должны спокойно взирать, как наши противники — прогрессисты развивают лихорадочную деятельность, разделывают социал-демократов, клевещут на них, представляют в карикатурном виде их стремления, и не имеют права ничего ответить. И какими избирательными округами мы должны были, между прочим, пожертвовать! Достаточно назвать Гаген, прежнее местопребывание Евгения Рихтера, самого отчаянного врага и клеветника социал-демократии.

Конечно, не следует оценивать вопросы общей тактики с точки зрения деревенской колокольни отдельных избирательных округов. Никакая жертва не должна казаться чрезмерной там, где речь идет об общих интересах партии. Но у социал-демократии не существует противоречия между интересами избирательных округов и интересами партии. Самое это понятие почерпнуто из практики либеральных партий, где каждый избирательный округ ведет собственную политику, заигрывает с другими партиями и попирает ногами собственную программу. У нас избирательный округ и вся партия объединены в высшем стремлении к расширению классовсго сознания и усилению мощи пролетариата. Но как раз с этой точки зрения отдача без боя 16 избирательных округов прогрессистам была ударом не по избирательным округам, а по всей партии. Вред, быть может, оказался бы меньше, если бы у нас хватило мужества, последовательности и правдивости открыто снять в этих округах наши кандидатуры. Этим, во всяком случае, была бы достигнута ясность положения. Но сохранить кандидатуры и вместе с тем запретить товарищам

делать что бы то ни было в их пользу,—эта непостижимая тактика должна была подействовать на партийных товарищей ожесточающе, а на массы избирателей — крайне деморализующе, так как им должно было казаться, что мы разыгрываем недостойную комедию. Эта чуждая духу нашей партии двусмысленность поведения, которая к лицу только буржуазно-либеральной партии, была духовной жертвой, принесенной нами дружбе с прогрессистами. Не лишено горькой иронии, что ЦК партии вменяет себе в заслугу, что его стратегия привела к экономии денег и времени в 16 округах, по его мнению, безнадежных. Экономия состояла, между прочим, в том, что в этих округах сотни тысяч листовок были отпечатаны и обращены в макулатуру, назначено было множество собраний, которые затем были отменены, что сопровождалось расходами. Но забывают, повидимому, главное: речь шла здесь не о деньгах и не о времени, а об агитации, пропаганде, политической работе путем листовок и собраний, и «экономию» в этом направлении нельзя считать особенно блестящей заслугой ЦК партии.

Правда, по большей части на получение мандатов надежды не было. Но с каких пор вопрос о мандатах является для нас решающим? И разве до сих пор мы не считали всегда безусловным долгом и обязанностью товарищей там, где не было ни малейшей надежды на мандат, вести ту же работу и так же энергично агитировать, как там, где победа была обеспечена? В глазах буржуазно-либеральных политиков избирательные округа лишь тогда заслуживают внимания и агитации, когда есть расчет на мандат, но для социал-демократии агитация стоит на первом месте, а мандат на последнем.

Можно возразить: речь шла только о перебаллотировках, и партия с давних пор делала различие между выборами и перебаллотировками. Между тем как при выборах агитация велась несомненно со всей энергией и принципиальной выдержанностью, при перебаллотировках учитывались другие моменты. Конечно, партия всегда делала различие между выборами и перебаллотировками, но никогда в том смысле, чтобы выборы посвящать принципиальной борьбе, а перебаллотировки — всяческим экспериментам так называемой «практической политики». Особая тактика перевыборов относилась вообще только к особой ситуации, в которую нас ставила необходимость выбирать между двумя буржуазными противниками. После того как сами мы удалялись с поля сражения, мы, конечно, должны были серьезно взвесить вопрос — принимать ли вообще участие в дальнейших выборах и в чью пользу. Если невозможно было избрать в округе социал-демократа, то все же классовые интересы пролетариата требовали, чтобы провести возможно менее

реакционного представителя. Таким образом, для перевыборов создался лозунг «меньшего зла», которому социал-демократия осталась верна, и против которого до сих пор из рядов партии не раздавался ни один голос. Но этим отнюдь не были обусловлены отказ от принципов, мандатные сделки, или особая «практическая политика», в противоположность общей выборной тактике. Поддержка «меньшего из зол» всецело согласуется с общими принципами нашей тактики, нам не пришлось бы ни на иоту от них отступать, следуя этой тактике,—при условии, конечно, что «зло» было бы действительно «меньшим». Но это всегда относилось к тем случаям, когда нам приходилось выбирать между двумя буржуазными кандидатами. Никогда не существовало особой тактики перебаллотировок для тех избирательных кругов, где мы сами боролись против буржуазного противника, никогда партии не приходило в голову добровольно уступить поле сражения, никогда не приходило ей в голову парализовать собственную агитацию, чтобы облегчить победу буржуазному противнику.

Для этого пункта соглашения можно найти только одно объяснение: прогрессисты поставили его условием sine qua non. Если бы наша партия на него не согласилась, то сделка бы не состоялась, и прогрессисты отправились бы искать себе «союзников справа». Таким образом, ЦК партии все время находился под угрозой со стороны прогрессистов: иначе мы перейдем к конкурентам. А между тем, заметьте, что это были те самые люди, которые при обсуждении финансовой реформы (1909 г.) заявляли, что следует с негодованием отвергнуть требуемые социал-демократами изменения конституции, так как соединение этого требования с финансовой реформой было бы по отношению к правительству «шантажем и барышничеством». Итак, по отношению к правительству Мюллер-Мейнинген и Копш не хотят быть шантажистами, упаси бог! Но в отношении к социал-демократии, в келейной обстановке — все сойдет.

Вместо того чтобы дать на эти требования прогрессистов единственный подходящий ответ, а именно, спустить этих «дельцов» со всех лестниц вместе с их conditio sine qua non, ЦК партии согласился на все их условия. И в конце концов мы, быть может, должны еще быть рады, что нам удалось ограничиться добровольной уступкой 16 округов, и что не пришлось сдать 20, прибавив еще Плауен, Леннеп-Меттманн, Альтена-Изерлон. Таково было соглашение, основанное «на принципе взаимностей». Ситуация не лишена комизма. Итак, грандиознейшая избирательная победа, когда-либо виденная миром, гордое 4¼-миллионное войско нужны были нам для того, чтобы на следующий день раздавленная партия, горсть охотников за мандатами, и барышников, диктовала нам изби-

рательную тактику. Первоначальная цель и смысл всего этого соглашения оказались поставленными вверх ногами: это соглашение должно было предотвратить союз прогрессистов с реакцией, а оно само оказалось проникнуто мыслями об этом союзе; оно должно было, взамен помощи при выборах, согласно иенскому постановлению, обеспечить нам услуги со стороны прогрессистов, а вместо того оно принудило нас к дальнейшим уступкам, которые и не снились Иенскому партийному съезду. Мы должны были, опираясь на нашу силу, диктовать условия, а вместо этого мы позволили, чтобы нам диктовали условия. Удивительно ли, что прогрессивные франты пришли в великолепное настроение, как биржевые маклеры, которым удалось без гроша своих денег сделать «золотое дельце», и вели себя со времени перевыборов так, что тошно было на них смотреть!

Но будем искать утешения в более общих точках зрения и более широких перспективах. Ведь высшая политическая цель соглашения была, тем не менее, достигнута. Удалось помешать формальному блоку либералов с реакцией, предотвратить повторение 1907 г., между тем как опасность была поистине велика. Уже г-н Бетман-Гольвег, как легендарный крысолов, сзывал звуками своей флейты. Одновременно с торгом между нами и прогрессистами завязывались отношения между либералами и «черно-синей» правой. Телефон действовал во-всю, и судьба Германии висела на волоске. Тогда мы решительным жестом, как подобает в великие моменты истории, бросили 16 округов, как приманку, и все прогрессивные крысы сбежались к нам. Но этого мало. Привязав к себе прогрессистов, мы тем самым косвенно оттянули от черно-синих также и национал-либералов. Бетман-Гольвег остался один со своей флейтой и грустно отправился во-свояси, а мы с нашим тайным соглашением о перебаллотировках пошли в бой.

И вот эта-то борьба оказалась уничтожающей критикой нашего соглашения.

III

Первый же день перевыборов дал результаты, которые оказали на тактику ЦК нашей партии действие разорвавшейся бомбы, а оба последующих дня довершили это действие. Наше соглашение с прогрессистами должно было обеспечить нам их помощь против реакции в 31 избирательном округе. Что же последовало? Прогрессисты уступили 30 округов реакции: 16 в первый день перевыборов — из которых четыре входили в число тех 31—и по два—во второй и в третий день. Если в остальных 15 избирательных округах мы не были точно так же побеждены реакцией, то это отнюдь не потому, чтобы прогрессисты в этих округах вспомнили, наконец, о долге совести и о связывающем их с нами соглашении. Это было потому, что в тех округах мы имели достаточное преобладание и достаточные резервы, чтобы обеспечить себе победу, несмотря на измену прогрессистов. Поведение прогрессистов — и это важно отметить — было совершенно одинаковым как в первый, так и в последний день перебаллотировок. Они повсюду рассыпались в двух направлениях: часть либо сидела дома и пассивно предавала социал-демократию, или, переходя активно на сторону реакции, наносила нам удар в спину, другая же, меньшая часть, поддерживала нашего кандидата.

Несколько примеров из округов, где мы одержали победу.

Голоса прогрессистов при выборах			Прирост голосов при перебаллотировках	
Потсдам-Остхавеланд		11.063	Социалисты	2.794
			Консерваторы	8.331
Эшвеге-Шмалькальден		5.801	Социалисты	1.561
			Консерваторы	4.306
Иена	Национал-либералы	4.523	Социалисты	2.783
	Прогрессисты	5.406	Консерваторы	7.100
Альтенбург		9.273	Социалисты	3.050
			Правит. парт.	5.995
Иерихов		8.291	Социалисты	3.271
			Консерваторы	5.386
Биттерфельд		6.670	Социалисты	3.283
			Правит. парт.	3.591
Эльберфельд-Бармен	Национал-либералы	11.543	Социалисты	2.579
	Центр-либералы	6.076	Правит. парт.	16.625

Таким образом, бо́льшая часть прогрессистов форменным образом совершила всюду измену по отношению к социал-демократам и заключенному с ними соглашению. Только в Кельне, в Хейльброне, округе Страсбург, в Дюссельдорфе и в Калау-Люкау добродетель прогрессистов простиралась настолько далеко, что за нас было подано большее число голосов, чем за реакционных противников. Следовательно, соглашение о перевыборах ни в одном округе не было сполна соблюдено прогрессистами, и во всех округах, кроме четырех, совершено было постыдное предательство.

Два примера с достаточной ясностью покажут нам, как это происходило.

Leipziger Volkszeitung сообщала 23 января 1912 г., что в Юкермюнде-Воллин прогрессисты, несмотря на общий избирательный лозунг прогрессистов, отказались от голосования, и что предложение председателя прусского провинциального союза прогрессистов, г. Дорн, позаботиться

о том, чтобы не прошел консервативный кандидат, было просто скрыто прогрессистским избирательным комитетом и местными либеральными газетами.

Второй пример: в округе Мансфельд, ввиду того, что прогрессистский комитет округа пальцем не пошевелил ради нас, наши партийные товарищи попытались сами распространить воззвание к избирателям, выпущенное центральным комитетом прогрессивной народной партии. На это в день перевыборов, 20 января, в грязном правительственном листке Эйслебена, духовном оружии Арендта, появилось следующее объявление, напечатанное жирным шрифтом:

«В дополнение к нашему вчерашнему заявлению мы указываем, что не поддерживаем на перевыборах ни одного из обоих кандидатов и самым категорическим образом, во избежание недоразумений, заявляем, что после главных выборов мы с нашей стороны не распространяли никаких листовок».

Президиум с о ю з а л и б е р а л о в городского округа Эйслебен и обоих мансфельдских округов».

А в дополнение к этому наши товарищи получили еще и пощечину: «Таким образом, товарищи пользуются, как установлено, мошенническим приемом настолько же дерзким, насколько неловким».

Так выполнили прогрессисты пресловутое соглашение о перебаллотировках. Прогрессистские окружные комитеты не только сделали самое конфиденциально-домашнее употребление из «конфиденциальных» циркуляров в пользу социал-демократии, но и официальный лозунг: «Не голосовать за кандидатов черно-синего блока»—либо просто скрыли, как в Юкермюнде, либо открыто отвергли, как в Мансфельде.

Эти факты, как они ни постыдны и ни возмутительны, в сущности ни для кого не могли быть сюрпризом. Для того, чтобы их в точности предсказать, достаточно было того скромного пророческого дара, который нужен для того, чтобы из общеизвестных фактов сделать правильные выводы. Наоборот, нужна была поистине потрясающая детская вера, чтобы надеяться при помощи чудесного воздействия «центрального соглашения»—к тому же строго конфиденциального — с некомандующими генералами внести внезапно порядочность и честность в недисциплинированное стадо прогрессистских избирателей, деморализованных практикой многих лет.

Неизбежно возникает один вопрос. Когда вечером первого дня перебаллотировок телеграф принес весть о предательстве прогрессистов в 16 округах, соглашение с ними было тем самым осуждено: о н о б ы л о о б р а щ е н о в н и ч т о. Отчего же ЦК партии не попытался, сразу же, по крайней мере, исправить сделанную ужасную ошибку, официально объявив это соглашение недействительным также и для нас, и вернув нашим товарищам в 16 уступленных округах и

прессе свободу действий. Мы полагаем, что это самое малое, чего требовал долг. К сожалению, произошло обратное. ЦК партии, наоборот, счел себя обязанным в информации, даваемой партийной прессе, оправдывать измену прогрессистов всевозможными обстоятельствами и, таким образом, смягчить негодование товарищей по поводу этой измены; при этом — в поразительном несоответствии с фактами — он всячески хвалил прогрессистов за их якобы добросовестное поведение на второй и на третий день перебаллотировок.

Но соглашение ЦК партии подверглось еще одному изменению. Получив известие об обмане прогрессистов, наши товарищи везде, кроме одного из 16 «смягченных» округов, не стали придерживаться соглашения и развили энергичную агитацию. При этом мы победили в двух из округов, объявленных ЦК партии безнадежными: в Н о р д г а у з е н е и в очень значительном округе Х а г а н е, где нам помогали христианские социалисты-рабочие. И мы, конечно, победили бы в большем числе избирательных округов,—ведь мы во многих местах имели перевес,— если бы нам не ставило палки в колеса соглашение с прогрессистами. Это соглашение, по всей вероятности, стоило нам обоих вюртембергских избирательных округов — Геппинген и Балинген. В обоих этих округах при помощи энергичной агитации мы могли бы отклонить в свою пользу католических избирателей-рабочих, которые в социальном отношении нам бесконечно ближе, чем буржуазные прогрессисты. Вместо этого мы озлобили их добровольной сдачей округа Балинген Г а у с м а н у, ненавистному пролетариям-католикам своим крикливым участием в «культуркампфе», и сами на их глазах изменили своему публично исповедуемому принципу, что «религия — личное дело каждого». Расплату за это мы получили в Гмюнд-Геппингене.

Таким образом, соглашение ЦК партии с прогрессистами повсеместно потерпело п о л н е й ш е е ф и а с к о. Но обратимся к общему влиянию его на партийное соотношение сил, а именно на отношение к черно-синему блоку. Для этой цели лучше всего сравнить результаты выборов этого года с результатами готтентотских выборов 1907 г., между ними имеется прямое противоречие. Тогда либералы шли против нас в тесном союзе с реакцией; на этот раз прогрессисты были непосредственно связаны с нами соглашением, и национал-либералы тем самым косвенно были оторваны от реакции. Что же получилось? Единственное отличие, что в 1907 г. прогрессисты во всех округах, как один человек, голосовали за реакцию, между тем как на этот раз меньшинство их голосовало за нас, а большинство — за реакцию. А в конечном счете получается следующий замечательный факт: при готтентотских выборах свободомыслящие сдали реакции не менее 32 избирательных округов. Так у нас обычно утвер-

ждают и утверждают не без основания. Но тогда мы к «реакции» причисляли и национал-либералов. Так, в прекрасной брошюре, изданной в 1911 г. в «собственном издательстве ЦК партии»: «Грехи свободомыслия», материал для борьбы против прогрессивной народной партии, стр. 29, мы читаем:

«Они (свободомыслящие) при перевыборах сдали опять тридцать два округа юнкерам и их приспешникам. Не говоря уже о мандатах национал-либералов (которые, конечно, входят в этот счет)» и т. д.

Национал-либералы, которые тогда (и еще в декабре 1911 г., когда вышла брошюра), «конечно», причислялись к «приспешникам юнкеров»,—теперь, в результате внезапной перемены — не в природе национал-либералов, а в нашем политическом словаре,—причисляются уже не к реакции, а к «левым». Если их откинуть также и при выборах 1907 г. и спросить себя, сколько же округов свободомыслящие при перебаллотировках сдали тогда консерваторам, правительственной партии и антисемитам, то мы получим — это можно найти на 29 стр. брошюры ЦК партии — ровно 20 округов. По иронии судьбы числю избирательных округов, сданных прогрессистами реакции в 1907 г., в точности соответствует числу округов, сданных в 1912 г. Это поразительный факт. Таким образом, в 1907 г. при блоке с консерваторами и с антисемитами против социал-демократов, и в 1912 г. при соглашении с социал-демократами против консерваторов и антисемитов тактика перевыборов прогрессистских избирателей повела к совершенно тождественной сдаче 20 избирательных округов консерваторам и антисемитам.

Но это еще не все. Другая сторона медали — это поведение реакции в отношении к либералам. В 1907 г. помощь была, разумеется, взаимной — «рука руку мыла». На этот раз лозунг прогрессистов, обусловленный соглашением с нами, вызвал в стане реакционеров вой и скрежет зубовный. Этот факт укрепляет ЦК партии в блаженной уверенности, «что нами избран верный путь».

Если проверить слова партии фактическими данными, то мы получим следующее: консерваторы, антисемиты и сторонники правительственной партии голосовали во всех избирательных округах огромным большинством, во многих местах, как один человек, за прогрессистов и против нас. Вот примеры:

		Главные выборы	Перебаллотировки
Геппинген	Социалисты	11.933	13.027
	Прогрессисты	9.445	13.602
	Консерваторы	7.777	—

		Главные выборы	Перебаллотировки
Росток	Социалисты	14.645	15.399
	Прогрессисты	10.823	14.471
	Консерваторы	4.937	—
Веймар	Социалисты	14.250	15.756
	Прогрессисты	7.664	13.572
	Антисемиты	7.503	—

Но особенно интересно, что и в тех 16 избирательных округах, которые нам пришлось добровольно уступить прогрессистам, чтобы компенсировать их за утраченную поддержку правых, реакционные избиратели верно и смело отстаивали прогрессистов против нас. Вот примеры:

		Главные выборы	Перебаллотировки
Шаумбург	Социалисты	3.413	3.987
	Прогрессисты	2.707	5.044
	Правит. парт.	2.583	—
	Антисемиты	766	—
Лауенбург	Социалисты	3.808	3.721
	Прогрессисты	3.344	6.807
	Консерваторы	1.879	—
	Антисемиты	1.969	—
	Национ.-либералы	562	—
Кверфурт-Мерзебург	Социалисты	11.128	12.433
	Прогрессисты	10.776	16.599
	Консерваторы	8.653	—
Кальв	Социалисты	6.254	6.862
	Прогрессисты	7.626	11.280
	Консерваторы	6.165	—

Вот как проявилась на практике «бешеная злоба» черносиних против прогрессистов. Правда, на этот раз консерваторы при главных выборах не отказались от нескольких своих кандидатов в пользу свободомыслящих, но при перебаллотировках они энергично поддерживали Фишбека, Брабанда, Хекшера, Пайера, Коха и прочих героев и обеспечили им победу над нашими кандидатами. Если мы, шутки ради, постараемся подсчитать избирательные округа, которые при перевыборах 1907 г. реакционеры вырвали у нас и отдали прогрессистам, то их окажется 15 (стр. 30 брошюры ЦК партии). А сколько в 1912 г.? Одним меньше,—всего 14. Это удивительное совпадение похоже на издевательство над соглашением нашего ЦК... Если, кроме того, принять во внимание национал-либеральных контр-кандидатов, то окажется, что ровно в 24 округах Юнк и подобные ему,—хотя

они на нашем языке уже не причисляются к «юнкерам»,— единогласно или почти единогласно поддерживались юнкерами и антисемитами. Нам удалось отвоевать, вопреки поддержке со стороны реакционеров, всего 6 округов. Если подвести общий итог, то получится следующий веселый или, скорее, грустный результат.

На этот раз либералы не заключали соглашения с реакцией, но верно поддерживали друг друга.

С нами прогрессисты заключили соглашение и предали нас почти так же, как и в 1907 г.

Что из этого следует?

Следует из этого нечто в высшей степени простое. Из этого следует старая правда исторического материализма Маркса, который утверждал, что реальные классовые интересы сильнее, чем «соглашения», равно как материальное соотношение сил в обществе сильнее, чем писанные законы. Из этого следует, что перестановкой декораций и дипломатическими уловками нельзя разделить то, что едино по природе, и нельзя связать то, что несовместимо, как вода и огонь, что нельзя строить серьезную политику на разногласиях буржуазных партий. Коротко и ясно, из этого следует, что соглашение ЦК партии с прогрессистами, говоря словами Лассаля, было невыгодной попыткой с негодными средствами над негодным объектом. Остается только исследовать основную политическую идею этой попытки.

IV

Мы видим, что как средство значительного увеличения числа мандатов соглашение с прогрессистами почти ничего не дало. Там, где нам и удавалось вырвать у реакции отдельные позиции, это было всецело делом наших рук, вопреки измене большей части наших союзников. Там, где собственных наших сил нехватало, там прогрессисты головой выдавали нас реакции. И, наконец, в тех случаях, когда они нас недвусмысленно и энергично поддерживали, как в нескольких баварских округах, там это делалось не на основании соглашения с ЦК партии. Таким образом, с чисто практической точки зрения, принятая тактика оказалась пустым звуком, как это всегда случается с «практической политикой», когда она отказывается от принципиальных точек зрения. Мы убеждены в том, что без соглашения о перевыборах результаты выборов дали бы почти такую же картину. Ведь голосовавшие за нас прогрессистские избиратели по всем данным действовали не на основании дисциплины, весьма шаткой в их партии, и не из послушания лозунгу, быть может, совершенно не распространяемому центром, а из отвращения к реакционному хозяйничанию черно-синих. Без всякого соглашения они, вероятно, действовали бы совершенно так же, потому что вся ситуация исключала травлю социал-демократии и настроение красного патриотизма 1907 г. Тот же самый разношерстный состав либеральной массы избирателей, который разрушил соглашение между нашим ЦК и прогрессистами, привел бы и без соглашения к распылению прогрессистских избирателей.

Но допустим на мгновение, что без соглашения с прогрессистами мы бы получили на 15—20 мандатов меньше. Каждый из нас искренно радовался в ту минуту, когда в рейхстаг входила внушительная фаланга в 110 депутатов, когда отверженные и «затоптанные» 1907 г. оказались самой сильной фракцией. Но такое минутное удовлетворение не должно мешать нам ясно видеть реальное соотношение сил. Действительная наша победа, действительная наша сила, это—4¼ млн. избирателей, голосовавшие за нас на главных выборах, и вес в рейхстаге придает нашей партии только давление этих масс извне, совершенно независимо от увеличения или уменьшения числа членов фракции на каких-нибудь 20 человек. Если бы ЦК партии желал сразу же использовать грандиозную победу 12 января для соответственного смотра сил,—и можно было бы с полным основанием приветствовать подобный шаг нашего руководящего центра,—то для этого соответствующая тактика сама напрашивалась. Не для жадной погони за мандатами при помощи сделок с либерализмом, а для немедленного призыва к массовым выступлениям большого масштаба по всей стране за 8-часовой рабочий день, за прусское избирательное право, за введение милиционной системы,—вот единственный правильный и действительный способ, каким надо было использовать нашу победу при выборах для усиления мощи пролетариата и для укрепления нашей позиции в рейхстаге.

Основная идея тактики ЦК нашей партии, к сожалению, ориентировалась не на собственное массовое выступление пролетариата на улице, а на парламентское соотношение сил в рейхстаге, и этим априори предрешилась безнадежность всего предприятия. Что явилось руководящей точкой зрения этой тактики? Уничтожение черно-синего блока путем образования в рейхстаге «левого большинства». При всем уважении к отваге и решимости, надо признать, что цель была настолько же фантастична, как и средство. Черно-синий блок — это не определенное число депутатов рейхстага, это определенная политическая система, это господство реакции в Пруссии — Германии, краеугольным камнем которой является враждебная народу политика пошлин и налогов, ярко реакционная социальная политика и милита-

ризм в его новейшем империалистическом издании. В бесчисленных статьях нашей прессы, в бесчисленных речах в парламенте и вне его мы доказывали, что явления эти неслучайны, что они коренятся в хозяйственных отношениях, в определенном развитии немецкой буржуазии, в преобладании юнкерства, в концентрации крупного капитала в тяжелой индустрии, в ненависти и в страхе перед растущей мощью пролетариата, наконец, в определенных чертах интернационального развития капитализма. Мы сотни раз выясняли, что центр этой черно-синей политики Германии находится в Пруссии. И мы знаем, что самая непоколебимая твердыня немецкой реакции, прусский ландтаг, находится еще в руках юнкеров.

И все это должно было внезапно разлететься в пух и прах от волшебного действия хитроумной тактики при перебаллотировках. Реакция должна была в три дня «пасть» и благодаря чему?—благодаря перемене мест в рейхстаге!

Когда мы утверждаем, что черно-синяя реакция коренится в классовых соотношениях и в объективном развитии немецкого и интернационального капитализма, то мы этим отнюдь не хотим сказать, что борьба против реакции и победа над нею безнадежны. Такой фатализм всего менее в духе социал-демократической политики. Мы только хотим, исходя из точного понимания основ реакции, сделать тот правильный вывод, что ее никогда не удастся сокрушить парламентскими средствами, перетасовками при выборах и фракционными соглашениями, и что действительно победить реакцию в Германии и в Пруссии может только крупное массовое выступление рабочего класса в стране, только мощное развитие классовой борьбы со всеми ее последствиями. Мы должны отдать себе отчет в том, что длительность, размах и историческое значение этой борьбы так велики, что вместо вопроса о господстве «юнкеров и их приспешников» она может поставить вопрос о существовании буржуазного порядка; все это — обстоятельства, которые не могут лишить нас мужества и надежды, а наоборот, должны их укрепить.

Однако, для того чтобы сделать возможными такие выступления, для того чтобы создать и поддержать в массах действенное напряжение революционной энергии, необходима, прежде всего, ясность. Для этого не следует внушать народу иллюзорной уверенности, будто господствующая реакция может быть мгновенно «сокрушена» «ловкой» парламентской тактикой, и ни в коем случае не создавать иллюзии, будто в этой великой исторической задаче народная масса может рассчитывать на парламентское содействие буржуазного либерализма.

Создание «левого большинства» — вот оборотная сторона фантастических надежд на сокрушение реакции. Прогрессисты должны были вдруг всерьез сообща с нами вогнать осиновый кол в могилу черно-синего блока. Но разве, слыша эти крикливые арии из уст нашей и либеральной прессы, массы избирателей не должны были с изумлением спросить: неужели это верно? не вчера ли нам доказывали на предвыборных собраниях и в листовках, что черно-синий блок есть лишь следствие блока Бюлова, что в вопросе финансовой реформы прогрессисты отличались от черно-синих лишь фиговым листком, что в вопросе государственного страхования большинство их склонялось к черно-синим, что они принимают участие во всех преступных безумствах военной, морской и колониальной политики? И эти люди внезапно, на протяжении одной недели, из постыдных прислужников реакции должны сделаться ее сокрушителями? Эти вопросы должны были задавать себе избиратели, и принятая нами тактика неизбежно должна была повести к величайшему разброду.

Но в расчете на «левое большинство» была допущена еще более опасная ошибка. Расчет этот основывался не только на одних прогрессистах, но и на национал-либералах, потому что даже незначительное численное преобладание могло получиться только при включении всех до одного национал-либералов. И здесь фантастичность расчета переходит в нелепость. Как могло притти в голову причислить к «сокрушителям» реакции колеблющиеся фигуры национал-либералов, этой партии, которая пестрит предателями, самыми ярыми реакционерами и злейшими открытыми врагами рабочего класса? Вот что навсегда останется сладкой тайной парламентского самообольщения. Ясно, что в этом случае на нас подействовало политическое кумовство со свободомыслящими, потому что это их специальность постоянно надеяться на национал-либерализм, постоянно испытывать разочарования и все же надеяться вновь и так переходить без конца от жалоб к поощрительным похлопываниям, между тем как национал-либеральный герой упорно и непоколебимо при каждом испытании его героизма отмалчивается и делает свое дело. Блок Бюлова был построен на политическом сотрудничестве либералов и консерваторов. Но если эта комбинация заслужила название союза карпа с кроликом, то в еще гораздо большей степени на союзе карпа с кроликом была основана комбинация «левого большинства», потому что от либералов нас отделяет нечто более основное, чем то различие, которое существует между либералами и консерваторами.

Конечно, это не задача классовой партии пролетариата — искусственно сплавлять различные слои и партии буржуазного общества и способствовать их слиянию в одну реакционную массу. Но еще менее может быть задачей социал-демокра-

тии — маскировать уже совершившееся слияние буржуазии в реакционную массу, обусловленное объективным развитием, подкрепленное тысячью фактов. И отнюдь не может быть задачей социал-демократии — надеяться вновь уничтожить это единение мелкими мерами парламентаризма, ласковым словечком здесь, легким толчком там, и превращать второстепенные расхождения между буржуазными партиями в принципиальные противоречия.

Политика, построенная на таком фундаменте, должна была оказаться карточным домиком, который рассыпается от первого порыва ветра. И такой она и оказалась. В настоящее время в рейхстаге мы переживаем крушение — но не черно-синего блока, а «левого большинства». Оно идет к жалкому и шутовскому концу. Если бы тактика опиралась только на прогрессистов, она потерпела бы крушение при первом военном законопроекте. Но так как она опиралась также и на национал-либералов, то для этого не понадобилось даже важного политического события или серьезного предлога. Чисто внешней мишуры китайских церемоний монархизма оказалось достаточно для того, чтобы обратить в прах «левое большинство». Рейхстаг с момента открытия и до столкновения между нами и национал-либералами по поводу кулуарных разговоров и соглашений производил самое жалкое впечатление. Величие нашей победы при выборах очень мало давало себя знать в рейхстаге, и этого не могут прикрыть даже такие яркие преувеличения, как, например, заверения нашего центрального органа, будто буржуазные партии услышали звуки отходной буржуазному порядку, когда тов. Шейдеман[1] мастерски размахивал председательским звонком. За великим историческим мгновением, за сигналом классовой борьбы 12 января последовал хаотический и неудачный эксперимент с «левой», закончившийся жалкой потасовкой тех самых национал-либеральных героев, на которых опиралась наша тактика на следующий день после победы на выборах. Политика «левого большинства» отцвела, не расцветши. Самая ее идея непростительна для серьезных вождей величайшей политической партии мира. Нас, социал-демократов, не могут уничтожить ни злоба и придирки врагов, ни даже собственная глупость. Несмотря на временное замешательство, мы в рейхстаге и во всей стране так же сильны, так же победоносны, как и прежде. Над собственными нашими

[1] Шейдеман был в течение четырех недель вице-президентом рейхстага. Впоследствии имперский министр был свергнут, потому что красный на посту вице-президента являлся нарушением традиций Высокого дома. Вспомнили, кроме того, что Шейдеман 10 декабря 1909 г. сказал: «Я достаточно знаком с прусской историей, чтобы знать, что клятвопреступление относится, так сказать, к возвышеннейшим традициям правящего в Пруссии дома».

сомнениями торжествует великая правда наших принципов и великий подвиг пролетарских масс 12 января, с его неувядаемым блеском, несмотря на мелкие дела наших вождей. Заметьте, мы порицаем наш ЦК партии не за то, что во всей своей тактике с либералами он оказался недостаточно хитрым. Мы лишь сожалеем о том, что он вообще хотел хитрить. Потому что, как говорил Лассаль в Зикингене[1]: «Многие поплатились головой за хитрость в великих делах». Немножко меньше азарта в парламентарских закулисных комбинациях, поменьше порывистой веры в «новую эру» при самом ничтожном дуновении, подымающем отбросы немного выше повседневной политики вправо или влево, а взамен того побольше выдержки и широких перспектив в политике, побольше дальновидности, побольше учета великих решающих факторов классовой борьбы, — вот что нам насущно нужно в переживаемую нами великую эпоху.

ЗАЩИТА ИЛИ НАПАДЕНИЕ? [2]

I

В эпоху таких крупных явлений, как международная забастовка горняков[3], несколько трудно углубляться в обсуждение вопроса, мало соответствующего величию переживаемого момента. Однако, как раз ввиду растущих требований, предъявляемых с каждым днем ходом развития к пониманию и к идейным горизонтам партии, тактические разногласия в наших рядах должны быть тоже вскрыты и разъяснены. Так, следует, по крайней мере в основных чертах, подвергнуть обсуждению защиту нашего соглашения о перебаллотировках с прогрессистами, опубликованную в Vorwärts от 5, 6 и 7 марта в серии статей[4].

Защита базируется, главным образом, на той общей ситуации, из которой выросло соглашение. ЦК — в чем мы и не сомневались — не просто делал аферы с мандатами, а преследовал определенные политические цели общего значения, действовал, исходя из определенного понимания политического соотношения сил в Германии, и на этом понимании держится и с ним вместе рушится само соглашение о перебаллотировках. Посмотрим, как официальный защитник ЦК рисует общие его соображения:

«Какие возможности открывало нам это соглашение? Нас привлекала надежда обратить черно-синий блок в меньшинство, создать решительное либеральное большинство даже и помимо правого крыла национал-либера-

[1] Франц ф. Зикинген. Историческая драма Фердинанда Лассаля.
[2] Leipziger Volkszeitung от 15 и 16 марта 1912 г.
[3] Англия и Рурская область.
[4] Автор — Каутский.

лов и сделать невозможным создание правительства против левых. Но в пределах этой левой мы должны были иметь преобладающее влияние, мы должны были стать самой сильной партией, могли получить 120 и больше мандатов; либерализм без нас был бессилен, прогрессисты же, благодаря соглашению с нами о перебаллотировках, были с черно-синим блоком в самых враждебных отношениях, и им не оставалось ничего иного, как вести сообща с нами энергичную борьбу в рейхстаге против правых и против всяких юнкерских объединений. Всякая попытка вернуться обратно к буржуазной коалиционной политике должна была лишить их сразу лучших элементов и сделать невозможным самое существование партии.

Вот как рисовалась нам ситуация, если бы состоялось соглашение с прогрессистами о перебаллотировках».

Здесь ключ к пониманию тактики ЦК партии, и потому партия должна сосредоточить все свое внимание на этом толковании. Согласно ему, ЦК сразу же после главных выборов высказывал следующие политические соображения:

1. В Германии создается буржуазная левая, из которой исключены правые элементы национал-либерализма, следовательно, левая определенно либеральной окраски.

2. Буржуазная левая вступает в смертельную борьбу с реакцией.

3. Эта буржуазная радикальная левая в германском рейхстаге образует с нами вместе решительное большинство.

4. Внутри этого решительного левого большинства рейхстага мы, социал-демократы, со своей стороны, составляем решительное, задающее тон, большинство, и, как Аполлон, стоя, направляем колесницу германской политики навстречу «розоперстой Авроре», между тем как Копш и Вимер влекут колесницу, как фыркающие кони, а Бассерман и Шенайх-Каролат витают вокруг, наподобие прекрасных муз. Вот, по словам защитника, соглашения о перевыборах, перспективы, которые открывались духовному взору ЦК.

Эта картина полна захватывающей красоты, и немудрено, что она могла соблазнить самые закаленные души. Но вопрос весь в том, какая Цирцея так околдовала ЦК партии, вместе с его заступниками, что они могли среди бела дня видеть такие необычайные призраки? Вимер и Копш — «смертельные враги» реакции! Фишбек и Мюллер-Мейнинген, половина фракции национал-либералов, плечо к плечу с нами в борьбе против реакции! И все это после голодного протекционного тарифа, после готтентотских выборов, после блока Бюлова, после дополнительных выборов в Гиссен-Нидда, после закона о государственном страховании! Вдруг оказались забытыми милитаризм, монархия, колониальная политика, косвенные налоги, социальная политика, империализм—вся имперская политика Германии с ее священнейшими традициями поставлена вверх ногами, потому что внезапно между либерализмом и реакцией открылась пропасть, «всякий юнкерский режим» стал невозможен, и социал-демократия составляет большинство среди большинства рейхстага, господствует над господствующей политикой!

И что это за волшебная палочка, по мановению которой в германской политике за 24 часа совершилось это полное перерождение? Тайное соглашение с горстью прогрессистских вождей, избирательный трюк, парламентская махинация. Надо признаться, что товарищ Кольб в Бадене никогда не заходил так далеко ни в смысле творческого замысла политики крупного блока, ни в смысле детской веры в магическое действие парламентских кунстштюков.

Даже самая фантастическая политическая комбинация должна иметь точку опоры в действительности, в фактах реальной жизни. Фактическое основание, на которое опиралась вышеупомянутая спекуляция ЦК партии, даже по объяснению официальных защитников в Vorwärts, было скудновато: это было предложенное нам прогрессистами соглашение о перебаллотировках. До того, до дня главных выборов, не было ни малейшего основания надеяться на «новый либерализм», на «решительную либеральную левую», на сокрушение черно-синего блока. Сам защитник дословно говорит:

«До 12 января большинство из нас, во всяком случае, все теперешние критики соглашения—да не будет это сочтено упреком—все мы придерживались того же мнения,—ожидало, что значительное увеличение числа наших голосов и наших мандатов сплотит все буржуазные элементы в одну фалангу против нас. Это соответствовало ходу экономического развития, которое наглядно обостряет противоречие между буржуазным и пролетарским миром. И это соответствовало также опыту прежних перебаллотировок».

Итак, отметим: до самого 12 января «мы», т. е. защитники ЦК партии, тоже верили в единую реакционную массу, и это соответствовало «ходу экономического развития» и «опыту прежних перебаллотировок». Следовательно, до 12 января не было нигде и следа «нового либерализма». Только после 12 января произошло нечто «поразительное».

«Как велико было наше изумление, когда прогрессисты, на сей раз вопреки всем нашим ожиданиям, не пришли в ужас от нашей блестящей победы на выборах, не присоединились к кличу объединения всех буржуазных элементов для борьбы против красного потопа, но предложили нам соглашение»!

На тот факт, что прогрессисты без всякого повода с нашей стороны предложили нам соглашение, защитник ссылается еще несколько раз, так как это и есть центр тяжести всей ситуации. Один этот факт сам по себе изменил сразу всю ситуацию, вскрыл зарождение «нового либерализма» в груди прогрессистов и обнаружил в них героев.

«Соглашение о перебаллотировках нельзя объяснить одним только мандатным голодом прогрессивной народной партии, наоборот, это соглашение ставило под сомнение те мандаты, для получения которых нужна

была помощь консерваторов. Оно объяснимо только при допущении, что сердцу прогрессистов борьба против черно синего блока была дороже, чем завоевание мандатов».

Защитник ЦК партии намеренно закрывает глаза на тот факт, что прогрессисты считали свои мандаты в достаточной мере застрахованными от какой-либо опасности со стороны реакции, рассчитывая на сохранение в тайне соглашения с нами, на замаскированность лозунгов и на здоровые реакционные инстинкты массы собственных избирателей. Далее, соглашение лучше могло насытить их «мандатный голод», чем наш иенский лозунг перебаллотировок, так как мы им добровольно отдавали 16 избирательных округов. Однако, нельзя помочь тому, кто не хочет видеть фактов, и мы остаемся перед «удивительным» фактом предложения прогрессистов [1].

Итак, после 12 января случился «удивительный» факт. В один прекрасный день в помещении партии на Линденштрассе появился, скажем, г. Фишбек и сказал: «Милостивые государи, не хотите ли обделать дельце? Мы «конфиденциально» будем вас поддерживать против консерваторов. Вы же за это поддержите нас открыто против консерваторов и, сверх того, освободите нам добровольно 16 ваших избирательных округов». И так как г. Фишбек появился с таким предложением, то ЦК партии «изумился», посмотрел на своего изумленного защитника, и оба сразу же сообразили: Ага, вот он «новый либерализм»! И так как он, скажем, г. Фишбек, явился, то внезапно «ход экономического развития» потерял значение, которое он имел до 12 января, и «опыт прежних перевыборов» обратился в ничто. Тайное предложение тайной мандатной сделки каким-то Фишбеком, где-то в уголке, внезапно открыло новые перспективы политического развития Германии, «решительное левое большинство», наше преобладание среди этого большинства, разрушение «всякого юнкерского режима» и тому подобные прекрасные перспективы. Приходится опять признавать, что фантазии тт. Франка и Кольба о большом блоке, которые, как известно, основывались два года тому назад на речи баденского министра Бодмана и на его официальных похвалах социал-демократии, опирались на довольно прочный базис, если их сопоставить с «изумительным» фундаментом тактики ЦК нашей партии.

Эта тактика подобна пирамиде, но пирамиде, поставленной вверх ногами; она опирается вершиной на крошечный

---

[1] Защитник ЦК партии особенно подчеркивает то обстоятельство, что прогрессисты сделали первый шаг. Поэтому несколько странно, что Vorwärts ничего не ответил в опровержение двукратного дерзкого заявления Berliner Tageblatt, в котором утверждение Vorwärts называлось ложью и указывалось, что, наоборот, наш ЦК партии гонялся за прогрессистами.

кусочек земли и простирает в воздухе свое широкое основание. Но обычно такое положение кончается падением. Соглашение о перебаллотировках, которое должно было повести к перевороту всей германской политики, потерпело фиаско. Великолепные перспективы остались в царстве мечты. Это признает защитник ЦК партии в следующих сухих выражениях:

«Соглашение о перебаллотировках открывало только возможность, но не давало уверенности в том, что это совершится. И эта возможность не осуществилась».

Итак, «новый либерализм» опочил. Рожденный после 12 января, он не дожил до начала марта. Что касается будущего, то защитник под конец сам допускает, что оно никогда не принесет повторения «изумительной» ситуации. Так что вся эта грандиозная политическая комбинация, на которой было основано соглашение о перебаллотировках, оказалась, по собственному признанию официального защитника, карточным домиком, поденкой, миражем. И такой неуловимой комбинацией, которая не могла преодолеть фактический ход событий в течение двух месяцев, мечтали «сокрушить» историческое явление такого масштаба и значения, как немецкая реакция. И за такими мыльными пузырями, лопающимися от малейшего дуновения, гонятся, по свидетельству центрального органа, политики, которые призваны быть вождями 4-миллионной партии в серьезной исторической ситуации. Поистине, редко защитник становился таким суровым обвинителем в деле, которое он взялся защищать.

II

Защита одинаково оригинальна как в обосновании соглашения о перебаллотировках общей ситуацией, так и в анализе содержания этого соглашения. Защитник из Vorwärts'а перечисляет три пункта, которые подверглись критике: 1. освобождение прогрессивных кандидатов от формального обязательства соблюдать постановления Иенского партийного съезда; 2. замаскированный лозунг прогрессистов в нашу пользу; 3. «смягчение» избирательной борьбы в 16 округах. Первые два пункта защитник считает несущественными, а третий, самый важный, вызывавший больше всего нападок, он сам отказывается защищать. Правда, он делает это после упорных попыток выгородить и здесь ЦК партии. С этой целью он заменяет конкретное «смягчение», о котором говорится в соглашении ЦК партии, произвольно придуманным и совершенно иначе понимаемым «смягчением». Это смягчение должно было якобы состоять в том, что мы обязывались

не переманивать путем агитации консервативных избирателей на нашу сторону против прогрессистов:

«Если в этом смысле понимать «смягчение» агитации, то оно всецело утрачивает значение запрета пропагандировать среди масс в пользу наших целей»,

потому что — по мнению защитника ЦК — при перебаллотировках мы и без того не занимаемся пропагандой, а рассчитываем только на буржуазные и консервативные голоса. Мы считаем, что такое истолкование нашей обычной агитации перед перебаллотировками является совершенно незаслуженной обидой для наших агитаторов на местах. Насколько мы знаем, никогда агитации перед перебаллотировками социал-демократия не придавала и не придает смысла ловли голосов реакционных избирателей. Единственное различие между главными выборами и перебаллотировками состоит, естественно, в том, что при главных выборах подвергают критике все противные партии, а при перебаллотировках сосредоточивают критику на единственном оставшемся противнике. Но отсюда никоим образом не следует, что агитация уже не имеет целью разъяснение массам наших целей или же, что мы должны приспособиться ко вкусам консервативных избирателей, поскольку их голос является решающим. Может, конечно, случиться, что наши товарищи при перебаллотировках в пылу борьбы позабудут говорить с нужным рвением о социализме, о конечных целях социалдемократии, что они сосредоточат все внимание на отрицательных сторонах современной политики и парламентской деятельности своих противников. Но предположить, чтобы когда-либо заигрывали с консервативными избирателями, для привлечения их на свою сторону,—это было бы несправедливо даже по отношению к тем избирательным округам, которые при предвыборной агитации всего менее заботятся о социалистической пропаганде. Кроме того, нужно поразительное непонимание практики и опыта предвыборной агитации, чтобы допустить, будто наши агитаторы в состоянии, борясь с либералами, привлечь путем агитации консерваторов на свою сторону. Ведь всякий удар, наносимый этой агитацией прогрессистам, сам собою падает с удесятеренной силой на консерваторов, и невозможно вскрыть какой-либо политический грех либерализма, не клеймя вместе с тем и консерваторов.

Но, прежде всего, решающее значение имеет не то «смягчение», которое для успокоения совести можно себе рисовать по собственному вкусу, а то, о котором черным по белому договорились в действительности с прогрессистами и которое было рекомендовано ЦК партии нашим товарищам. И когда, наконец, защитник ЦК партии, в заключение своей серии статей, принужден упомянуть фатальный параграф о

«смягчении», с действительным его содержанием,—он его без оговорок осуждает:

«Если соглашение о смягчении предусматривало между прочим и обязательство не предлагать избирателям списков и в день выборов не приводить избирателей к урнам, то этим оно переходило за границы уместного и даже достижимого при данной ситуации. Потому что в лихорадочные дни выборов, перед самым решением запрещать партийным товарищам всякое действие, не только агитационного, но и организационного характера, значит — требовать от них невозможного».

В этих словах мы имеем настолько резкое осуждение, что ничего не можем к ним добавить.

Правда, защитник старается оправдать ЦК партии в этой «невозможной» ситуации указанием на то, что невозможное требование оказалось недействительным именно в силу самой своей невозможности. Ни в одном из 16 избирательных округов, кроме Дитмаршена, товарищи не придерживались предписаний ЦК партии, и потому повсюду вместо уменьшения числа голосов получилось значительное увеличение. Но здесь официальная защита переходит в самое тяжелое публичное обвинение против ЦК партии. Плохо дело генералов, если спасение чести армии покупается ценою непослушания солдат. В большой массовой партии, как наша, где фундаментом всей жизни и организации и условием всякого решительного выступления является добровольное подчинение воле большинства и свободно избранным исполнительным органам, в такой партии строгое поддержание дисциплины есть безусловная обязанность и дело чести каждого. А теперь подумайте: ЦК партии дает совершенно определенные, строгие директивы товарищам 16 избирательных округов о том, как они должны действовать при перевыборах; в своем циркуляре от 17 января он добавляет:

«Мы убеждены в том, что соглашение это соответствует интересам партии и общеполитическим интересам, и потому просим немедленно информировать о нем заинтересованные округа и способствовать решительному и безусловному проведению этого соглашения».

И в 15 из 16 избирательных округов это настоятельное требование высших органов, вопреки всякой дисциплине, игнорируется товарищами с первого же дня перебаллотировок! Но вот является официальный защитник тактики ЦК и приводит это нарушение дисциплины в качестве единственного смягчающего вину обстоятельства. Не есть ли это опасная проповедь нарушения дисциплины, не есть ли это перенесение обычаев наших «компанионов», прогрессистов, в нашу партийную жизнь? И как перед лицом этих явлений должна себя чувствовать партия по отношению к баденским и баварским товарищам, против

которых в вопросе утверждения бюджета она боролась путем апелляции к священному долгу дисциплины, как бы требования ее ни противоречили личным убеждениям? Достаточно задать себе этот вопрос, чтобы понять, как подобная тактика нарушает своими последствиями жизненные интересы партии.

Но защитник ЦК партии идет в своем осуждении еще дальше. На ряду со «смягчением» в 16 избирательных округах мы резче всего критиковали секретный характер соглашения. И в этом пункте анонимный автор статьи Vorwärts, безусловно, сдает позиции.

«Точно так же неуместна была тайна, которой некоторое время было окружено соглашение. Конечно, при подобных ситуациях нельзя обойтись без конфиденциальных переговоров, и не полагается без согласия заинтересованных лиц разглашать на весь мир ход переговоров.

Но результаты таких соглашений, поскольку ими обусловлены действия нашей партии, должны ей быть известны. Наша партия не может и не должна принимать на себя обязательств, которых она не может сама обсудить. Если прогрессисты имели достаточное основание желать, чтобы все это соглашение оставалось в тайне, то его вообще не следовало заключать. Как ни полезно в наших глазах это соглашение, его не следовало покупать ценою коренного изменения наших демократических принципов».

Но довольно! Предоставляем защитнику ЦК установить, много ли осталось от соглашения о перебаллотировках после его защиты. Но позволим себе еще один скромный вопрос: разве для того, чтобы восстать против подобной тактики, действительно надо быть «антипарламентарием», анархо-синдикалистом, анархистом? Защитник ЦК делает попытку, легко наигрывая на струнах антипарламентаризма и жонглируя словами из жаргона синдикалистов, отбросить нас на позиции «антипарламентаризма». Оценка соглашения ЦК,—говорит он,—зависит в высокой степени

«от значения, приписываемого положению и деятельности нашей партии в рейхстаге и в парламентах вообще для классовой борьбы пролетариата и для его возрождения и организации как классовой партии. Тот, кто не придает этому большой цены, конечно, должен будет отрицательно отнестись к соглашению о перебаллотировках. Но выдвигаемым против соглашения аргументом непосредственного выступления масс можно было бы доказывать ненужность всякого участия в перебаллотировках и в конце концов ненужность участия даже в самых выборах».

Итак, ввиду того, что мы не в восторге от тактики ЦК при перебаллотировках, которую автор из Worwärtsa защищал так удачно, как медведь в басне, то из этого делается вывод, будто мы «не придаем большой цены» деятельности рейхстага вообще и считаем «ненужным» участие в самых выборах. Такие полемические выпады выдают бессилие. В действительности же ясно, что ничто не может в такой

мере скомпрометировать в глазах масс парламентскую борьбу социал-демократии и подготовить почву для вульгарных антипарламентских предрассудков в духе французского синдикализма, как именно парламентские иллюзии и закулисные махинации вроде нашей недавней тактики при перебаллотировках.

В заключение еще один пример. Защитник в Worwärts'е, в своих отчаянных поисках выгодных сторон соглашения о перебаллотировках, находит, по крайней мере, одну положительную черту. Сознавшись в том, что блестящие надежды ЦК на «решительное левое большинство» не оправдались, он говорит:

«Но соглашением о перебаллотировках мы не только получили мандаты, которых, правда, оказалось меньше, чем можно было ожидать, но и помешали созданию правительственного большинства. Если мы и не добились того полного преобладания, на которое мы надеялись, то нам, во всяком случае, удалось обречь на бессилие реакцию и правительство».

Это напечатано в центральном органе немецкой социал-демократии 6 марта 1912 г. Реакция и правительство в Германии «обречены на бессилие»! Когда два года тому назад тт. Кольб и Франк рассказывали нам подобные же чудеса про великое герцогство Баденское, чтобы оправдать свое поведение при голосовании бюджета, то они, по крайней мере, ссылались на «особые южно-германские условия» своего образцового маленького отечества и на тот несомненный факт, что наихудшие факторы и проявления германской реакции: милитаризм, колониальная политика, внешняя политика, таможенная политика и косвенные налоги — исключены из сферы деятельности баденского ландтага. Но теперь нам говорят, что удалось «обречь на бессилие реакцию и правительство» во всей Германской империи. Итак, надо ожидать, ближайший военный и морской проект «бессильно» провалится? Колониальный бюджет будет отклонен, «бессильные» господа Вермут и Бетман-Гольвег спрячут обратно в портфель свои налоговые подарки, Кидерлен вместе со своими безответственными доверителями выронит из «бессильных» рук вожжи внешней политики Германской империи, после чего в бессилие впадет и сам империализм. Мы не знаем, что в сущности думают в кругах нашего ЦК партии и центрального органа по поводу подобных заявлений. Во всяком случае мы готовы воскликнуть: «Да хранит судьба партийные круги и массы от веры в такие опасные и смущающие иллюзии!». Самую печальную сторону всего случившегося мы видим именно в этих фантастических представлениях, лежавших в основе соглашения ЦК партии, от которых и теперь еще, после понесенного поражения, не отказываются. Отдельной тактической ошибки, своевременно об::а

руженной, можно избежать в будущем, но такие общие политические иллюзии относительно волшебного влияния парламентских перетасовок, такое полное извращение перспективы политического развития оказывают длительный вред. Благодаря им иссякают подлинные источники нашей силы: ясное сознание, критическое понимание условий нашей борьбы и нашей победы.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ? [1]

1. НОВАЯ СИТУАЦИЯ

В течение последних двух лет для социал-демократии самым жизненным вопросом были выборы в рейхстаг. Наконец, это великое событие совершилось, и мы можем обозреть общую ситуацию. Создали ли выборы в рейхстаг совершенно новое положение, открывающее новые политические перспективы и, быть может, требующее изменения прежней тактики нашей партии? Читая газеты либералов, можно этому почти поверить. Свободомыслящая печать ликует и торжествует победу: черно-синий блок разбит, в рейхстаге создано оппозиционное большинство левых против юнкерско-клерикальной реакции, и все это — результат решительного выступления либеральной буржуазии против правых! Взаимная помощь либералов и социал-демократии при перевыборах повела, как утверждают, к этой решительной перемене в политической ситуации. И вот в Германии водворяется новая эра либерализма, поскольку братский союз между рабочей партией и буржуазией примет в рейхстаге постоянный характер. Все эти мелодии должны быть очень приятны для слуха горсти странных мечтателей в наших же рядах, которые уже с давних пор надеялись на решительный поворот в германской политике в результате «блока от Бассермана до Бебеля» и предсказывали радостное «восстание из гроба» либерализма, считавшегося всеми мертвым. К сожалению, и на этот раз с шумом им самим провозглашенное воскресение буржуазного либерализма оказалось всего-навсего большим блефом. Та радостная вера, с какой встретили его рекламную шумиху некоторые социал-демократы, могла родиться только в опьянении победой.

«Цифры и факты, факты и цифры!» как говорил мистер Боундерби в диккенсовских «Тяжелых временах». Как выглядит легенда о мужественной добродетели либерализма в свете цифр и фактов? При главных выборах левое его крыло получило нуль, правое — четыре мандата. Таким образом,

[1] Gleichheit от 5 февраля 1912 г.

мы вернулись к тому нормальному положению, которое создалось в 1903 г., и первый неоспоримый факт заключается в том, что либерализм больше не существует как самостоятельная политическая партия. Гордый борец, рука об руку с которым социал-демократия должна была вызвать на бой своих врагов, может сам существовать только милостью социал-демократии или реакции.

За этим последовали перевыборы, и тут-то начались геройские подвиги либерализма. Только в Баварии и в имперских областях либеральные избиратели в первые два дня перевыборов следовали в общем лозунгу: фронт против правых. Но какой позиции они держались в других местах? В первый день перебаллотировок народная партия сдала реакции 16 избирательных округов, национал-либералы сделали то же самое в двух округах. На второй день перебаллотировок народная партия отдала два избирательных округа начисто в руки антисемитов, почти во всех остальных округах, кроме Кельна и Хейльброна, либеральные избиратели разделились так, что незначительное число голосовало за социал-демократов, а большинство перешло на сторону реакции, нанося социал-демократии удар в спину. Если мы, тем не менее, и во второй день перебаллотировок получили так много мандатов, то в конечном счете это объясняется тем, что у нас были резервы, и что уже при главных выборах мы имели такой перевес, что нас не смогли одолеть либеральные предатели. И совершенно то же самое, даже хуже того, произошло в третий день перебаллотировок: во всех избирательных округах, где мы одержали победу, большая часть прогрессистов и национал-либералов перебежала на сторону реакции. Так, например, в Потсдам-Осхавеланде из 11 тыс. голосов прогрессистов 1.200 было подано за социал-демократов и целых 6.200 за правительственную партию! Наша победа и в этот день была бы невозможна без значительного перевеса наших избирателей при первых выборах. Только в очень немногих избирательных округах полученные нами голоса либералов уравновешивали голоса, поддерживавшие против нас реакцию.

Таким образом, отличие результатов обоих последних дней перевыборов от результатов первого дня обусловлено отнюдь не тем, что либералы после некоторых колебаний решительно вступили на путь добродетели. Оно обусловлено гораздо более простым обстоятельством: мудрая стратегия правительства сперва послала в огонь те избирательные округа, в которых социал-демократия находилась в невыгодном положении, между тем как в последние два дня перевыборов социал-демократия с самого начала имела все шансы наиболее сильной партии. Поэтому легенду о великой, спасительной помощи социал-демократам со стороны либералов

при перебаллотировках могут распространять только прогрессисты, которые имеют полное основание пускать пыль в глаза себе и всему свету. Наши многочисленные мандаты достались нам не благодаря помощи либералов, а несмотря на предательство масс либеральных избирателей. Собственными силами победили мы и там, где нам противостояли прогрессисты и национал-либералы, и собственными силами в конечном счете победили мы в общем и там, где нам противостояла реакция. 4¼ млн. собственных избирателей; социал-демократические массы в их первом мощном усилии победоносно пронесли наши знамена до последних перебаллотировок, несмотря на сопротивление реакции и измену либералов.

Быть может, правильно понятые интересы либералов требуют, чтобы факты эти были затушеваны; напротив, социал-демократия, поддерживая эту творимую легенду либералов, оказалась бы повинна в величайшей ошибке политического борца—недооценивании собственной силы. Социал-демократия одержала свою великую победу собственными силами, противоставляя себя всем буржуазным партиям, проведя свою борьбу более самостоятельно, чем когда бы то ни было раньше и черпая свою мощь из элементарных сил пролетарской классовой борьбы. Было бы несправедливостью по отношению к воодушевленным массам пролетариата, миллионами стекавшегося к нам, если бы мы стали умалять эту их победу ложным истолкованием в духе либералов. Правда, мы сами в известный момент стерли четкие линии главной борьбы и помогли создать легенду о помощи либерального оружия и о геройских подвигах либералов. Объяснялось это, во-первых, слишком усердным заискиванием со стороны наших центральных органов перед либералами, во-вторых, лозунгом всей кампании перебаллотировок: «против черно-синего блока», который, в один голос с либералами, чересчур выпячивался нашими руководящими органами. Однако, при ближайшем объективном рассмотрении событий оказывается, что мы от начала до конца боролись и побеждали собственными силами, и что в общем помощь либералов была лишь иллюзорной. В конце концов добродетель либералов выразилась в том, что нашлось несколько либералов, не голосовавших против нас за реакционного кандидата. Правда, что в некоторых избирательных округах нам бы не удалось одержать победу, если бы либералы поголовно перешли на сторону реакции. Но разве это такая заслуга, которую можно воспевать и считать основой надежного союза, если учесть силы обеих партий? Разрозненные, недисциплинированные полчища либеральных избирателей, которые в большинстве готовы в любой момент отдаться реакции,—не такая армия, с которой можно разбить реакцию. «Из теста меча не выкуешь» — поет Зигфрид. Либералы — включая и прогрессистов, несмотря на официальные избирательные лозунги своей партии, оказывают реакции всевозможные услуги, за что пользуются со стороны реакции сильной поддержкой. И этот факт остается фактом, как бы ни фантазировали барды последнего героического эпоса либерализма. В дюжине избирательных округов консерваторы и антисемиты помогли одержать над нами победу прогрессистам, в других местах — национал-либералам. Еще в других избирательных округах мощь социал-демократии сокрушила их услуги реакции.

Таким образом, эти выборы вновь блестяще подтвердили убожество буржуазного либерализма и его связь с реакцией. Почти единственным реальным результатом славного союза либералов с социал-демократией остается тот поистине несомненный факт, что социал-демократические массы избирателей спасли из пучины и сохранили для рейхстага несколько дюжин депутатов этой либеральной породы.

Было бы чудом, если бы все это было не так. Парламентские шахматные ходы и стратегия выборов не в силах изменить исторические факты, изгнать классовые интересы, примирить классовые противоречия. Нельзя парламентскими фокусами устранить крупно-капиталлистическое развитие Германии, совершающееся за последние годы с головокружительной быстротой, нельзя изгнать империалистический век мировой политики, приход которого возвещают трубами и литаврами. Железная логика фактов ведет ко все углубляющемуся расщеплению буржуазного общества, и их железная пята беспощадно сокрушает последние остатки того, что называется буржуазным либерализмом и буржуазным прогрессом. Воскрешение буржуазного либерализма в Германии для совместного выступления с социал-демократами против реакции — как раз теперь в момент расцвета империализма — может быть только обманчивым сном, пустым звуком. Выдавать эту оловянную бляшку за чистую монету могут только люди, заинтересованные в затемнении классового сознания пролетариата.

Так пусть же свободомыслящие органы из породы Berliner Tageblatt или политики вроде Гаусмана радостно кувыркаются и на развалинах черно-синего блока торжественно водружают знамя объединенной левой—той «левой», большинство которой охватывает ту самую национал-либеральную партию, которую только вчера в момент просветления Berliner Tageblatt назвала «милым, но падшим созданием». Социал-демократия не может возлагать свои надежды и опираться в борьбе на «милые, но падшие создания» буржуазного либерализма. Она должна трезво сказать себе: черно-синие партии разбиты, но черно-синяя политика продолжает господствовать. Ближайший

военный законопроект покажет, что в новом рейхстаге социал-демократия так же одиноко противостоит реакции, как и прежде. Но тот, кто стоит за милитаризм и за империализм, тот должен также стоять и за косвенные налоги и пошлины; одно с другим неразрывно связано. Среди большинства буржуазных партий, сплоченного и единодушного в вопросах милитаризма и колониальной политики, налогов и пошлин, могут, в лучшем случае, возникать домашние споры по поводу большего или меньшего налога на наследство, предназначенного быть фиговым листком, прикрывающим ограбление рабочего класса. Вопросы милитаризма и империализма составляют в настоящее время центральную ось политической жизни, о н и дают ключ к пониманию политического положения, а не вопрос об ответственности министров или другие чисто парламентские требования. И под этим углом зрения, в результате большой избирательной борьбы, мы приходим к убеждению, что политическая ситуация не изменилась, а лишь созрела. На наших глазах совершается не упадок империализма, а мощный его расцвет, и вместе с тем — все усиливающееся обострение классовых противоречий. И соответственно этому, как симптом положения, в новом рейхстаге мы обнаруживаем не противоречие «правой» и «левой», но, как и прежде, старое противоречие между всеми буржуазными партиями и социал-демократией. Первая насущная задача нашей партии состоит в том, чтобы возможно резче довести это до сознания народных масс, вопреки всем измышлениям либеральных фальсификаторов.

Но последние выборы, во всяком случае, существенно изменили фактическое положение и в этом смысле создали новую ситуацию. Беспримерно выросло могущество социал-демократии вследствие резкого классового развития и как результат ее руководящей роли в революционной пролетарской классовой борьбе. Такой рост могущества налагает на нашу партию обязательства. Мы бы доказали, что победа нами не заслужена, если бы не использовали мощное усиление наших сторонников для расширения завоеваний сознательного пролетариата и для дальнейшего развития дела социализма.

2. НАШИ ЗАДАЧИ

По окончании избирательной кампании первая забота либеральных политиков заключается в том, кто будет президентом рейхстага. Но для такой партии, как социал-демократия, сила которой не в парламенте, не в парламентских комбинациях, а в $4^1/_4$ млн. приверженцев вне парламента, президентский пост буржуазного парламента, где буржуазия имеет 75% большинства, к которому состоим в самом резком противоречии по всем жизненным вопросам,— не имеет

решительно никакого значения. Если даже этот пост может поставить нас в противоречие с нашими республиканскими принципами, то мы его охотно уступим любому либеральному специалисту парламентского шарлатанства. Голодные и порабощенные миллионы, возлагающие на нас свои надежды, отдавшие нам свое доверие, нуждаются в д е й с т в и т е л ь н о й силе, а не в декоративных должностях в парламенте, в котором мы не имеем большинства. А действительную власть в парламенте партия наша может завоевать только основательностью, резкостью и решительностью своей тактики. В качестве сильнейшей партии в империи мы обязаны по всей линии перейти в н а с т у п л е н и е и сделать центром политической жизни интересы и требования стоящих за нами миллионов.

Первой нашей насущной задачей является энергичное продолжение б о р ь б ы з а п р у с с к о е и з б и р а т е л ь н о е п р а в о. В течение почти двух лет мы воздерживались от крупных массовых выступлений в пользу демократического избирательного права в Пруссии, с тою целью, чтобы сконцентрировать все силы на выборах в рейхстаг. Но вот выборы миновали, победа досталась нам, и как раз эта победа обязывает нас с удвоенной силой возобновить массовые выступления для сокрушения трехклассного парламента. Прусское классовое избирательное право должно быть сокрушено, как подгнившее дерево, под напором социал-демократической победы на основе всеобщего избирательного права в империи. Теперь наше дело объединить силы пролетарских масс, которые завершат дело политического укрепления нашего класса.

От нас требуется также и в самом рейхстаге наступление против главного врага: и м п е р и а л и з м а. Первая крупная схватка нашей фракции с германским империализмом по марокккскому вопросу показала, что наша парламентская тактика еще недостаточно метка в борьбе против этого врага. После того как борьба против империализма сыграла такую исключительную роль при выборах и встретила в народных массах всей империи такое безоговорочное одобрение, мы обязаны вести эту борьбу в рейхстаге со всей доступной нам основательностью и последовательностью. Мы должны дать в рейхстаге генеральное сражение националистическим фразам, которые на каждом шагу выставлялись против нас при избирательной борьбе и за которыми скрывается милитаризм, маринизм, колониальная политика, ужасы войны и личного самовластия. Для этого представляется отличный случай, если мы будем парировать ожидаемые проекты военных и морских реформ з а к о н о д а т е л ь н ы м п р е д л о ж е н и е м о б о т м е н е п о с т о я н н о й а р м и и и о в в е д е н и и с и с т е м ы м и л и ц и и. Отстаивание наших прежних

программных требований во всем их объеме и со всеми их выводами дало бы нам возможность принципиально выступить против империализма со всеми его отдельными проявлениями. Благодаря этому в парламенте прозвучал бы отклик настроений и мыслей тех миллионов, которые только-что высказались путем избирательного бюллетеня.

Против намечающейся угрозы всеобщему избирательному праву в рейхстаг нужен мощный натиск. Удар — это самая верная защита. И социал-демократия нанесет его под видом предложения полной демократизации права выборов в рейхстаге. Она не может ограничиться тем, чтобы вместе с либералами добиваться перераспределения избирательных округов, она должна отстаивать все требования, предъявленные нашей программой к избирательному праву. Сюда входит требование права голоса для женщин и гражданских прав для всех совершеннолетних. Наши женщины, наши молодые люди моложе 25 лет так много сделали для блестящей победы социал-демократии, что их политическая зрелость может считаться доказанной и их политическое совершеннолетие заслуженным.

Но и вопрос о хлебе насущном для масс, стоявший в центре избирательной кампании, должен вызвать энергичное выступление. $4^1/_4$ млн. социал-демократических голосов—это многомиллионный крик: долой пошлины на предметы первой необходимости, долой косвенные налоги! Наша фракция должна заставить рейхстаг услышать голос измученных масс. Парламентский долг велит нам внести предложение об отмене всех пошлин и всех налогов на предметы первой необходимости.

Наконец, великие задачи ожидают нас в сфере социальной политики. Огромные массы избирателей и еще неизмеримо большие народные массы, стоящие за нами, ожидают теперь от нас положительной работы. Положительной работы не только в том смысле, каким проникнута вся наша пропагандистская работа, но и в более тесном смысле энергичной борьбы за социально-политические реформы. Наиболее сильная фракция немецкого рейхстага прямо-таки обязана выйти из того оборонительного положения, в котором мы долго отражали непрерывные удары злобной реакции. Заговор против коалиционного права рабочих социал-демократия сможет успешнее всего отразить бурным наступлением. А тут само собою выдвигается то требование нашей программы, которое составляет краеугольный камень всей современной социальной политики: закон о 8-часовом рабочем дне.

Социал-демократическая фракция в течение многих лет не вносила соответствующего законодательного предложения; наконец, мы предложили правительству выработать законопроект о введении 10-часового рабочего дня с постепенным сокращением до 8-часового. Ясно, что в настоящее время соотношение сил требует от социал-демократии гораздо более энергичного образа действий, а именно — внесения своего собственного законопроекта о введении 8-часового рабочего дня. Такой проект будет наиболее красноречивым нашим обращением к только-что перешедшим в наш лагерь пролетарским отрядам, которые раньше тяготели к центру; этим шагом мы окажем также наилучшее содействие нашим профсоюзам, которым мы в значительной мере обязаны нашей победой на выборах и должны предоставить право пожать плоды этой победы. Нельзя себе представить более благоприятной, чем в данный момент, хозяйственной конъюнктуры для широкой агитации за 8-часовой рабочий день с парламентской трибуны и в стране. Мы переживаем полосу блестящего промышленного расцвета. Сильный подъем продукции в обеих руководящих отраслях промышленности — угольной и железной; рекордные цифры ввоза и вывоза, достигнутые Германией за последний год; рост капиталов и банков и крупных акционерных обществ; высокие дивиденды — все это показывает, что капитал опять переживает золотые дни. Это благоприятное хозяйственное положение в совокупности с огромным ростом сил социал-демократии должно быть использовано для энергичного выступления в пользу 8-часового рабочего дня. Первый шаг должен быть сделан в стенах парламента, наша парламентская фракция должна быть застрельщиком, рупором широкой массовой агитации во всей стране.

Наступление по всей линии: в борьбе за прусское избирательное право, в борьбе против империализма, в борьбе за дешевый хлеб и в положительной работе в области социальной политики. В соответствии с нашей беспримерной выборной победой наша парламентская и внепарламентская деятельность должна носить чрезвычайно решительный и напряженный характер. Не в потешных соглашательских спекуляциях с жалкими либералами, поглощенными погоней за мандатами, а в самостоятельной, смелой и принципиальной тактике классовой борьбы мы должны показать Интернационалу, как партия пролетариата умеет использовать парламентские средства для революционной конечной цели социал-демократии.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К I ТОМУ [1]

(К именам частью даны хронологические сведения, поскольку предполагалось, что они могут представлять интерес для читателя и помочь ему лучше ориентироваться в тексте)

[1] Несмотря на недостаточность настоящего указателя, редакция считает его небесполезным для советского читателя.

Мособлит № 52740 А5—148×210. Зак. № 1105 Тираж 4.000.
14-я тип. „Мосполиграф". Варгунихина гора, 8.